Розин В.

Любовь и сексуальность в культуре семье и взглядах на половое воспитание

Можно ли построить современную семью на любви? - спрашивает автор книги, известный философ и психолог. Что мы имеем в виду, говоря о семье и любви, как эти реалии понимались в истории и культуре? Что такое половое воспитание и возможно ли оно в школе? На все эти вопросы читатель найдет ответ в книге В. Розина. А также, чем любовь отличается от сексуальности и какую роль в появлении последней сыграли искусство и средства массовой информации.

Книга будет интересна и полезна не только для студентов педагогических и гуманитарных вузов, но и для всех читателей, которых волнуют проблемы семьи и любви.
Содержание

Введение. Новая волна интереса к проблемам любви и сексуальности 3

1. ФИЛОСОФЫ И УЧЕНЫЕ СПОРЯТ И РАЗМЫШЛЯЮТ О ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ 13
Парадоксальность древних и современных представлений о любви и сексуальности 13
Плутарх против Платона 17
Николай Бердяев и Владимир Соловьев против Василия Розанова 19
Любовь к Богу или любовь к любимому? 23
От маркиза Франсуа де Сада к Эрику Берне 26
Моральные теории любви 29
Эволюция представлений о любви и браке в последние два столетия 33
Концепция сексуальности Зигмунда Фрейда 38
Концепция сексуальности Мишеля Фуко 43

2. ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ49
Позиция автора 49
Кризис семьи, или простая статистика 50
Семейные традиции или свобода личности? 61
Кризис семьи и воспитание детей 66
Что все-таки главное в семейной жизни? 69
Кто виноват в распаде семьи? 74
Все ли благополучно в нашем доме? 90
Ценности семейной жизни 96
Можно ли построить современную семью на любви? 101

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ 116
Два подхода к изучению сексуальности 116
Любовь в архаической и примитивной культуре 118
Идеи и практика любви в античной культуре 127
Христианская мораль и куртуазная любовь 145
Особенности осмысления любви в эпоху Возрождения 158
Новоевропейское представление о любви 166
Формирование секса 174

4. ЛЮБОВЬ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ, ПОЛОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ 183
Психика и телесность 183
Ловушка для <бедных культур> 195
Этический аспект любви 197
Подход к решению проблемы полового воспитания 202

Контрольные вопросы206
Посвящаю любимой жене
Наташе

Введение. НОВАЯ ВОЛНА ИНТЕРЕСА К ПРОБЛЕМАМ ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ

Благая жизнь - это жизнь, вдохновляемая любовью и направляемая знанием. И знание и любовь бесконечны.

Бертран Рассел

Любовь - это самая интимная точка соединения природы и разума, это единственное звено, где природа вторгается в разум, она, стало быть, есть превосходнейшее среди всего природного.

Готлиб Фихте

Речь в книге пойдет о природе любви и сексуальности. Я хочу понять, как они формировались в прошлом и что с ними происходит в наши дни. Говоря об эросе и сексуальности вместо того, чтобы просто использовать слово любовь, тем самым указываю, что мною движет научный интерес. Однако это не оз-

начает, что я буду обсуждать любовь отстраненно, не переживая за нее и за себя. Нет, у меня глубокий личный, житейский интерес к вопросам пола и любви. Для меня понимание природы любви (соответственно в научном плане - эроса и сексуальности) есть момент личного самоопределения или, как сегодня часто

говорят, событие. Итак, мне хотелось бы обсуждать проблемы и природу любви и научно и так, чтобы это обсуждение стало событием и для меня и для читателя, который захочет прочесть эту книгу.

Почему сегодня проблемы любви, пола, сексуальности так заинтересовали и отдельных людей и общественность? Замечу, что наш интерес к этим темам повторяет аналогичный интерес серебряного века. Можно вспомнить, что в русской литературе и философии начала века вопросы пола, любви, секса не просто обсуждались, но отчасти стояли в центре внимания. Здесь достаточно указать имена В. Брюсова, А. Блока, З. Гиппиус, А. Белого, М. Арцебашева, С. Надсона, Вл. Соловьева, Н. Бердяева, В. Розанова. Вот, например, что писал Н. Бердяев о Розанове: "Розанов с гениальной откровенностью и искренностью заявил во всеуслышание, что половой вопрос - самый важный в жизни, основной жизненный вопрос, не менее важный, чем так называемый вопрос социальный, правовой, образовательный и другие общепризнанные, получившие санкцию вопросы, что вопрос этот лежит гораздо глубже форм семьи и в корне связан с религией, что религии вокруг пола образовывались и развивались, так как половой вопрос есть вопрос о жизни и смерти"^. Обсуждая этот период, современный искусствовед Римма Кречетова отмечает: <А между тем российское искусство уже в XIX веке отношения сексуально-любовные занимали чрезвычайно. У Пушкина и Лермонтова, у Тургенева, Толстого шел поиск границы открытости, способов выражения тончайших ощущений и эмоций, меры допустимого физиологизма. Возникла устойчивая традиция одухотворенной откровенности, той, что позже, уже в серебряном веке отзовется так особо, так дразняще непросто. Чувственность (назовем это так) - важная краска искусства того времени, удивительно вбирала в себя как естественно грубое, так и тысячелетиями выпестовываемую в человеке духовность. Дух и плоть эстетически встречались, создавая зону специфического "русского эроса", который притягивал более изощренный в интеллектуальных подходах к "этому" западный мир. Русская литература, музыка, балет несли в Европу особую эротическую энергию, что не в по-

^Бердяев Н.А. Эрос и личность (Философия пола и любви).- М., 1989.- С. 19.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

следнюю очередь способствовало их успеху. Тут есть о чем думать и спорить>^.

Конечно, в наши дни все эти вопросы понимаются иначе, но влияние серебряного века все же ощущается: и в постановке проблем и в отсылке к взглядам наших замечательных поэтов, писателей и философов начала века. Но почему все же эти вопросы интересуют нас?

Начать можно с более отдаленных обстоятельств - общего кризиса культуры и цивилизации. Сегодня сложились два разных понимания, два взгляда на судьбу мировой культуры: так сказать, оптимистический и пессимистический. Оптимисты уверены, что мировая культура на правильном пути, что будущее за наукой, техникой, информацией, рационально организованной экономикой, что ценности западной культуры (успех, власть, личная свобода, сила и т.д.) являются архетипическими и истинными, а западный образ жизни - единственно правильным. Пессимисты, начиная с О. Шпенглера, напротив, уверены в обратном: современная мировая культура клонится к закату. Еще в 20-х годах Н. Бердяев писал: <Мы живем в эпоху, аналогичную гибели античного мира... Все привычные категории мысли и формы жизни самых "передовых", "прогрессивных", даже "революционных" людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего... Индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост народонаселения и неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни - все это привело к созданию индустриально-капиталистической системы, которая изменила весь характер человеческой жизни, весь стиль ее, оторвав жизнь человеческую от ритма природы. Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазии, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальных реальностей. Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения>^.

Более чем полвека, отделяющие нас от этих пророческих размышлений, вроде бы подтверждают их правоту. Экологичес-

^Кречетова Р. Листопад // Театральная жизнь.- 1997.- #4.- С. 15.

^Бердяев Н.А. Новое средневековье (размышление о судьбе России и Европы) // Вестник высшей школы.- 1991.- #3.- С. 100.

кий кризис, кризис антропологический, угроза третьей мировой войны, Чернобыль, кризис нравственности и морали, рост всевозможных заболеваний, возрастание неравенства во всех

сферах жизни - все это и есть дурная и даже гибельная бесконечность. Но как же иначе, говорят оптимисты, как прокормить миллиарды людей, удовлетворить их растущие потребности, как создать комфорт и достойный уровень жизни, как удовлетворить тягу человека к свободе, новизне, удовольствиям, творчеству, успеху?

В поисках разрешения этой дилеммы сегодня намечены два противоположных пути. Один - это надежда разрешить кризисные явления современной культуры на путях науки и образования за счет разумной организации жизни, производства, сознательного подхода ко всему, изменения ориентиров развития науки и технологии. "Развитие для кого? - спрашивает Ф. Майор.- Вряд ли скажешь короче и полнее: для человека, для всех людей. Другими словами, оно должно иметь в качестве первостепенной цели духовное и моральное совершенствование человека, а также улучшение его материальных условий"^. Сегодня, говорит он далее, <наука слишком часто служит силе. Ответ в том, чтобы она служила только разуму. Революция - в знании, в его мудром использовании... Правильная передача знаний и способов их приложения является главным аспектом "рефлексивной" культуры, незаменимым субстратом которой выступает образование>^.

Второй путь разрешения кризисных явлений можно назвать альтернативным или эзотерическим^. Его сторонники предсказывают возвращение человечества или к различным модификациям религиозной культуры (например, Н. Бердяев считает, что грядет "новая коллективная религиозная эпоха, долженствующая собрать в себе всякое подлинное бытие Церкви Христовой"), или к формам жизни, более естественным для человека - с ограниченными здоровыми потребностями, ощущением единства с природой и космосом, с формами бытия, свободными

^Майор Ф. Завтра всегда поздно.- М., 1989.- С. 63.

^Там же.- С. 94, 132.

^Эзотерическое мироощущение исходит из убеждения, что наш мир и наши институты неэффективны или иллюзорны, что существует подлинный мир и человек может обрести его. Необходимые условия этого - кардинальное духовное и психотехническое изменение и переделка человека.

от власти техники. Существуют, говорят сторонники этой позиции, абсолютные человеческие ценности - здоровая жизнь, семья, любовь, дети. Именно к ним и нужно возвращаться, их и нужно отстаивать. Естественная любовь, а не секс, не изощренные поиски наслаждений, любовь прежде всего в семье, а не на стороне, именно любовь, а не сексуальные отклонения и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

извращения^.

Полемика, хорошо ощущаемая в этой позиции, подводит нас еще к одному вопросу, обстоятельству, обострившему интерес к проблемам любви, пола, сексуальности. А именно, как нам относиться к отклоняющимся формам сексуального поведения: гомосексуализму, лесбиянству, групповым оргиям, порнографии, неестественным формам полового сношения и т.д.? В одной из вполне солидных докторских педагогических диссертаций, посвященных античному миру, я прочел, что он, этот мир, погиб потому, что любовь к прекрасным мальчикам у мужчин и к прекрасным женщинам у женщин вытеснила нормальные отношения между полами. Удивляться этому выводу не приходится, читая, например, "Жизнь двенадцати цезарей" римского историка Гая Светония Транквилла. Сегодня в нашей культуре многие формы любви и сексуального поведения, которые раньше относили к патологии и отклонениям от культурной нормы, не только объявляются естественными, но и связываются с возможностью достижения личной свободы граждан или окончательной победой над тоталитарной идеологией^.

^Впрочем, многие исследователи указывают, что и эти абсолютные ценности охвачены кризисом. <Так называемые "противоестественные" формы любви и полового соединения,- писал Н. Бердяев,- приводящие к негодованию ограниченных моралистов, с высшей точки знания нисколько не хуже, иногда даже лучше форм так называемого "естественного соединения"> (Бердяев Н.А. Эрос и личность (Философия пола и любви).- М., 1989.- С. 44).

^В журнале "Огонек" на заре перестройки и реформы Людмила Сальникова в статье "Вперед к личной жизни", правда, не без юмора пишет: "Свободу мы всегда понимали исключительно в политическом смысле. Свобода нравов? Свобода поведения? - Это нечто неясное и неприличное, почти разврат... запрещать ничего нельзя, иначе весь порнографический бизнес опять уйдет в подполье и примет извращенные формы. Семьдесят лет у нас сажали в тюрьму проституток, гомосексуалистов, в последнее время даже владельцев видео. Что-нибудь изменилось к лучшему?" (Огонек.- 1991.- #44).

7

Последнее аргументируется тем, что ханжество и бесправие в общественной жизни было распространено столь широко, что захватило даже телесную основу советского человека, так что уже, напротив, ханжеские отношения в сфере интимной жизни, отсутствие здесь свободы поддерживали всю пирамиду поведения личности вплоть до общественного поступка. <В Советском Союзе,- пишет Р. Кречетова,- секса не было. Это теперь знает каждый школьник. Но то, что знают "все", редко бывает истиной. Мы просто заблудились в словах. А вынужденное приняли за действительность.

Секс, эротика, порнография утратили сегодня в нашей постоянно шарахающейся из стороны в сторону действительности свои разграничительные признаки. Бедный, бедный Станислав Говорухин с его законом об ограничении и т.д. Ну где он сегодня найдет тех, кто сумеет отличить одно от другого>^.

Но не только выход на поверхность "любовного андеграунда" (проституции, порнографии, гомосексуализма, лесбиянства, трансвестицизма и т.п.) снова привлек интерес общества к вопросам любви и секса. Обостряют интерес и новые медицинские технологии, позволяющие ни больше, ни меньше как сменить пол. Оказывается, и в нашей стране и за рубежом тысячи вполне нормальных людей сегодня меняют пол. Читая одну из типичных статей о смене пола, я удивился. Поразила меня эта статья не только самим материалом, но и отношением автора к этому явлению. Да никак автор к этому не относится, просто описывает технологию генетической коррекции и приводит короткие интервью с пациентами Центра репродукции человека и планирования семьи, где делаются эти операции. Как такое может быть, подумал я, ведь люди меняют пол, из женщин становятся мужчинами и наоборот, меняют не только пол, но и личность, идут на тяжелейшие операции, а автор - ни слова о нравственной и этической стороне вопроса, как будто это самое обычное дело. Более того, из статьи следует, что смена пола - вполне естественное дело, в результате получаются люди, которые "в дальнейшем чаще всего слывут хорошими семьянинами" и вообще преуспевающими, полноценными людьми.

И ладно, если бы речь шла об отдельных, частных явлениях общественной жизни. Нет, что-то меняется в самой культуре, в нашем отношении к вопросам пола. Этот процесс ускоряется и в

^Кречетова Р. Цит. соч.- С. 14.

связи с попытками создать индустрию любви. И опять у нас нет никакого отношения к этому. Дело не только в падении вкуса и в пошлости, хлынувшей на нас со страниц книг, журналов, с экранов телевизоров, но и в отсутствии нравственной позиции, вообще какой бы то ни было осмысленной позиции.

Нет позиции в этом вопросе и у многих ученых. Например, в интересной книге польского культуролога Збигнева Лев-Старовича "Секс в культурах мира", с одной стороны, признается, что "массовая культура закручивает спираль эротизма, нередко становясь рядом с порнографией"^, что различные публикации и фильмы с эротическим содержанием формируют установки у молодежи и не только молодежи, а с другой стороны, сам автор описывает секс в различных культурах так, как будто это феномен природы, далекий от этических размышлений и оценок. Кому-то может показаться, что и сам секс как культурное явле-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ние требует подобного бесстрастного рассмотрения, ведь в разных культурах, как показывает Лев-Старович, были все мыслимые и немыслимые сексуальные отклонения, причем то, что в одной культуре (например, мастурбация, гомосексуализм, оргии или неклассические позы) являлось культурной патологией, в других культурах было нормой и естественным ходом дел. Если одни исследователи трактуют культивирование секса и эротизацию современной жизни как зло, как свидетельство заката культуры Запада, то другие, напротив, видят в этих процессах символы "новой нравственности, свободной от табу, от заторможенности"^. Но и те и другие судят о сексуальности скорее эмоционально, чем опираясь на знание и научное понимание этого явления.

Впрочем, есть счастливые исключения. Речь идет об исследовании сексуальности, проведенном известным современным французским философом Мишелем Фуко. Проблематизируя тему секса, М. Фуко спрашивает: <Какая-то скользкая дорожка за несколько веков привела нас к тому, чтобы вопрос: что мы такое? - адресовать сексу... Как удалось почти целиком и полностью поставить нас - наше тело, нашу душу, нашу индивидуальность, нашу историю - под знак логики вожделения и желания. Именно она отныне служит нам универсальным ключом, как только заходит речь о том, кто

^Лев-Старович З. Секс в культурах мира.- М., 1991.- С. 104, 107.

^Там же.- С. 105.

мы такие. И не одно столетие прошло уже с тех пор, как бесчисленные теоретики и практики плоти сделали из человека - без сомнения, весьма мало "научным" способом - детище секса, секса властного и интеллигибельного. Секс - причина всего>^.

Если секс причина всего, то в чем тогда роль любви? И чем вообще секс отличается от любви? В английском языке слово sex означает как пол, так и любовь. Однако для любви есть и свое слово - love. В русском языке со словом секс связаны такие представления, как, например, нечто запретное, пограничное, наслаждение как самоцель, которые мы не находим в слове любовь. Когда известного искусствоведа Льва Аннинского спросили, является ли сексология наукой, позволяющей людям учиться заниматься любовью, он ответил:

<...Заниматься любовью? Кстати сказать, есть нечто дикое для меня в самом понятии "заниматься любовью". Любовь - это не понятие, это состояние, состояние, при котором все становится видно в подлинном свете... Это и есть понятие любви. А эрос что-то самостоятельное - это что-то из области медицины.

Это при отклонениях наверное.

Для меня, когда Тургенев пишет, что его героиня вся затрепетала, это и есть эрос. Затрепетала "вся", а не каким-то там кусочком организма, нарочно для того предназначенным. Я подозреваю, что и на Западе, откуда пришло к нам сугубое "занятие любовью", человеческое, естественное вряд ли в таких занятиях реализуется>^.

Необходимость различения любви и секса диктуется не только личностными или эстетическими соображениями, но и весьма практическими. Так, в настоящее время на Западе и у нас вводятся программы полового воспитания. Но спрашивается, что под этим понимать?

Например, авторы международного проекта "Половое воспитание российских школьников", осуществляемого в рамках планирования семьи, понимают под половым воспитанием гигиену отклоняющихся форм сексуального поведения. Анализируя этот проект, представители Фонда социально-психического здоровья семьи и ребенка И.Я. Медведева и Т.Л. Шишова пишут:

^Фуко М. Воля к истине.- М., 1996.- С. 176-177.

^Аннинский Л. Не возжелай // Театральная жизнь.- 1997.- #4.- С. 2.

10

В пресс-релизе Министерство образования РФ мотивирует необходимость введения полового просвещения школьников "резким ростом количества беременностей, абортов и заболеваний, передающихся половым путем, среди подростков, участившимися случаями сексуального насилия... Кроме того, с экранов телевизоров, видеомагнитофонов, со страниц газет и журналов на молодых людей обрушился поток порнографии и полупорнографии".

Почему-то, сетуя на засилье порнографии, Министерство образования не призывает ее запретить, а фактически обязывает школу обучать детей тому же самому, но более системно и квалифицированно. Дескать, пожалуйста, на здоровье, но грамотно!

Какое же общественное мнение формируется по данному вопросу? Приблизительно такое:

- школа будет рассказывать детям, "что они не родились в капусте";
- говорить о вреде абортов;
- учить пользоваться контрацептивами, чтобы не забеременеть и не заразиться венерическими болезнями. Вроде бы благие начинания. Хотя сразу же возникают три вопроса:

1. Почему не хотят внушать - с помощью родителей, тех же школьных учителей или священнослужителей,- что детям не следует вступать в

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ранние половые связи, а собираются учить их грамотно это делать, таким образом, в принципе давая индульгенцию на детский секс?

2. Почему надо просвещать всех скопом - коллективно и при смешанной системе обучения,- а не разбираться с отдельными случаями? (Для чего, в частности, и существует должность школьного психолога).

3. Почему этот предмет называется "половое воспитание", а не "техника секса"? Ведь только на изучение физиологии полового акта в старших классах отводится 26 часов.

Значительную часть учебного времени занимает подробное изучение всех существующих видов половых извращений, проституции, онанизма. Обучение будет проходить не только с помощью учебников, но и наглядных пособий, а также полоролевых игр (?!). О добровольности занятий в проекте не упоминается. Больше того, высоко оценивается пример одной из скандинавских стран - Швеции, где половое воспитание по закону проводится с детского сада без согласия родителей.

В проекте говорится, что в области полового воспитания он принесет пользу всему сообществу школьных учителей и врачей. Он повысит нашу информированность о "детерминантах сексуального поведения российских подростков" и "заполнит огромный информационный пробел в сексуальном образовании как у них, так и у их родителей и учителей".

В качестве образца успешного проведения данного проекта приводятся западные страны^.

^Международный проект "Половое воспитание российских школьников в системе общего и профессионального образования Российской Федерации". Фонд социально-психического здоровья семьи и ребенка (Сборник материалов). Рукопись.- М., 1997.

Действительно, речь в проекте идет о сексуальной гигиене (чего стоят, например, разработанные в рамках проекта закладки для детских книг с девизами "Ваш друг презерватив", "Презерватив - это... круто" и соответствующими рекламными изображениями). О любви и нормальных отношениях полов в проекте почти ни слова. Реакция общественности и специалистов на проект была достаточно бурной и крайне отрицательной; в результате решением Министерства общего и профессионального образования РФ проведение эксперимента по проекту в 16 пилотных школах было прекращено.

Но проблема полового воспитания все же остается. Как ее решать? На что при этом ориентироваться: на любовь, секс, а если на норму, то какую? Понятно, что ответить на эти вопросы невозможно, не проанализировав природу самих этих явлений.

План нашего "путешествия-исследования" будет следующий.

Сначала я расскажу о том, что о любви и сексе думали философы и ученые. Затем мы обсудим, что такое современная семья (имеются в виду некоторые типичные проблемы российской и не только российской семьи) и можно ли ее основать на любви. После этого, используя собственные знания в области истории и культурологии, я познакомлю читателя с тем, как любовь и секс понимались в истории и разных культурах. Следующий шаг, который напрашивается,- обсуждение природы и сущности любви и секса. Завершим путешествие мы постановкой проблемы полового воспитания.

1. ФИЛОСОФЫ И УЧЕНЫЕ СПОРЯТ И РАЗМЫШЛЯЮТ О ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ

Наше современное представление о любви получило название романтической концепции любви. Считается, что первыми принципы романтической любви разработали американские пуритане в XVII веке. С романтической концепцией любви связываются такие характеристики, как идеализация (любимого и любимой), новое понимание человека и взаимоотношений (как писал канадский теолог Герберт У. Ричардсон, суть романтической любви - равенство партнеров), любовная страсть или более сдержанные, но все же сильные эмоциональные переживания. Вот для примера несколько высказываний ученых о романтической любви.

Ричардсон, автор книги "Монахиня, ведьма, партнерша: американизация любви", считает, что романтическая любовь рождает высокое чувство личной уникальности и индивидуальности, освобождает человека от пут средневековых представлений, закладывает основы для равных, неавторитарных отношений в обществе, создает всеобщие ощущения свободы личности. Психотерапевт из Калифорнии Натаниэль Бренден в статье "Видение романтической любви" перечисляет психологические потребности, которые удовлетворяет романтическая любовь: общения,

любить и быть любимым, испытать с любимым родство душ, удовлетворять сексуальные желания, самореализации.

Без удовлетворения этих базовых потребностей, уверен Н. Бренден, "мы просто умираем". Напротив, американский психотерапевт Стэнтон Пил в статье "Глупцы для любви" пишет, что романтическая любовь - это одно из проявлений социальной и индивидуальной патологии. Романтическая любовь, считает он, пагубна, сродни пристрастию к наркотику, напоминает умо-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

помрачение. Именно общество, полагает Пил, создает ситуации, поощряющие пагубную любовь, вместо того чтобы пропагандировать отношения дружбы и товарищества.

Со своей стороны отметим еще два момента. В целом романтическая любовь - это любовь мужчины к женщине и наоборот, т.е. любовь к человеку противоположного пола. Кроме того, она не противоречит браку. Завершение романтической любви романтическим браком - естественное развитие событий в нашей культуре, которую иногда называют новоевропейской. Но если мы пойдем вглубь веков и задержим свое внимание на колыбели нашей цивилизации - Древней Греции, то с удивлением обнаружим совершенно иные, непривычные для нас представления о любви и браке. Наиболее отчетливо они описаны в знаменитом диалоге Платона "Пир". Но предварительно несколько слов для понимания этого диалога.

Судя по литературе, в Древней Греции различались три разные формы (вида) любви: любовь между супругами и друзьями, любовь чувственная ("эрос", ее по Платону символизирует Афродита пошлая, земная) и любовь возвышенная. Только первая форма, между мужем и женой осуществлялась обычным путем. Чувственная любовь - это всегда любовь "на стороне"- к чужой жене, к наложнице, к проститутке^.

Но самое замечательное изобретение греков - любовь возвышенная (символизируемая Афродитой небесной). Те, кто следовал такой любви, вдохновлялись не чувствами, а прежде всего идеями: красоты, блага, бессмертия. Кроме того, это чаще всего не любовь мужчины к женщине, а любовь мужчины к мужчине,

^Сходную картину мы наблюдаем и в Древнем Риме. Известна реплика наследника императора Андриана (II в.) Элия Вера, адресованная законной жене: <Ясно, что я удовлетворяю свои страсти с другими: ведь понятие "жена" обозначает почет, а не удовольствие> (Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века.- М., 1991.- С. 30).

точнее, к прекрасному юноше, или женщины к женщине (прекрасной девушке). Наконец, Платон склоняется к мысли, что возвышенная любовь не требует брака, что брак ей, так сказать, противопоказан. Но послушаем самого Платона. Раскроем "Пир". Платон устами одного из героев диалога Павсания говорит:

Так вот, Эрот Афродиты пошлой поистине пошл и способен на что угодно: это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные. А такие люди любят, во-первых, женщин не меньше, чем юношей; во-вторых, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души... Вот почему они и способны на что угодно - на хорошее и на дурное в одинаковой степени. Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому,-

недаром это любовь к юношам,- а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости. Поэтому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильней от природы и наделено большим умом... Такова любовь богини небесной: сама небесна, она очень ценна и для государства и для отдельного человека, поскольку требует от любящего и от любимого великой заботы о нравственном совершенстве (курсив наш.- В.Р.). Все другие виды любви принадлежат другой Афродите - пошлой^.

Не правда ли, странное требование - "нравственное совершенствование" возлюбленных. Разве занятие любовью - упражнение в нравственности? Для Платона - да. И более того, он считает, что любовь - это своеобразный путь человека, ведущий прямиком к бессмертию. Так, Платон, хотя и начал в "Пире" с рассмотрения идеи чувственной красоты и привлекательности, стремления к физическому соединению и воспроизводству, но затем подчинил эту идею другой. "Но если любовь, как мы согласились,- пишет он,- есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя не желать и бессмертия. А значит, любовь - это стремление к бессмертию"^. Раз это столь серьезное дело, то на пути к бессмертию ничто не должно отвлекать человека - ни пустые занятия, ни развлечения, ни семья.

Возражая против обвинений приверженных божественной Афродите людей в безнравственности, Платон подчеркивает их мужество, ум, общественную ценность. "Некоторые,- говорит другой герой "Пира", Аристофан,- правда, называют их (прекрасных юношей. - В.Р.) бесстыдными, но это заблуждение: ведут они себя так не по своему бесстыдству, а по своей смелости,

^Платон. Пир // Соч.: В 3 т.- М., 1970.- Т. 2.- С. 107,111.

^Там же. С. 138.

мужественности и храбрости, из пристрастия к собственному подобию. Тому есть убедительное доказательство: в зрелые года только такие мужчины обращаются к государственной деятельности. Возмужав, они любят мальчиков, и у них нет природной склонности к деторождению и браку; к тому и другому их принуждает обычай, а сами они вполне довольствовались бы сожительством друг с другом без жен. Питая всегда пристрастие к родственному, такой человек непременно становится любителем юношей и другом влюбленных в него"^.

Чтобы оправдать естественность сожительства в любви людей одного пола и одновременно объяснить желание их к соединению (слиянию), Платон устами Аристофана излагает правдоподобный миф о происхождении людей разного пола из монстров-андрогинов, существ, соединявших в себе признаки муж-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ского и женского полов. У андрогинов было три пола: мужской, женский и смешанный. Зевс и Аполлон рассекли андрогинов пополам, на мужчин и женщин.

Итак,- говорит Аристофан,- каждый из нас - это половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины (андрогина женского пола.- В.Р.), к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и юношей, ибо они от природы самые мужественные.

Поистине замечательный текст и такой странный. Ведь Платон доказывает, что более естественно мужчине любить не женщину, а прекрасного юношу, что любовь не столько дело чувств и страсти, сколько ума и воспитания, что конечная ее цель не наслаждение, а благо. При таком понимании соитие в любви и деторождение отодвигаются куда-то на задний план, а семья выступает скорее как препятствие на пути к любви, чем естественная ее среда. С точки зрения наших современных представлений (т.е. романтической концепции любви и брака), все поставлено с ног на голову. Спрашивается почему, кто заблуждается: мы или

^Платон. Цит. соч.- С. 118-119.

Платон? Хочется сказать, конечно, Платон, но ведь Платон - это Платон и "Пиром" восхищалось не одно поколение людей. Но может быть нас успокоит то, что и в античности были мыслители, несогласные с великим философом.

ПЛУТАРХ ПРОТИВ ПЛАТОНА

В диалоге "Об Эроте" Плутарх явно полемизирует с "Пиром" Платона^. Герой его диалога Протоген сначала фактически излагает точку зрения Платона. <Действительно,- говорит он,- законодатели справедливо превозносят это соединение как необходимое для продолжения человеческого рода и прославляют его перед толпой. Но у истинного Эрота нет ничего общего с гинекеем^, и я утверждаю, что отношение к женщинам и девушкам тех, кто к ним пристрастился, так же далеко от Эрота, т.е. любви, как отношение мух к молоку или пчел к сотам. Эрот, соприкоснувшись с молодой и одаренной душой, приводит ее к добродетели по пути дружбы, а желания, устремленные на женщину,

в лучшем случае завершаются преходящим телесным наслаждением. В этом смысл ответа, который был дан Аристиппом человеку, жаловавшемуся, что Лайда его не любит. "Я знаю,- сказал Аристипп,- что вино и рыба меня не любят, и, однако, я с удовольствием пользуюсь тем и другим". Ведь цель желания - наслаждение и удовлетворение>^. Другой участник диалога, отец Автобула, с одной стороны, соглашается с тем, что нельзя останавливаться в любви только на удовлетворении телесного наслаждения, что любовное влечение нужно облагораживать, превращая в умное и нравственное дело, но с другой - доказывает в противоположность Платону, что добродетель и дружба присущи и женщинам и что эти прекрасные качества лучше всего реализовать в браке и семье.

И вот некоторые,- говорит он,- пытаясь насильно и безрассудно погасить страсть, не пришли ни к чему хорошему, но или наполнились чадом смятения, или, обратившись к темным и недостойным наслаждениям, бесславно увяли. Те же, кто, руководствуясь здравыми рассуждениями и совестью, как бы отняли у огня его безудержность, но оставили душе сияние,

^Плутарх. Об Эроте // Мир и Эрос.- М., 1991.

^Гинекей - женская половина дома.

^Плутарх. Цит. соч.- С. 45.

свет и теплоту, которая вызывает не сотрясение, как сказал кто-то, теснящее атомы семян под воздействием возбуждения и благодаря их гладкости, а удивительный животворный разлив, подобный движению соков в растении и раскрывающий поры взаимопонимания и благорасположения. Не проходит много времени, и они, минуя тело любимых, проникают до глубины их существа, разверзшимися очами созерцают их нравственный облик и вступают в общение с ними в речах и делах... Нелепо, как я уже сказал, утверждать, что женщинам вообще чужда добродетель. Надо ли говорить, в частности, об их скромности и рассудительности, об их верности и справедливости, если многие из них показали замечательные примеры: мужества, героизма и величия духа? Но, не отрицая их прекрасной природы, во всем прочем, отказать им в способности к дружбе и вовсе дико... Таково то соединение, которое поистине можно назвать соединением в целом, соединением супругов, объединенных Эротом, тогда как соединение людей, только живущих вместе, можно уподобить соприкосновениям и переплетениям эпикуровских атомов, испытывающих непрерывный ряд взаимных столкновений и отталкиваний, но не создающих никакого единства, какое создает Эрот, присутствующий в брачном общении. Нет никакой большей радости, более постоянной привязанности, столь светлой и завидной дружбы, как там, где единодушно живут, охраняя домашний порядок муж и жена...

Но любовь к благородной женщине не только не знает осени и процветает при седине и морщинах, но и остается в силе до могильного памятника. Трудно найти примеры длительной любви мальчиков, но нет числа при-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

мерам женской любви^.

Здесь Плутарх явно противопоставляет благородных женщин благородным юношам, брак, основанный на возвышенной любви, браку без любви, идеальные отношения в любви (т.е. любовь, преображенную "рассуждениями", "совестью", "сиянием", "светом" "теплотой", "общением") простым чувственным удовольствиям от соития. Судя по литературе, к концу античности "недостойные и темные желания", как и брак без любви, уже стали серьезной проблемой, и Плутарх блестяще ее решает^. Спор Плутарха с Платоном напоминает другой, который происходил почти через две тысячи лет между русскими философами.

^Плутарх. Цит. соч.- С. 51, 52.

^Изменилась отчасти и сама практика любви. Вот всего один пример. Римский поэт Децим Магн Авсоний посвящает своей жене следующее стихотворение: "Будем жить, как мы жили, жена! Тех имен не оставим, /Что друг для друга нашли в первую брачную ночь!/ Да не настанет тот день, что нас переменит: пусть буду /Юношей я для тебя, девушкой будь для меня! /Если бы старше я был, чем Нестор, и если б Дейфобу/ Кумскую ты превзошла возрастом, что до того!/ Знать мы не будем, что значит преклонная старость!/ Не лучше ль,/ Ведая цену годам, счета годов не вести!"

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ ПРОТИВ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Конечно, русские философы начала века понимали вопросы пола и любви иначе, чем античные мыслители, но все же аналогии просматриваются. Парадоксальный мыслитель Василий Розанов воспевает любовь в лоне семьи, но в отличие от Плутарха не только не облагораживает ее мыслью, светом, совестью, теплом, но, напротив, снижает. Зато он поэтизирует, превозносит до небес не просто "телесное наслаждение", получаемое в любви, а сам акт совокупления. Более того, он почти кощунствует (явно полемизируя здесь с церковниками), отождествляя слияние душ с совокуплением. Но, может быть, Розанов действительно так думает, действительно исходит из "космического сложения", из идеи физической душевной любви, пронизывающей собой все - от соития влюбленных до мерцания звезд? Впрочем, не будем голословными, откроем его книгу "Люди лунного света".

Во всех фактах, христианских и дохристианских, мы имеем в зерне дела какое-то органическое, неодолимое, врожденное, свое собственное и невнушенное отвращение к совокуплению, т.е. к соединению своего детородного органа с дополняющим его детородным органом другого пола. "Не хочу! Не хочу!" - как крик самой природы, вот что лежит в основе всех этих, казалось бы, столь противоприродных, религиозных явлений... Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только со-

отношение, но полное тождество между типичными качествами у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душою в ее идеале, завершении. И слова о "слиянии душ" в супружестве, т.е. в половом сопряжении, верны до потрясающей глубины. Действительно, "души сливаются" у особей, когда они сопряжены в органах!.. Мужская душа в идеале - твердая, прямая, напирающая, одолевающая: но между тем ведь это все - почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукою!... Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения жизни и вообще всего очерка души - нежность, мягкость, податливость, уступчивость. Но это только - названия качеств ее детородного органа... Каковы - души, таковы и органы! От этого-то в сущности космогонического сложения (не земного только) они и являются из всего плодородными, потомственными, сотворяют и далее, в бесконечность, "по образу и подобию своему"... Душа - от души, как искра - от пламени: вот деторождение^.

Если Розанов воспевает и возвышает половой акт, сливая его с душой любви и душой человека, то Н. Бердяев видит в нем зло. Половой акт, считает Бердяев, разрушает личность, отвле-

^Розанов В. Люди лунного света.- М., 1990.- С. 39-41.

кает от лица любимого, он антидуховен. Вообще, великий русский философ отрицательно относится к половой жизни, даже ради продолжения рода. Именно это, считает он, уводит от личности, от духовного спасения. Впрочем, Бердяев часто непоследователен: то он напрочь отрицает половую любовь, половой акт, то пытается их оправдать. Вот первая его позиция.

Сексуальный акт внутренне противоречив и противен смыслу мира. Природная жизнь пола всегда трагична и враждебна личности... С пола начинает тлеть и распадаться личность человека, отыматься от вечности... Смертельная тоска сексуального акта в том, что в его безличности раздавлена и растерзана тайна лица любимого и любящего. Сексуальный акт вводит в круговорот безличной природы, становится между лицом любящего и любимого и закрывает тайну лица (по Бердяеву, любовь есть путь к раскрытию тайны лица, обнаружению в нем образа Бога). "В самом сексуальном акте,- продолжает Бердяев,- есть что-то уродливое. Леонардо да Винчи говорил, что половой орган так уродлив, что род человеческий прекратился бы, если бы люди не впадали в состояние одержимости... Жизнь эротическая, за вычетом отдельных мгновений,-самая печальная сторона человеческой жизни^.

Теперь его вторая, почти противоположная позиция, развиваемая, правда, в ранней работе "Метафизика пола и любви".

Если признать греховным всякое сладострастие, если видеть в нем только падение, то нужно отрицать в корне половую любовь, видеть сплошную грязь в плоти любви. Тогда невозможен экстаз любви, невоз-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

можна чистая мечта о любви, так как любовь сладострастна по существу своему, без сладострастия превращается в сухую отвлеченность... пора перестать видеть в сладострастии уступку слабости греховной человеческой плоти, пора увидеть правду, святость и чистоту сладострастного слияния... Высшая форма любви не есть любовь бесполая, бесплотная, не есть высушенный долг и моральная отвлеченность, в основе ее лежит мистическая чувственность, непосредственная радость касания и соединения^.

Кажется, еще шаг - и Бердяев попадет в объятия В. Розанова. Но нет,

...есть сладострастие Афродиты простонародной, но есть сладострастие и Афродиты небесной. Только при допущении праведного сладострастия может быть речь о смысле любви, могут оказаться чистыми чаяния любви. Всякий экстаз сладострастен, и элемент сладострастия был во всех религиозных таинствах. В окончательном слиянии

^Бердяев Н.А. Эрос и личность (Философия пола и любви).- М., 1989.- С. 70, 71, 92, 134, 141.

^Там же.- С. 42, 47.

полной и вечной индивидуальности с космосом будет то экстатическое блаженство, которое есть в слиянии полов^.

Чтобы понять последнее утверждение, необходимо учесть, что Н. Бердяев вслед за Вл. Соловьевым считал, что решение проблемы пола и любви есть решение религиозное и духовное. И не просто духовное, а мистическое. Должно состояться преображение духа и плоти, переход их в иную, трансцендентальную и мистическую реальность.

В истории мировой философии,- пишет Н. Бердяев,-я знаю только два великих учения о поле и любви: учение Платона и Вл. Соловьева. "Пир" Платона и "Смысл любви" Соловьева - это самое глубокое, самое проникновенное из всего, что писалось людьми на эту тему... В Афродите небесной Платона уже чувствуется дыхание христианского Эроса, таинственного и по сию пору, средневекового романтизма и глубочайшего, возможного лишь после Христа учения Вл. Соловьева о любви, как пути к индивидуальному бессмертию... Окончательное преодоление пола, соединение полов есть не только слияние противоположных человеческих половин (вспомним учение Платона об андрогине.- В.Р.), но также и слияние с вечной женственностью (известное учение Вл. Соловьева.- В.Р.) и с Божеством... может ли быть соединение человечества не в роде, не по необходимости, не безличное соединение, а мистический, сверхприродный организм, возможна ли новая соединяющая любовь, возможно ли превращение человеческого рода в Богочеловечество?.. Но мистическая тайна полового соединения в том и заключается, чтобы не попасть в рабство безликого родового инстинкта, не поддать-

ся хитрости греховной природы, а найти органическое дополнение к своему вечному образу в Боге, осуществить в любви идею Божью, то есть индивидуальностью завоевать бессмертие^.

Итак, Н. Бердяев не просто отрицает ценность полового акта и любви, он настаивает на решительном духовно-мистическом преображении всей половой телесности. Но спрашивается, что это значит - "духовно-мистическое преображение"? Возможно ли оно, и, если возможно, что собой представляет? К сожалению, мы не найдем ответы на эти вопросы у самого Бердяева. Одно понятно: Бердяев пытается осмыслить и преодолеть христианское наследие в этом вопросе. И высказывается здесь он вслед за Розановым достаточно резко:

Христианство не преобразило пола, не одухотворило половой плоти, наоборот, оно окончательно сделало пол хаотическим, отравило его. Демонизм пола есть только обратная сторона христианского проклятия пола. Могущественная половая любовь была загнана внутрь, так как ей отказали

^Бердяев Н.А. Цит. соч.- С. 43.

^Там же.- С. 22, 26, 38.

в благословении, превратилась в болезненное томление, не покидающее нас и до сих пор... Господствующее религиозное сознание поставило проблему пола в зависимость от вульгарного дуализма духа и плоти, связало ее с греховностью плоти, и это была не только моральная, но и метафизическая ошибка... Так называемая христианская семья есть лицемерная ложь, языческий компромисс, подобный христианскому государству. Хаос пола так же бушует под покровом семьи, как он бушевал в крови средневековых отшельников. Весь Розанов есть реакция на христианскую отраву пола, восстановление первоначальной святости пола^.

Эти и другие высказывания Н. Бердяева заставляют нас поставить вопрос: о какой любви он говорит? Явно не об обычной: к женщине и в семье. Бердяев сам, правда с огорчением, писал, что его отталкивали беременные женщины, что счастливая семейная жизнь - это редчайшая счастливая "обыденность", что в его идеале любви (так же, как и у Вл. Соловьева) был "силен Эрос платонический, который направлен на вечную женственность Божью, а не конкретную женщину"^. Недаром Н. Бердяев восхищается учением Я. Беме об андрогине и Софии, которое он цитирует: "Из-за похоти своей Адам утратил деву и в похоти обрел женщину; но дева все еще ждет его, и если только он захочет вступить в новое рождение, она с великой честью вновь примет его... Премудрость Божия есть вечная Дева, а не жена, она беспорочная чистота и целомудрие и предстает как образ Божий и подобие троицы"^.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Требование преображения пола в Боге, очевидно, заставляло Бердяева отрицать и половой акт, и половую жизнь, и даже семейную жизнь, хотя последний вывод он избегал делать, понимая, что с этим связано для обычного человека. Вникая в метания и мысль Н. Бердяева, я невольно вспомнил знаменитую историю любви и переписку Абеляра и Элоизы, относящуюся к началу XII века. В этой переписке прекрасная Элоиза восстает против требований средневекового общества - ставить на первое место любовь к Богу. Признавая могущество Бога, она тем не менее выбирает любовь к своему возлюбленному и, подобно Сократу, предпочитает осуждение общества и обвинение в безбожии, чем отказ от своей любви, от себя и ложь.

^Бердяев Н.А. Цит. соч.- С. 20-21.

^Там же.- С. 140-141.

^Там же.- С. 64.

ЛЮБОВЬ К БОГУ ИЛИ ЛЮБОВЬ К ЛЮБИМОМУ?

Страстная любовь знаменитого французского философа магистра Абеляра и юной, обладающей редкими способностями к наукам, семнадцатилетней Элоизы, как известно, закончилась трагично. Дядя и родные Элоизы, решив, что Абеляр обесчестил Элоизу (хотя они тайно обвенчались, и дядя это знал), что он "грубо обманул их и посвятил Элоизу в монахини, желая совершенно от нее отделаться" (хотя он только укрыл Элоизу в женском монастыре Аржантейль), подкупили слугу Абеляра и подослали в его дом нескольких наемных палачей. Когда Абеляр спал, те проникли ночью в спальню магистра и оскопили его (как сам Абеляр пишет: "...отомстили мне самым жестоким и позорным способом, вызвавшим всеобщее изумление: они изуродовали те части моего тела, которыми я совершил то, на что они жаловались^"). И вот, будучи оба в постриге (Абеляр - аббат в Бретани, Элоиза - настоятельница, аббатиса монастыря в Аржантейле), они через 26 лет начинают знаменитую переписку. Поводом к ней послужила прочитанная Элоизой "История моих бедствий". Чтение воспоминаний любимого ею человека оживили в душе Элоизы никогда не умиравшую любовь к Абеляру, но одновременно она глубоко задета, обижена: Абеляр не уделяет ей внимания, занят своими проблемами и бедами и, похоже, уже давно не любит ее. Об этом Элоиза прямо пишет Абеляру:

Тебя соединяла со мной не столько дружба, сколько вожделение, не столько любовь, сколько пыл страсти. И вот, когда прекратилось то, чего ты желал, одновременно исчезли и те чувства, которые ты выражал ради этих желаний. О возлюбленнейший, это догадка не столько моя, сколько всех, не столько личная, сколько общая, не столько частная, сколько об-

щественная. О, если бы так казалось мне одной, о, если бы твоя любовь нашла что-нибудь извиняющее, от чего - пусть немного - успокоилась бы моя скорбь! О, если бы я могла придумать причины, которые, извиняя тебя, как-либо опровергли бы мое низкое предположение!^

В истории и переписке Элоизы есть один непонятный момент: страстно любя Абеляра, Элоиза упорно отговаривала его от брака с нею. Она пишет:

И хотя наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой, или, если ты не оскорбишься,- твоею сожительницей или любовницей. Я думала,

^Абеляр П. История моих бедствий.- М., 1959.- С. 31.

^Там же.- С. 70.

что чем более я унижусь ради тебя, тем больше будет твоя любовь ко мне и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе... ты не пренебрег изложить и некоторые доводы, при помощи которых я пыталась удержать тебя от нашего несчастного брака, хотя и умолчал о многих других, по которым я предпочитала браку любовь, а оковам - свободу. Подтверждает эту установку своей возлюбленной и Абеляр. Убеждая или отговаривая меня при помощи этих или подобных доводов и будучи не в состоянии победить мое недомыслие, но не желая в то же время оскорбить меня, она вздохнула, заплакала и закончила мольбы так: "В конце концов остается одно: скорбь о нашей погибели будет столь велика, сколь велика была наша любовь"^.

Когда же, замечает Абеляр, позже после трагедии с ним все жалели и пугали Элоизу монастырской жизнью, она отвечала сквозь слезы и рыданья, повторяя жалобу Корнелии:

О величайший супруг мой!
Брак наш - позор для тебя. Ужели злой рок будет властен
Даже над этой главой? Нечестиво вступила в союз я,
Горе принесши тебе. Так приму же и я наказанье!
Добровольно приму я его...^

Но только ли потому Элоиза не хотела вступать в брак, что думала об Абеляре? Вряд ли. Вчитываясь в ее два письма к Абеляру, я вижу, что для нее более ценным была не любовь к Богу, не любовь в браке, освященном Богом, а любовь к Абеляру, любовь свободная, любовь чувственная, любовь, позволяющая ей ощущать себя, как бы мы сегодня сказали, личностью, хотя признающей Бога, но и одновременно осознающей свое собственное достоинство. Действительно, Элоиза признает, что в монастырь она пошла только по воле Абеляра, из любви к нему, что воспоминания о чувственной любви к нему заполняют ее сознание даже во время богослужения, что она понимает свою грехов-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ность и слабость, но спокойно принимает свою судьбу.

И в самом деле, любовные наслаждения, которым мы оба одинаково предавались, были тогда для меня настолько приятны, что они не могут ни утратить для меня прелесть, ни хоть сколько-нибудь изгладиться из моей памяти. Куда бы ни обратилась я, они повсюду являются моим очам и возбуждают во мне желания. Даже во сне не щадят меня эти мечтания. Даже во время торжественного богослужения, когда молитва должна быть особенно чистою, грешные видения этих наслаждений до такой степени овладевают моей несчастнейшей душой, что я более предаюсь этим гнусно-

^Абеляр П. Цит. соч.- С. 30.

^Там же.- С. 32.

стям, чем молитве. И вместо того, чтобы сокрушаться о содеянном, я чаще вздыхаю о несовершившемся. Не только то, что мы с тобой делали, но даже места и минуты наших деяний, наравне с твоим образом так глубоко запечатлелись в моей душе, что я как бы вновь переживаю все это и даже во сне не имею покоя от этих воспоминаний^.

Более того, Элоиза намекает, что самому Богу был неугоден их брак.

Ведь пока мы наслаждались радостями страстной любви, или - скажу грубее, но выразительней - пока мы предавались прелюбодеянию, гнев божий щадил нас. Когда же мы заменили незаконную связь законным союзом и искупили позорное прелюбодеяние честным браком, тогда гнев господень простер над нами свою тяжкую длань и поразил наше неоскверненное ложе, хоть ранее долго терпел оскверненное^.

О достоинстве же Элоизы свидетельствуют следующие слова в конце второго письма:

Я не хочу, чтобы ты, уговаривая меня быть добродетельной и призывая меня бороться с искушениями, говорил: "Сила укрепляется в немощи" и "Не будет увенчан тот воин, кто сражался недобросовестно". Я не ищу венца победы. С меня довольно избежать опасности. Удалиться от нее вернее, чем вступить в войну. В каком бы уголке неба ни поместил бы меня бог, я буду довольна. Ведь там никто никому не будет завидовать, а каждый будет довольствоваться тем, что у него есть^.

Где же Элоиза черпает силы и спокойствие духа, ведь она не может опираться на Бога, поскольку верит в него меньше, чем в любовь? И силы и спокойствие ей дает сама эта любовь и еще ощущение своей индивидуальности (личности). Только так можно понять странные для верующего человека признания Элоизы:

Во всю свою жизнь, что бы ни происходило, я больше боюсь обидеть тебя, чем Бога; больше жажду угодить тебе, чем ему. Я стала монахиней не

ради божественной любви, а по твоей воле... Бог ведает, что я точно так же, ничуть не сомневаясь, по твоей воле последовала бы за тобой или упредила бы тебя, даже если бы ты поспешил во владения Вулкана, ибо душа моя была не со мной, а с тобой! Даже и теперь, если она не с тобой, то ее нет нигде: поистине без тебя моя душа никак существовать не может^.

Подобным образом рассуждает лишь человек, который поверил в свою любовь и индивидуальность, в котором проснулось достоинство, превышающее даже страх смерти. В европейской истории одним из первых был Сократ. Завершая свою знаменитую защиту, Сократ говорит:

^Абеляр П. Цит. соч.- С. 85-86.

^Там же.- С. 83.

^Там же.- С. 88.

^Там же.- С. 70, 87.

25

И вот, мои судьи, не следует ожидать ничего плохого от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах. И моя участь сейчас определилась не сама собой, напротив, для меня ясно, что мне лучше умереть и избавиться от хлопот^.

Но вернемся к Н. Бердяеву. Хотя он тоже мало ценит брак, однако любви к конкретной женщине предпочитает любовь к Богу или к Деве, или к некоему существу, преображенному, как он говорит, и духовно и телесно. Что же это за такое существо и что это за любовь? Представления Бердяева можно лучше понять, учитывая еще два обстоятельства: его отношение к сексу, т.е. такой любви, где нет духовного начала, а все сводится лишь к наслаждению, а также его отношение к романтической любви и браку, точнее, знание эволюции этих отношений в нашей культуре. Рассмотрим оба эти момента.

ОТ МАРКИЗА ФРАНСУА ДЕ САДА К ЭРИКУ БЕРНУ

Маркиз де Сад считал, что любовь - это форма душевного безумия и поэтому любви нельзя сопротивляться, а, напротив, нужно следовать ее природе. <По природе,- писал он в книге "Философия в будуаре",- женщины, безусловно, рождаются склонными к разврату, то есть они склонны наслаждаться всеми преимуществами других животных женского пола, которые без всякого исключения отдаются любому самцу... женщины существуют с той целью, дабы доставлять наслаждение всем, а не обеспечивать привилегированное и эгоистическое счастье... За-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

кон должен обязать женщин заниматься проституцией, если они сами этого не желают>^.

Близки к этим представлениям и взгляды немецкого философа Ф. Ницше, писавшего, что "любовь в своих средствах война, в своей основе - смертельная ненависть полов"^.

Женщине,- пишет современный культуролог Р. Шапинская,- во многих культурах отведена роль последовательной исполнительницы воли

^Платон. Апология Сократа // Соч.: В 3 т.- М., 1968.- Т. 1.- С. 112.

^Мир и Эрос.. М., 1991.- С. 117.

^Ницше Ф. Ессе Homo // Соч.: В 2 т. - М., 1990.- Т. 2.- С. 727.

мужчины - это убеждение Ницше разделяет, правда с совсем иными импликациями, С. де Бовуар и представители современного феминизма. Если для мужчины возлюбленная представляет лишь одну из жизненных ценностей, для женщины "любить - значит отказаться от всего ради своего господина"^.

В опубликованной в последние годы рецензии на четыре книги о браке Льва Николаевича Толстого и Софьи Андреевны, написанной в стихотворной форме, литературовед Марина Тимкина пишет, что все усилия вовлеченных в этот брак были направлены на создание Толстому условий для работы.

В этот механизм автоматически затягивались все окружающие, как будто у них ничего на уме, кроме "Ах, лишь бы он писал свои книги".

Понимание до известной степени и непонимание друг друга тоже имело место, и со временем увеличивалось как то, так и другое. В старости Толстой записал в дневнике: "Она мне никогда этого не простила".

Представьте сами: прямо из церкви с новобрачной в карете по тряской дороге в не близко лежащую Ясную Поляну, и тут-то он ее невинности и лишает. Сейчас бы мы это иначе назвали, а тогда она хоть и сопротивлялась, но слабо, не в полную силу, сказать "нет" потверже боялась, думала, он опомнится, повременит, поймет, пожалеет. Да и как в 18 лет сопротивляться взрослому дяде, боялась, подумает, что она его, мужа, недостаточно пылко любит, да какая ж тут любовь-то, мало приятного на сиденье в пыльной карете, в одежде. Для него это было демонстрацией силы, бушующей страсти и геройской славы подавить сопротивление раз и навсегда. А жить-то потом как вместе, когда у нее, кроме отвращенья...

В этом браке шла подспудная, вероятнее всего, неосознанная борьба за власть. Началось это с момента показа ее готовности к беспрекословной субординации, что было воспринято им как должное.

А вот как известный американский психолог Эрик Берн в книге "Секс в человеческой любви" определяет секс. "Нормальный секс - это любое взаимное наслаждение, получаемое двумя свободными и информированными партнерами, которое доставляется телом, обычными облачениями и украшениями партне-

^Шапинская Р. Властные стратегии и дискурс любви в романе "Обрыв" // Вопросы социологии.- 1996.- Вып. 7.- С. 129.

ра"^. Я не хочу сказать, что аморальный и психически нездоровый маркиз де Сад является предтечей ответственного, морального и вполне здорового Эрика Берна. И тем не менее оба они понимают любовь как наслаждение. Правда, Берн различает секс и любовь, но все дело в том, что в массовой культуре, особенно американизированной, эти два понятия очень быстро сближаются. По сути, Э. Берн сводит любовь к сексу, это вполне отвечает его естественно-научному, рациональному образу мышления. "Секс,- пишет он,- матрица для всякого рода наиболее живых взаимодействий: объятий и ссор, соблазнений и отступлений, созидания и бед. Кроме того, это средство для счастья и для работы, заменитель всякого рода лекарств и целитель многих болезней. Он может служить забаве, удовольствию и экстазу. Он связывает людей узами романтики, признательности и любви. И он создает детей. Для человеческой жизни и человеческой любви все это - то, что он объемлет и что является его целями"^.

Сегодня, говоря о сексе, все чаще имеют в виду просто любовь. Конечно, не платоническую, но и не чисто животную, а обычную между мужчиной и женщиной (или между людьми одного пола) и до брака и в браке. <Само слово "любовь",- пишет Р. Шапинская,- часто переопределяется с точки зрения социально-экономической ценности ее аспектов. Так, секс приобретает значение единицы обмена, которая может быть предложена взамен устойчивого материального положения>^.

Отношение Н. Бердяева к любви-наслаждению вполне однозначное - отрицательное. "Грязно и греховно,- пишет он,- делать человека простым орудием своего естественного наслаждения, но не путем слияния с высшей природой. Демонизм сладострастия, связанный с потерей личности и самомнением личности, давит современное поколение, выявляется новой литературой и искусством, и нельзя спастись от этой болезни старой моралью, аскетизмом или замалчиванием и игнорированием ост-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

роты вопроса"^.

Это было сказано в самом начале века, но сегодня кажется еще более актуальным. Но как быть в случае, если наслаждение

^Берн Э. Секс в человеческой любви.- М., 1990.- С. 37.

^Там же.- С. 21.

^Шапинская Р. Цит. соч.- С. 131.

^Бердяев Н.А. Цит. соч.- С. 43.

взаимно, если происходит, так сказать, обмен наслаждениями: ты мне, а я тебе? Именно этот случай и имеет в виду Э. Берн, говоря о нормальном сексе. Очевидно, для Н. Бердяева, если в любви нет "слияния с высшей природой", т.е. одухотворения и преображения, то нет и любви, будет ли она взаимной или односторонней. Однако ведь миллионы или даже миллиарды людей на земле, возможно, стремятся извлечь из любви именно наслаждение. Или это не так? И что тогда представляет собой "сладострастие Афродиты небесной", о которой говорил Бердяев? Может быть, чтобы разрешить эту проблему, стоит послушать еще одну точку зрения.

МОРАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ЛЮБВИ

Маркиз де Сад призывает следовать природе любви, но к тому же призывают и великие немецкие философы И. Кант и Г. Фихте. "Порой,- замечает Кант,- мужчины, чтобы понравиться, усваивают женские слабости, а женщины иногда (хотя и гораздо реже) подражают мужским манерам, дабы внушить к себе глубокое уважение, но то, что делают против природы, делают всегда плохо"^. Но как же быть с платоновской концепцией любви, это против природы или за? Как быть с широко распространенной и в прошлые века, и сейчас верой, что любовь - это наслаждение? На второй из этих вопросов Кант пытается ответить в "Метафизике нравов". Обсуждая так называемые казуистические вопросы, он спрашивает, допустимо ли совокупление только с целью наслаждения, а также почему недопустимы похоть, сладострастие, распутство (вот бы перенести Канта в наш терпимый век). В целом ответ звучит так: все это недопустимо, поскольку не соответствует целям человеческой природы, ведет к унижению и искажению человеческой личности.

Спрашивается, подчинено ли применение способности половой любви какому-нибудь ограничительному закону долга, как же половая любовь, не ставя перед собой упомянутой цели, вправе применять половые свойства только ради скотского наслаждения, не нарушая этим какого-либо долга

перед самим собой? В учении о праве доказывается, что человек не может

^Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Мир и Эрос.-М., 1991.- С. 123.

без особого ограничения по правовому договору пользоваться другим лицом для такого наслаждения; поэтому два лица и берут на себя взаимные обязательства. Но здесь вопрос в том, существует ли в отношении этого наслаждения долг человека перед самим собой, нарушение которого есть осквернение (не только унижение) человечества в его собственном лице... Не противно ли цели природы и тем самым долгу перед самим собой со стороны как мужчины, так и женщины стремиться употреблять свои половые свойства во время, например, беременности, или стерильности женщины (из-за возраста женщины или болезни), или когда у нее нет никакого влечения?^

А вот ответ: Однако логическое доказательство недопустимости упомянутого неестественного и даже просто нецелесообразного употребления своих половых свойств как нарушения долга перед самим собой не так легко дается. Основание доказательства заключается, конечно, в том, что человек отказывается от своей личности (унижая ее), когда употребляет себя лишь как средство для удовлетворения своих животных инстинктов^.

Любопытно, что и Платон аргументирует возвышенную любовь к прекрасным юношам, апеллируя к благу личности, говоря о мужестве, общественной ценности, уме. Однако вряд ли для Канта платоническая любовь соответствует целям природы.

Еще более категоричен Готлиб Фихте.

Брачное состояние,- пишет он,- подлинный, требуемый природой способ существования взрослого человека того и другого пола... Брак есть союз двух лиц: одного мужчины и одной женщины. Женщина, отдавшаяся полностью одному, не может отдаваться другому, ибо ее достоинство зависит от того, чтобы она полностью принадлежала одному этому Единственному. Мужчина, который должен стремиться к удовлетворению стремлений и малейших желаний Единственной, чтобы сделать ее счастливой, не может выполнять желаний еще и других, которые не соединены с ним^.

Как же так! А адюльтер, а многоженство, распространенное на Востоке, а миллионы взрослых мужчин и женщин, живущих вне брака? Понять Фихте просто, если учесть, что он исходит из моральных соображений. Для него любовь - моральное дело, особенно со стороны женщины. Фихте убежден, что женщина "вообще не может предаваться страсти, чтобы удовлетворить собственное влечение", но так как должна покорять-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

^Кант И. Цит. соч.- С. 125-126.

^Там же.- С. 126.

^Фихте Г. Основоположения естественного права согласно принципам наукоучения // Мир и Эрос.- М., 1991.- С. 136.

ся мужчине, любовь для нее становится желанием "удовлетворить мужчину" не в силу телесного наслаждения, а следуя "нравственному закону"^.

Хотя, - говорит Фихте, - женщина в любви становится средством, она утверждает свое достоинство тем, что делает это добровольно, из благородного своего естественного влечения, которое есть любовь... Любовь есть тогда, когда приносят себя в жертву ради другого... У мужчины первоначально не любовь, а половое влечение; вообще любовь у него не первоначальное, а приобретенное, производное, развитое лишь благодаря связи с любящей женщиной, и имеет совсем иную форму, как это мы глубже увидим далее. Любовь, благороднейшее из всех природных влечений, врождена только у женщины; и только благодаря ей распространилась она среди людей...^

И наконец: Первоначальные стремления человека эгоистичны: в браке сама природа направляет его забыться в другом человеке, брачный союз обоих полов - единственный способ облагородить человека, выводя его из состояния природного. Не состоящее в браке лицо - человек лишь наполовину^.

Так и хочется написать: Фихте против Платона. У Фихте природа направляет мужчину "забыться" в женщине, женщину в мужчине, а "единственный способ облагородить человека" - брак. У Платона природа, скорее, указывает мужчине на мужчину, а чтобы стать человеком, лучше избегать брачных отношений и заниматься философией.

Позицию Фихте интересно сравнить с точкой зрения английского писателя и философа Клайва С. Люиса. Он не отрицает ни нравственных аспектов любви, ни телесных. Его девиз - "Высшее не стоит без низшего. Растению нужны и корни и солнечный свет"^. Вожделение, пишет он, "может входить во влюбленность, может и не входить... Влюбленность вступает в человека, словно завоеватель, и переделывает по-своему все взятые земли. До земли полового влечения она доходит не сразу; и переделывает ее (курсив наш.- В.Р.; запомним эту фра-

^Фихте Г. Цит. соч.- С. 135.

^Там же.- С. 135.

^Там же.- С. 139. Сравни: "Любовь,- писал Людвиг Фейербах,-

сама по себе женственна по происхождению и по существу. Вера в любовь божию есть вера в женское начало как божественную сущность... В самом деле, любовь к женщине есть основание всеобщей любви. Кто не любит женщины, не любит человека" (Фейербах Л. Сущность христианства // Мир и Эрос.- М., 1991.- С. 175).

^Льюис К.С. Любовь // Мир и Эрос.- М., 1991.- С. 200.

зу)... Вожделение без влюбленности стремится к соитию, влюбленность - к самому человеку"^.

Лично мне эта позиция весьма симпатична, симпатична мне и терпимость Льюиса и даже его юмор при обсуждении проблем любви^.

Поистине, Господь [пошутил,] когда связал такое страшное, такое высокое чувство, как влюбленность, с чисто телесным желанием, неизбежно и бестактно проявляющим свою зависимость от еды, погоды, пищеварения. Влюбившись, мы летаем; вожделение напоминает нам, что мы - воздушные шары на привязи. Снова и снова убеждаемся мы, что человек двусоставен, что он сродни и ангелу, и коту. Плохо, если мы не примем этой шутки. Поверьте, Бог пошутил не только для того, чтобы придержать нас, но и для того, чтобы дать нам ни с чем не сравнимую радость^.

Непонятно в концепции Льюиса лишь одно: как связаны влюбленность и вожделение, наш ангел-хранитель и наш кот, гуляющий сам по себе? Или наш ангел держит нашего кота на коротком поводке или, наоборот, бежит вслед за своим любимым котом?

Если же говорить совсем серьезно, то рассмотренный в этой части материал привел нас к четырем основным проблемам. Первая. Что в любви естественно, а что нет, кто более прав и почему - Платон или Фихте? Вторая. Как в любви соотносятся стремление к наслаждению и удовольствию и возвышенные чувства и цели (например, стремление к совершенствованию, идеальным отношениям, жертве другому, Богу и т.д.)? Третья. Какова связь между половым влечением (желанием) и влюбленностью (любовью)? И четвертая. Любовь и достойное человеческое бытие предполагают брак (семью) или нет? Для углубления последней проблемы интересно взглянуть на эволюцию представлений о соотношении любви и брака, имевшую место в XIX веке. Мне в силу определенных интересов удобнее это сделать на материале русской и западной литературы.

^Льюис К.С. Цит. соч.- С. 209.

^Вот пример терпимости Льюиса: "Я не считаю, что без влюбленности соитие нечисто, низко, постыдно. Почти всех наших предков женили родители, и они зачинали детей, повинуясь только жи-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

вотному желанию. И ничего низкого тут не было, а были послушание, честность и страх Божий. При самой же сильной, самой высокой влюбленности соитие может означать жестокость, ложь, измену мужу или другу, нарушение гостеприимства, горе для детей" (Там же.- С. 208).

^Там же.- С. 210-211.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮБВИ И БРАКЕ В ПОСЛЕДНИЕ ДВА СТОЛЕТИЯ

Не так давно я перечитал "Доктор Живаго" Б. Пастернака и задумался. Надеюсь, все помнят, что в романе два основных женских образа - Тони, жены доктора, и Ларисы. И вот что интересно: образ Тони насквозь подозрительно положителен. Тоня беззаветно и безнадежно любит мужа, она готова, уважая его возвышенные чувства, даже отойти в сторону, уступить его Ларисе. Ее судьба трагична. Обстоятельства революционного времени заставляют ее вместе с семьей покинуть Россию, расстаться с мужем. Отношение Живаго к Тоне - не любовь. Долг, совесть, уважение, жалость - все что угодно, только не любовь. И Тоня сама это понимает. А почему, спрашивается, не любить Тоню? Если следовать рассудку, то стоит любить именно ее, такая она положительная. Но любит Живаго - страстно, глубоко, непосредственно - Ларису. Лариса же, по ее же словам, "надломленная, с трещиной на всю жизнь"; она в духовном порабощении у Комаровского и уезжает с ним в трагическую для Живаго минуту. А между тем Ларисе посвящены лучшие страницы романа, ее образ выписан нежнейшими красками, с огромным чувством и тактом: это не земная женщина, а идеал, сама красота и любовь, как их понимал поэт, живущий в тревожную и трагическую пору. Помните мысли о Ларе находящегося в плену Живаго:

О, как он любил ее! Как она была хороша! Как раз так, как ему всегда думалось и мечталось, как ему было надо! Но чем, какой стороной своей? Чем-нибудь таким, что можно было назвать и выделить в разборе. О нет, о нет! Но той бесподобно простой и стремительной линией, какою вся она одним махом была обведена кругом сверху донизу Творцом, и в этом божественном очертании сдана на руки его душе, как закутывают в плотно накинутую простыню выкупанного ребенка.

Не менее глубоки и прекрасны ответные чувства Ларисы. Дар любви, как всякий другой дар. Он может быть и велик, но без благословения он не проявится. А нас точно научили целоваться на небе и потом детьми послали жить в одно время, чтобы друг на друге проверить эту способность. Какой-то венец совместимости, ни сторон, ни степеней, ни высокого, ни низкого, равноценность всего существа, все доставляет радость, все стало душою.

Впрочем, и здесь есть странность. Лариса начинает жизнь, теряя невинность еще гимназисткой; она живет с Комаровским, причем ей льстит, что годящийся ей в отцы красивый седеющий мужчина, которому аплодируют в собраниях и о котором пишут

в газетах, тратит деньги и время на нее, зовет божеством, возит в театры и на концерты и, что называется, "умственно развивает" ее. Затем она находит силы уйти от Комаровского. Через несколько лет стреляет в него... Наконец полная свобода. Лариса выходит замуж за Пашу. Она учится, работает, отправляется на фронт, работает в госпитале. Встреча с Живаго. Лариса полюбила его, но они расстаются. Идет гражданская война. Лариса работает учительницей, помогает людям, многих спасает... И вот снова встреча с Живаго. Они открываются друг другу. Их совместная жизнь трагична (угроза ареста) и прекрасна. Но появляется Комаровский и увозит Ларису - явно обманом, воспользовавшись нависшей над Живаго опасностью и его растерянностью, но все же с ее согласия.

Как же объяснить, почему Живаго любит Ларису и не любит свою такую положительную жену Тоню и почему Лариса, женщина прекрасной души, ясного ума, любя Живаго, снова уходит к Комаровскому и даже какое-то время живет с ним? Ну, может сказать читатель, дело житейское. За что мы не любим женщину, всегда ясно, а вот почему любим - никогда не понятно. Что же касается Ларисы, то ведь сам Живаго однажды сказал ей, имея в виду Комаровского: "Так ли ты хорошо всю себя знаешь? Человеческая, в особенности женская, природа так темна и противоречива. Каким-то уголком своего отвращения ты, может быть, в большем подчинении у него, чем у кого бы то ни было другого, кого ты любишь по доброй воле, без принуждения".

И тем не менее вопросы остаются. Оппозицию Тоня - Лариса можно понять, вспомнив, как вообще решали вопрос о семье и романтической любви многие писатели прошлого века. Возьмем хотя бы "Евгения Онегина" или "Дубровского". Пушкин считает: любовь - это одно, а брак и семья - другое. Романтическая любовь, любовь-страсть, любовь-влечение, обожествление любимого не совпадали с представлениями о супружеских отношениях. За супружескими отношениями стояли духовные и религиозные начала, а за романтической любовью - порыв, творческий экстаз, гений, природа. Расхожее мнение о несовместимости любви и брака, приобретшее особую популярность в канун Нового времени, пишет Р. Шапинская, в эпоху становления нового отношения к власти - легитимации, сформулировано М. Монтенем: "Удачный брак, если он вообще существует, отвергает любовь и все ей сопутствующее: он старается возместить ее дружбой". Закон социальности переформу-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лирует христианскую формулу, заменяя духовные категории (любовь, милосердие и т.д.) категориями экономическими (надежность, прочность, опора). Причина невозможности сохранения любви в браке заключается, по мнению С. де Бовуар, в том, что супруга теряет свою эротическую привлекательность. В браке совершается "ловушка" - "хотя по предположению он социализирует эротику, ему удается только убить ее"^. А чуть выше Шапинская замечает: <В традиционной русской культуре "брак по любви" воплощается лишь в романтическом дискурсе^ или "скандальных" историях (если, конечно, не считать романтизированных "договорных" браков). Брак по любви, не получивший одобрения "старших", не мог принести ничего, кроме несчастья"^.

А.И. Гончаров в романе "Обрыв" решает дилемму любви и брака так же, как и Александр Сергеевич, и Стендаль в "Красном и черном", и Толстой в "Анне Карениной". Толстой писал, что он часто думал о влюблении и не мог найти ему места и значения. А место это и значение очень ясные и определенные: облегчить борьбу похоти с целомудрием. Влюбление, утверждал великий писатель, должно у юношей, не могущих выдержать полного целомудрия, предшествовать браку. Тут и место влюбления. Когда же оно врывается в жизнь людей после брака, то неуместно и отвратительно.

Эти писатели разводили в разные стороны романтическую любовь и супружеские отношения, утверждали, что они несовместимы. Для последних употреблялись и совершенно другие слова: супруг, друг, муж, жена, товарищи (по жизненному пути) и т.д. Если вам доведется гулять по аллеям Донского монастыря в Москве, обратите внимание на эпитафии на могильных плитах XVIII и XIX веков. Обычны надписи типа: "Жене и другу", а помню и такую замечательную эпитафию:

Супругу нежную и истинного друга,
Мать, посвятившую жизнь для детей своих,
Оставившую свет еще в цветущих летах,
Оплакивают муж и семеро детей.

^Шапинская Р. Цит. соч.- С. 146-147.

^Дискурс - современное понятие, совмещающее в себе черты языкового высказывания, мышления, определенной реальности. Разные дискурсы обладают разной логикой и возможностями выражения.

^Шапинская Р. Цит. соч.- С. 144.

Очевидно, и Борис Пастернак исходит из тех же самых моде-

лей любви и брака: любит Живаго Ларису, а жалеет и считает своей женой Тоню. Потому и нет им с Ларисой счастья, а только восторг и страданья, совпадения и боль.

Итак, в русской и не только русской литературе XIX века сложилась модель, разводящая романтическую любовь и брак. Правда, уже в середине этого столетия стала формироваться и другая модель, если можно так сказать, гражданского брака. Что для нее характерно? Ослабление религиозного начала, уважение к личности супругов, идеи сотрудничества и эмансипации. Разочаровавшись в идеалах романтической любви, Н.П. Огарев пишет своей будущей, второй жене Натали Тучковой: "Я думаю, единственная женщина, с которой я мог бы жить под одной крышей,- вы, потому, что у нас есть одинаковое уважение к чужой свободе, уважение ко всякому разумному эгоизму, и совсем нет этой неприятной мелочности, отягчающей человека заботами и последующей его привязанностью, которая пытается завладеть всем его существом, без всякого уважения к человеческой личности". Натали Тучкова полностью разделяла взгляды Огарева, но известно, чем все это кончилось: прожив с Огаревым семь лет в полном согласии и понимании, она полюбила Герцена и ушла к нему.

Третья жена Огарева, Мэри (в прошлом лондонская женщина легкого поведения), с которой он прожил 18 лет в мире и согласии до самой своей смерти, даже не понимала по-русски, а тем более его стихов или политической деятельности. Зато она его любила, обожала, создавала ему все условия для нормальной жизни и работы, т.е. была просто женой. "Мэри Сатерленд,- пишет Лидия Лебединская в повести об Огареве,- боготворила его, не понимая. И с годами Огарев стал думать, что, наверное, это естественно, коли так, и уже ничего и не пытался разъяснять. Впрочем, это и не надо было Мэри. Все, что делал муж, заведомо представлялось ей в ореоле непреложной справедливости и правоты".

Не правда ли, любопытная эволюция: начав с романтической любви, влечения сердца, страсти, Огарев приходит к идее подчинения любви разуму, чтобы в конце концов успокоиться в почти языческом понимании любви. Безусловно, в жизни все может случиться, однако вряд ли Натали ушла бы от мужа, если бы она понимала брак также как Татьяна Ларина.

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Модель гражданского брака в ценностном отношении развивается в XIX веке в двух направлениях: к буржуазному идеалу семьи и к революционно-демократическому. Первый идеал находит свое выражение в американской модели циклического брака (Т. Драйзер, Р. Кент, Э. Хемингуэй), второй - в модели комму-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нистического брака. В обоих случаях предполагается любовь (близкая к романтической), причем семья строится именно на ее основе. Герой Драйзера, финансист Фрэнк Каупервуд, как вы помните, каждый раз страстно и глубоко любит очередную избранницу. Он уходит из одной семьи и создает новую; оставленная же семья получает определенное содержание. Жена в американской модели брака не только ведет хозяйство, дом, воспитывает детей, она - любимая женщина. Обладает она и правами, и независимостью. Но если любовь кончается или нарушаются договорные отношения, брак распадается.

В коммунистической модели брака на месте правовых и экономических отношений стоят сотрудничество, сознание, мораль, нравственность. Семейная жизнь К. Маркса является в этом отношении недосягаемым образцом: страстная, романтическая любовь к Женни фон Вестфален, пронесенная через всю жизнь, многодетная семья, взаимопомощь и сотрудничество супругов, единство взглядов и идеалов. В этой модели предполагается, что семья строится не только на любви, но и на сознательных гуманистических и даже коммунистических началах. Другой вопрос, в какой мере такую модель брака удавалось реализовать практически. Нашим родителям иногда это удавалось, а сегодня получается лишь в виде исключения. Понятно, что коммунистическая модель брака допускает развод и образование новой семьи.

XIX век дал три разные модели любви и брака: классическую (романтическая любовь и религиозный брак), американскую (романтическая любовь и буржуазный брак по расчету) и коммунистическую (романтическая любовь и сознательное сотрудничество супругов). В этом же веке, по сути, был поставлен принципиальный вопрос: а совместима ли романтическая любовь и семья, любовь и брак. Почему? Да потому, что романтическая любовь - это всегда в какой-то мере идеализация, возвышение жизни, а семья - быт, будни, конфликты, непонимание, заботы - ее снижение. В романтической любви наша натура на свободе, ее влечет некая сила - любовь, а любить сердцу не прикажешь. В семье же, напротив, мы подчиняемся необходимости (для многих насмешкой звучит тезис о том, что свобода есть

осознанная необходимость), ориентируемся не на сердце, а на рассудок, разум. Но ведь, как известно, сердце и рассудок, разум (голова) у человека не в ладах. Об этом хорошо сказано у Марины Цветаевой:

...И если сердце, разрываясь,
Без лекаря снимает швы,-
Знай, что от сердца - голова есть,
И есть топор - от головы.

Наш век так и не дал ясного ответа на этот вопрос.

КОНЦЕПЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

Профессор Калифорнийского университета Г. Сантас замечает, что Зигмунд Фрейд размышляет о любви в терминах симптомов и причин, как если бы любовь была разновидностью недуга. Все виды любви по Фрейду основываются на сексуальности. Чтобы понять, как Фрейд объясняет любовь и отклоняющиеся случаи сексуального поведения (половое влечение к лицам того же пола, к подросткам, детям, животным, сексуальное применение рта, заднего прохода, разных частей тела, предметов, сексуальный садизм и мазохизм и т.д.), нужно вспомнить основные положения его теории. И психическое поведение, и генезис (развитие) человека в детстве, считал Фрейд, можно объяснить, рассматривая взаимодействие двух основных сил в человеке: бессознательных сексуальных влечений ("либидо") и осознаваемых социальных требований или условий. На первом этапе своих исследований Фрейд называл одну из этих сил "бессознательной психической инстанцией", а другую "инстанцией сознания", на втором - первая сила получила название "Оно", а вторая - "Я".

Что такое либидо? Это не только сексуальные инстинктивные влечения, либидо представляет собой особую энергию, которая может трансформироваться, принимать разный вид; далее, либидо - это и определенное количество энергии, разное у разных людей. "У нас,- пишет Фрейд,- возникает представление об определенном количестве либидо, психически представленное, как мы говорили, Я - либидо, продукция которого, увеличение или уменьшение, распределение и сдвиг, долж-

на дать нам возможность объяснить наблюдаемые психосексуальные феномены"^.

Но одновременно либидо - это и неосознаваемые желания, которые стремятся реализоваться, причем есть два важных условия такой реализации. Во-первых, либидо может реализоваться, если находит свой объект (Фрейд называет его то "сексуальный объект", то "объект-либидо"). Фрейд пишет, что исследование либидо <становится доступным только тогда, когда это либидо нашло психическое применение, чтобы привязаться к сексуальным объектам, т.е. превратиться в объект-либидо... Мы видим тогда, как либидо концентрируется на объектах, фиксируется на них или оставляет эти объекты, переходит с них на другие и с этих позиций направляет сексуальную деятельность индивида, которая ведет к удовлетворению, т.е. частичному временному потуханию либидо... будучи отнятым от объектов, либидо остается ви-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

тающим в состоянии напряжения и, наконец, возвращается к "Я"...>^.

Второе условие реализации либидо - представление его в сознании (прохождение через сознание). Именно это условие является проводником социальных требований: одни бессознательные сексуальные желания (морально и культурно оправданные) допускаются сознанием, другие - нет. В последнем случае происходит или вытеснение этих желаний, как правило, с трансформацией в область патологии (неврозы и прочее), или их сублимация, т.е. выход и применение энергии либидо в других областях (например, в творчестве - научном, художественном, духовном).

Зигмунд Фрейд набрасывает следующий сценарий развития сексуальности человека. Первоначально, в детстве либидо не имеет соответствующего сексуального объекта (пока еще нет "примата", как говорит Фрейд, "генитальной зоны"), а "употребляется на другие несексуальные цели"^. Правда, в раннем детстве можно говорить о "зародышах сексуальной деятельности" (сосание груди матери). Поскольку в этот период либидо витает в состоянии напряжения, не прикрепле-

^Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности.- М., 1989.- С. 42.

^Там же.- С. 42.

^"Половое влечение, следовательно, в детстве не сконцентрировано и сначала не имеет объекта, автоэротично" (Фрейд З. Цит соч.- С. 48.).

но к объекту, оно временно может фиксироваться на любых объектах. Отсюда Фрейд делает принципиальный вывод, что предрасположение к отклоняющимся формам сексуального поведения "составляет общее первоначальное сексуальное предрасположение полового влечения человека, из которого в течение периода созревания развивается нормальное сексуальное поведение"^.

Фрейд указывает два основных фактора, под влиянием которых развивается или нормальное сексуальное поведение, или отклоняющиеся его формы. Это, с одной стороны, пропущенные через сознание требования культуры (стыд, сострадание, отвращение, конструкции морали и авторитета и т.п.), с другой - выбор того или иного сексуального объекта (нормальное развитие идет, если таким объектом становятся гениталии субъекта противоположного пола и срабатывает принцип инцеста)^. Так как сексуальное развитие представляет собой сложный и длительный процесс, то, как замечает Фрейд, "всякий шаг на этом длинном пути развития может привести к месту фиксации (т.е. случайному, как оправдан-

ному, так и неоправданному культурой выбору сексуального объекта), всякая спайка этого запутанного сочетания может стать поводом к диссоциации полового влечения", т.е. нарушению нормального развития. Это может быть неправильное воспитание, перепутывание пола в результате неправильных акцентов и идеалов, влияние культуры, нарушения соматических структур и др.

Противоположные половые признаки, указывает Фрейд, сами по себе недостаточны для того, чтобы исключить, например, "инверсию", т.е. перепутывание пола. Необходимы и другие моменты.

Прежде всего, сдерживающий авторитет общества: там, где инверсия не рассматривается как преступление, можно убедиться, что она вполне соответствует сексуальным склонностям многих индивидов (курсив наш.- В.Р.). Далее относительно мужчины можно допустить, что детские воспоминания о нежности матери и других женских лиц, попечению которых он в детстве был предоставлен, энергично содействует тому, чтобы направить его выбор на женщину, между тем как испытанные со стороны отца в детстве сексуальное запугивание и положение соперника с

^Фрейд З. Цит. соч.- С. 47, 48.

^Инцест (кровосмешение), т.е. запрет на брак и половые сношения с матерью, сестрами (братьями), ближайшими родственниками.

ним отвлекают от одинакового пола. Но оба момента имеют, однако, силу и для девушки, сексуальная деятельность которой находится под особой опекой матери. Таким образом создается враждебное отношение к своему собственному полу, которое оказывает решительное влияние на выбор объекта в смысле, считающемся нормальным. Воспитание мальчиков мужчинами (рабами древнего мира), по-видимому, способствовало гомосексуальности, несколько более понятной становится частота инверсии у современной знати, благодаря услугам мужской прислуги и благодаря меньшим личным заботам матери о детях. У некоторых истеричных происходит так, что благодаря отсутствию в раннем детстве одного из родителей (смерть, развод, отчуждение), после чего оставшийся привлекает к себе всю любовь ребенка, создается условие, предрешающее пол выбираемого позже в сексуальные объекты лица и вместе с тем и возможность постоянной инверсии^.

Итак, что же получается? Поскольку основа любви - либидо, т.е. биологическая энергия, уже не удивляет следующий вывод Фрейда: "любовь, в основе своей и теперь настолько же животна, какой она была испокон веков. Любовные влечения с трудом поддаются воспитанию, их воспитание дает то слишком много, то слишком мало. То, что стремится из них сделать культура, недостижимо; оставшиеся без применения возбуждения дают себя знать при активных половых про-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

явлениях в виде неудовлетворенности"^. Для Фрейда либидо и культура всегда находятся в конфликте. Если К. Льюис сравнивает отношения между вожделением и влюбленностью с отношением между котом и ангелом, то в концепции Фрейда отношения между либидо и культурой напоминают отношения кота с псом, который, следуя указаниям хозяина, загоняет кота на дерево. У Фрейда культура - это цензура, запреты, ведущие к страданиям и неудовлетворенности^. Правда, считает Фрейд,

именно эта неспособность полового влечения давать полное удовлетворение, как только влечение подчинилось первым требованиям куль-

^Фрейд З. Цит. соч.- С. 47.

^Там же.- С. 73.

^В ранних своих исследованиях Фрейд так и определял отношения между сознанием и бессознательным - как цензуру. Он говорил в связи с этим, что психике присущ "элемент демонизма", в соответствии с которым отношение между бессознательной и сознательной инстанциями таково, "будто одно лицо, находящееся в зависимости от другого, желает сказать то, что последнему неприятно слушать" (Фрейд З. Психология сна.- М., 1926.- С. 67).

туры, становится источником величайших культурных достижений, осуществляемых благодаря все дальше идущему сублимированию компонентов этого влечения. Ибо какие мотивы могли бы побудить людей давать другое применение сексуальным импульсам, если бы при каком-либо распределении их они могли бы получать полное счастье? Они не отошли бы от этого счастья и не делали бы дальнейших успехов^.

Ну ладно, наука, искусство, философия, религия подталкиваются неудовлетворенной сексуальностью, но любви-то что за дело, она все равно существует в конфликтном пространстве. Понимание культуры как цензуры и запрета не позволяет ставить вопрос о возвышенных аспектах любви, о преображении любви в духе. В этом смысле Фрейд и Бердяев антиподы. Кстати, Бердяев это хорошо понимал. "Только наша эпоха,- писал он,- допустила разоблачение жизни пола. И человек оказался разложенным на части. Таков Фрейд и психоанализ, таков современный роман. В этом бесстыдство современной эпохи, но также и обогащение знаний о человеке"^.

На это Фрейд бы возразил, что точное, научное изучение не предполагает моральные категории ("бесстыдство") или апелляцию к идее целостности человека, ведь научное изучение всегда ведет к частичному (модельному) представлению объекта. Фрейд решительно отказывается от моральных и духовных оценок сексуальных форм поведения, в этом он совпадает с Платоном. Но

Благо Фрейд понимает иначе, чем Платон, физикалистски. Для Фрейда отклоняющиеся формы сексуального поведения всего лишь один из видов поведения наряду с другими, не хуже и не лучше остальных. В то же время он не уклоняется от ответственности, просто понимает границы своего подхода. "Психоанализ,- пишет Фрейд,- не может ничего иметь против того, чтобы его выводы были использованы при проведении реформы для создания полезного против вредного. Но он не может наперед сказать, не будут ли те или иные установления иметь следствием другие, более тяжелые жертвы. Цель науки - ни пугать, ни утешать"^. Не правда ли, хорошо сказано для ученого, кем Фрейд себя считал.

Теория, в определенном смысле противоположная фрейдистской,- это теория сексуальности Мишеля Фуко.

^Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности.- М., 1989.- С. 73.

^Бердяев Н.А. Цит. соч.- С. 134-135.

^Фрейд З. Цит. соч.- С. 72, 74.

КОНЦЕПЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ МИШЕЛЯ ФУКО

Представления о сексе М. Фуко довольно странные. По Фрейду секс - это свойство биологии и психики человека, по Фуко секс принадлежит не столько человеку, сколько социальным отношениям, которым подчиняются люди. Главные из этих отношений - властные. Именно властные отношения и задают стратегии и практики (религиозные, медицинские, педагогические, юридические), а затем и особую организованность тела, которые в совокупности и образуют секс. Однако секс, считает Фуко,- это также и формы осознания секса, и размышления о нем (то, что Фуко называет дискурсами). При этом Фуко старается показать, что публично о сексе говорят одно (именно: что общество как властная инстанция стремится подавить все проявления сексуальности человека), а на самом деле секс не подавляется, а напротив, культивируется, возбуждается, насаждается в человеке.

Понимая парадоксальность своих представлений, Фуко старается отвести два распространенных обвинения в свой адрес. Во-первых, что он изучает секс вне связи с человеческим телом и специфическими сексуальными органами, во-вторых, что он говорит не о сексе, а о чем-то другом - властных отношениях, практиках, дискурсах.

Диспозитив^ сексуальности,-пишет Фуко,-следует мыслить, отправляясь от современных ему техник власти...

Мне скажут: предположим, что и в самом деле механизмы власти при-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

менялись в большей степени для того, чтобы вызывать и "возбуждать" сексуальность, нежели чтобы ее подавлять... Но вы опускаете как раз то, исходя из чего только и могла произойти эта сексуализация и от чего психоанализ - он-то как раз и не отрекается, а именно: секс. До Фрейда пытались как можно более тщательно локализовать сексуальность - в сексе, в его функциях воспроизводства, в его непосредственных анатомических локализациях; ударились в разговоры о биологическом минимуме: органе, инстинкте, финальности. Вы же занимаете симметричную и обратную позицию: для вас остаются одни только эффекты без их опоры, оторванные от своих корней ветви, сексуальность без секса. Кастрация. И тут опять - кастрация.

В этой точке необходимо различать два вопроса. С одной стороны, обязательно ли анализ сексуальности в качестве "политического диспозитива" пред-

^Диспозитив - понятие, позволяющее рассматривать изучаемое явление с разных точек зрения, в разных дисциплинах - биологии, социологии, языкознании, теории деятельности. Как видно из исследований Фуко, диспозитив - это и властное отношение, и форма осознания, и языковое высказывание, и практика.

полагает выпадение тела, анатомии, биологического, функционального? На этот первый вопрос, я думаю, можно ответить: нет. Во всяком случае, целью настоящего исследования и является показать, каким образом различные диспозитивы власти сочленяются непосредственно с телом - с телами, с функциями, с физиологическими процессами, с ощущениями и удовольствиями...

Теперь второй вопрос, отличный от первого: эта материальность, к которой отсылают, разве не является она материальностью секса? Так вот: эту-то идею секса как такового как раз и нельзя принять без ее рассмотрения. Действительно ли "секс" является точкой закрепления, на которую опирается в своих проявлениях "сексуальность", или же он есть только сложная идея, исторически сформировавшаяся внутри диспозитива сексуальности? Во всяком случае можно было бы показать, как эта идея "секса" сформировалась через различные стратегии власти и какую вполне определенную роль она там сыграла^.

Но что здесь Фуко имеет в виду, говоря о "диспозитиве сексуальности", и как вообще его можно понять? Чтобы утверждения Фуко о сексуальности стали понятными, необходимо рассмотреть, во-первых, его представления о власти, во-вторых, его метод работы.

Начинал он, как известно, с анализа знаний и дискурсов ("знаний-дискурсов", "сказанных вещей"), взятых в определенном культурном контексте. Вспомним хотя бы его широко цитируемую книгу "Слова и вещи". Затем от знания-дискурса, выставляемого, если можно так сказать, публично, Фуко переходит к дискурсу, как правило, скрытому, скрываемому, но который на самом деле является для исследователя более реальным в плане существования, чем "публичный". Этот скрытый дискурс требуется уже реконструировать, он регулируется правилами, представляет собой своеобразную социальную практику.

"Я,- пишет Фуко,- не хочу искать под дискурсом,- чем же является мысль людей, но пытаюсь взять дискурс в его явленном существовании, как некоторую практику, которая подчиняется правилам: правилам образования, существования и сосуществования, подчиняется системам функционирования... я стараюсь сделать видимым то, что невидимо лишь постольку, поскольку находится слишком явно на поверхности вещей"^.

Удерживая знания-дискурсы в центре внимания, Мишель Фуко дальше делает шаг к анализу более широкого предмета, объемлющего дискурсы-знания (дискурсы-правила). Он переходит к рассмотрению вопроса о том, какие социальные практики и стратегии обуславливают (конституируют, поддерживают) сами дискурсы. На этом пути Фуко, в конце концов, приходит к идее власти и

^Фуко М. Воля к истине.- М., 1996.- С. 257-260.

^Там же.- С. 338.

бессубъектной воли к знанию. Выступая в 1978 году в Токийском университете, Фуко объясняет, что он "начинал как историк науки и одним из первых вопросов, вставшим перед ним, был вопрос о том, может ли существовать такая история науки, которая рассматривала бы возникновение, развитие и организацию науки не столько исходя из ее внутренних рациональных структур, сколько отправляясь от внешних элементов, послуживших ей опорой... я попытался ухватить историческую почву, на которой все это (речь идет об Истории безумия. - В.Р.) произошло, а именно: практики заточения, изменение социальных и экономических условий в XVII веке"^. Не "производственные отношения" или "идеологию господствующего класса", но "отношения власти внутри общества" предлагает теперь Фуко рассматривать в качестве "точки внешнего ускорения организации и развития знания"^. При этом анализ социальных практик, считает Фуко, "отсылает не к какому-то субъекту познания (историческому или трансцендентальному)..., но предполагает скорее волю к знанию - анонимную и полиморфную"^.

Мишель Фуко предлагает отказаться от традиционного подхода к изучению власти и рассматривать ее как дискурс. При этом власть понимается как сеть властных отношений, намерений и стратегий, в которой нет субъекта.

Под властью,- писал М. Фуко,- мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем беспрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать страте-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

гии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства^.

Итак, метод Фуко - это движение от публичных дискурсов-знаний к скрытым (реконструируемым) дискурсам-практикам и от них обоих к таким социальным практикам, которые позволяют понять, как интересующее исследователя явление (например, секс или безумие) конституируется, существует, трансформиру-

^Фуко М. Цит. соч.- С. 358.

^Там же.- С. 358.

^Там же.- С. 345-346.

^Там же.- С. 192.

ется, вступает во взаимоотношения с другими явлениями. И наоборот, это движение от соответствующих социальных практик к скрытым и публичным дискурсам. Понятием, выражающим этот метод Фуко, [является] понятие "диспозитива".

Что я пытаюсь ухватить под этим именем, так это, во-первых, некий ансамбль - радикально гетерогенный,- включающий в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения,- стало быть: сказанное, точно так же, как и несказанное,- вот элементы диспозитива. Собственно диспозитив - это сеть (а мы бы сказали содержание метода.- В.Р.), которая может быть установлена между этими элементами.

Во-вторых, то, что я хотел бы выделить в понятии диспозитива, это как раз природа связи между этими гетерогенными элементами. Так, некий дискурс может представать то в качестве программы некой институции (то есть публичного дискурса.- В.Р.), то, напротив, в качестве элемента, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой (эта практика реконструируется как скрытый дискурс.- В.Р.), или же, наконец, он может функционировать как переосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности (мы бы сказали, что в данном случае речь идет об условиях, обеспечивающих трансформацию и развитие.- В.Р.).

Под диспозитивом, в-третьих, я понимаю некоторого рода - скажем так - образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: ответить на некоторую неотложность. Диспозитив имеет, стало быть, преимущественно стратегическую функцию^.

Здесь может возникнуть законное недоумение: что же это за понятие, совмещающее в себе такое количество несовместимых

признаков? Ну, во-первых, это скорее не понятие и, конечно, не объект, а метод, точнее его содержание. Во-вторых, понятия дискурса и диспозитива открывают новую страницу в развитии социальных и гуманитарных наук. В частности, их употребление позволяет связать в единое целое такие важные планы изучения, как: эпистемологический план (дискурсы-знания), дискриптивное и компаративное описания текстов (дискурсы-правила), анализ деятельностных и социальных контекстов и условий (дискурсы-практики и дискурсы-властные отношения). Можно согласиться, что в традиционном членении наук все эти планы и даже их части относятся к разным дисциплинам - теории познания, лингвистике и семиотике, теории деятельности и практической философии, культурологии и социологии. Однако традиционная классификация и организация научных дисциплин уже давно не от-

^Фуко М. Цит. соч.- С. 368.

вечают потребностям времени. Уже давно наиболее плодотворные исследования и теоретические разработки идут на стыках наук или в междисциплинарных областях. Понятия дискурса и диспозитива - это как раз такие понятия, которые позволяют "переплывать" с одного берега научной дисциплины на другой, позволяют связывать и стягивать разнородный материал, относящийся к разным предметам. Наконец, позволяют формировать совершенно новые научные дисциплины, например, такие, которые выстроил Мишель Фуко. Но вернемся к понятию сексуальности.

Очевидно, что говоря о сексе, Фуко имеет в виду диспозитив сексуальности. Отсюда секс как сеть властных отношений, как определенные социальные практики (прежде всего в области религиозного контроля - исповеди, контроля медицинского, педагогического; именно в этих областях, показывает Фуко, в XVIII-XIX веках отслеживались и формировались сексуальные нарушения). Как диспозитив сексуальность - это и дискурсы (публичный и скрытый), и особая "организованность" тела и психики - собственно секс в человеке.

Можно видеть,- пишет Фуко,- как именно по тем основным линиям, по которым начиная с XIX века развертывался диспозитив сексуальности, и разрабатывалась идея, что существует нечто другое, нежели тела, органы, соматические локализации, функции, анатомо-физиологические системы, ощущения, удовольствия,- нечто другое и большее, нечто такое, что имеет свои, внутренне присущие ему свойства и свои собственные законы: "секс". Так, внутри процесса истеризации женщины "секс" определялся трояким образом: как то, что принадлежит одновременно и мужчине и женщине; как то, что принадлежит преимущественно мужчине и чего, стало быть, недостает женщине; но также еще и как то, что одно только и конституирует тело женщины, целиком и полностью подчиняя его функциям воспроизводства и беспрестанно нарушая его покой результатами действия самой этой функции. В рамках этой стратегии истерия интерпретиру-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ется как игра секса постольку, поскольку он есть одновременно и "одно" и "другое", целое и часть, первоначало и недостаток.

В рамках сексуализации детства вырабатывается идея такого секса, который и присутствует (с точки зрения анатомии), и отсутствует (с точки зрения физиологии); опять-таки - присутствует, если иметь в виду его активность, и обнаруживает свою недостаточность, если говорить о его репродуктивной финальности; или же который действителен в своих проявлениях, но скрыт по своим эффектам, которые в своей патологической весомости дадут себя знать лишь позже; и если секс ребенка еще и присутствует у взрослого, то как раз в форме некой тайной причинности, которая стремится аннулировать секс взрослого (одной из догм медицины XVIII и XIX веков и было предположение, что раннее сексуальное развитие влечет за собой впоследствии стерильность, импотенцию, фригидность, неспособность испытывать удовольствие, анестезию чувств); сексуализируя детство, тем самым конституировали идею секса,

отмеченного игрой присутствия и отсутствия, скрытого и явного; мастурбация со всеми эффектами, которые ей приписывают, как будто бы прежде всего и обнаруживает эту игру присутствия и отсутствия, явного и скрытого.

Внутри психиатризации извращений секс был отнесен к биологическим функциям и к анатомо-физиологическому аппарату, который и дает ему его "смысл", то есть его финальность; но точно так же секс оказался соотнесен с инстинктом, который - через свое собственное развитие и соответственно объектам, к которым он может прикрепляться,- делает возможным появление извращенных поведений, равно как и интеллигибельным их генезис; таким образом: "секс" определяется через переплетение функции и инстинкта, финальности и значения - и именно в этой форме он лучше, чем где бы то ни было, обнаруживает себя в том, что за образец берется извращение: в том "фетишизме", который, начиная по крайней мере с 1877 года, служил путеводной нитью для анализа всех других отклонений, поскольку в нем ясно прочитывалась фиксация инстинкта на объекте по типу исторического сцепления и биологической неадекватности.

Наконец, в рамках социализации репродуктивных форм поведения "секс" описывается как нечто, зажатое между законом реальности (непосредственной и наиболее грубой формой которого являются экономические необходимости) и экономикой удовольствия, которая всегда пытается обойти закон реальности, когда она вообще его признает; самая известная из "хитростей" - coitus interruptus - представляет собой такую точку, где инстанция реального вынуждает положить предел удовольствию и где удовольствие еще находит возможность реализоваться, несмотря на экономику, предписанную реальным. Понятно: именно диспозитив сексуальности и устанавливает внутри своих стратегий эту идею "секса"; и в этих четырех главнейших формах - истерии, онанизма, фетишизма и прерванного коитуса - и выставляет он секс как нечто, подчиненное игре целого и части, первоначала и недостатка, отсутствия и присутствия, избытка и нехватки, функции и инстинкта, финальности и смысла, реального и удовольствия. Так мало-помалу сформировался корпус общей теории секса^.

Таково представление Фуко о сексе. Здесь возникает ряд вопросов. Не является ли секс тем, что всегда относится к патологии или, осторожнее, к границе нормы и патологии? Ведь, если верить Фуко, диспозитив сексуальности возникает в ситуации отслеживания и установления контроля за отклонениями, которые позднее были названы сексуальными. И как быть с диспозитивом любви: совпадает ли он с диспозитивом сексуальности, и если нет, то какие властные практики и стратегии его конституировали? Однако оставим ответы на эти вопросы на последующее изложение. Сейчас же сменим жанр на более публицистический и посмотрим, как тема любви и секса смотрится в рамках проблем современной семьи.

^Фуко М. Цит. соч.- С. 260-262.

2. ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

ПОЗИЦИЯ АВТОРА

Предвижу вопрос читателя: можно ли сказать о семье и любви что-то, чего бы уже не сказали древние мыслители или современные ученые и журналисты?

Действительно, сказано много и хорошо. Однако сегодня все видится по-новому: меняются времена и обстоятельства, меняется семья, меняемся мы сами. Поэтому необходимо снова и снова говорить и о любви, и о семье, и о связанных с ними проблемах. Но писать о таком тонком, деликатном "предмете" можно только то, что сам хоть отчасти пережил, продумал, во что искренне веришь, что готов применить к самому себе. Кроме того, необходимо, совершенно необходимо учесть и другие, отличные от своих взгляды на семью и ее проблемы, другие позиции, чтобы был не один сплошной авторский монолог, а звучали разные голоса, разные точки зрения.

Сразу хочу высказать свое общее ценностное отношение к семье и ее будущему. Я не разделяю мнения тех, кто утверждает, что семья свою роль уже выполнила и сходит с авансцены истории, что любовь в семье вовсе не обязательна, не говоря уже о детях. Убежден: ничего лучше любви, семьи и детей у человечества нет, и они еще долго будут оставаться высшими ценностями человеческого бытия. Другое дело, какое содержание сегодня вкладывают люди в эти вечные начала. Во всяком случае не то, которое вкладывалось в прошлые времена, и не то, что будут вкладывать поколения, которые придут вслед за нами.

Надо сказать, меня мало удовлетворяют современные книжки на популярную тему любви, брака и семьи. Журналистские

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

варианты общи и развлекательны, т.е. несколько поверхностны, а научные слишком абстрактны. Разнимая жизнь семьи на части, абстрагируясь от очень многих сторон реальной жизни, ученые создают, может быть, и правильный с научной точки зрения образ семьи, но такой, который мало что способен дать обычному человеку. Вопрос в том, как сохранить верность науке и одновременно быть понятым, нужным человеку, от науки далекому.

Часто в книгах о любви, семье читатель ищет ответы на вопросы: как поступать в том или ином конкретном случае? Сразу оговорюсь: я не священник и не наставник, а потому не хочу и не могу давать рецептов. Я философ, ученый и, как всякий человек, тоже ограничен своим собственным опытом. Цель этой главы другая: объяснить, помочь понять, что происходит с современной семьей, поразмышлять, лучше вместе с вами, над ее проблемами. По мере необходимости я буду прибегать в своих размышлениях и рассуждениях не только к изложению своих мыслей или к мыслям других специалистов, но, естественно, и к своему воображению. И если читатель не всегда будет понимать, в какой реальности он находится - существующей на самом деле или вымышленной,- пусть он не огорчается.

Начнем с проблем семьи, которые обсуждаются в современной литературе (и обычной, и научной), по которым высказываются различные точки зрения.

КРИЗИС СЕМЬИ, ИЛИ ПРОСТАЯ СТАТИСТИКА

В наше время столкновение противоположных взглядов - дело обычное. Одни говорят, что все гибнет - и природа, и культура, другие же возражают. Не обошел стороной этот спор и семью. Пессимисты утверждают, что современная семья тяжело больна, а оптимисты видеть это не хотят.

Каковы же аргументы за и против? Кому неизвестна тревожная статистика разводов в нашей стране: сейчас половина молодых семей распадается в первый год жизни, две трети - в первые пять лет, в 70% семей, которые еще не распались, супруги находятся в напряженных отношениях... За этими цифрами - стрессы, психические травмы супругов, дети без отцов или с приходящими папами (что хуже - неизвестно), неполные се-

мьи, одинокие мужчины или женщины и другие отрицательные последствия. И вот что поразительно - это отмечают многие исследователи: и быт вроде стал комфортнее, и почти все в наше время выходят замуж (женятся) "по любви и уважению" (по статистике, в нашей стране именно так образуют семью 70-75% молодых людей), а число разводов растет. Спрашивается: что же это за любовь такая, что за уважение?!

Впрочем, я уже слышу возражения иных читателей: "Опять нас запугивают статистикой. Ее еще ведь нужно понять. Все не так страшно, как вы рисуете. Ну разводятся многие, но ведь затем снова семью образуют, а то и вторую, третью... Да, много одиноких мужчин и женщин, что поделаешь: кому-то не повезло, кому-то вообще без семьи больше нравится. Это их дело: хотят - образуют семью, хотят - живут сами по себе. Слава богу, как мне поступать, решаю я сам. А что поженились по любви, а потом разошлись, ну что ж - ошиблись, кто нынче не ошибается с семьей! Жениться во второй раз, а еще лучше в третий - куда надежнее. Да и что вы так напираете на любовь? Конечно, по любви - хорошо, но куда важнее сегодня, какой у него или у нее характер, положение, квартира, красива ли женщина (и мужчина тоже), умна ли, сексуальна, умеет ли справляться с трудными обстоятельствами жизни и быта (причем она даже больше, чем он), да и мало ли что еще. Вот, скажем, Леонид Жуховицкий пытался нам доказать ценность любви, но ведь смешно, право, о чем он говорит! По Жуховицкому, любовь - это или несчастное, обязательно несчастное, романтическое чувство, или какая-то жертвенность ради другого. Ни в первом случае, ни во втором нормальной семьи определенно быть не может. Сколько же нас будут кормить этой манной кашей, любовь, долг, дети! Довольно, хватит, мы уже выросли из этих помочей, сами с усами".

Вот такая отповедь, но пока я воздержусь отвечать. Одно действительно странно и непонятно: почему так много ошибок при выборе будущего супруга или супруги, разве нельзя до брака разобраться друг в друге? И тут неважно, сколько длился период ухаживания - три месяца или три года: по-настоящему мы узнаем друг друга только после загса. Поневоле задумаешься, в чем тут дело.

Вспоминается и обсуждение социологами вопроса: что важнее - любовь или семья? Не противоречит ли любовь семейной жизни, а семейная жизнь любви? Одни утверждали, что первенство должно быть за семьей, что современная семейная жизнь

несовместима с романтической любовью. Все говорит за то, считает известный российский социолог Ю. Давыдов, чтобы отказаться от принципа романтически толкуемой страсти как основы современной любви. Нужно вспомнить о другом принципе, который долгое время оставался в тени. Альтернативой пустыне "безлюбья" может быть только супружеская любовь, ценность которой выступает со всей ясностью и отчетливостью как раз на фоне нынешнего "безлюбого" адюльтера.

Другие социологи возражают, считая, что подобная позиция ведет к безнравственности и расчету. Не нам судить Татьяну Ла-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

рину и ее время, полемизирует с Ю. Давыдовым другой наш социолог А. Вишневский. Если бы подобный брак был заключен в наши дни, мы, скорее всего, сочли бы его аморальным. Хотя современный брак - это всего лишь брак по свободному выбору. Мы часто называем его браком по любви, т.е. указываем на главный критерий выбора, соглашаясь только с таким браком, который мотивирован жаждой, ослеплением или истинной любовью.

Нужно заметить, что первая точка зрения вообще неприемлема для людей старшего поколения: они не мыслят семьи без супружеской любви, причем не только на старте, когда молодая семья складывается. Помню, моя мать однажды сказала: "Мы с отцом любили друг друга всю жизнь, и в наше время и в нашем кругу так жили многие. Ни о каком сексе мы не слышали. Секс - отвратительное слово, это что-то аморальное, может быть, и не разврат, но и не любовь".

Здесь мы подошли к очень интересному вопросу: что сегодня является нормальным в семейной жизни и любви, а что уже лежит за пределами нормы и какой? Для наших родителей и секс, и расчет были несовместимы с пониманием настоящей любви и семьи. Более того, саму любовь и семью они исчисляли в единственном числе - на всю жизнь. Сегодня, напротив, при образовании семьи многими молодыми людьми учитываются и секс, и положение, и многие другие немыслимые раньше факторы, а семейная жизнь нередко понимается как цикличная, т.е. со сменой партнеров в браке. Для наших родителей (но, естественно, не всех) страшно было даже подумать об изменах или случайных связях вне семьи, не говоря уже о групповом браке. Последнее вообще относилось к патологии, причем многие и не подозревали, что такое явление вообще может существовать. Сегодня же этим никого не удивишь. Широко распространены и групповой брак, и случайные связи, и институт любовниц и любовников (причем суп-

руги часто прекрасно осведомлены об изменах своих партнеров), и прямая патология взаимоотношений полов. Все это считается, в общем, вполне нормальным. Поражает именно обычность отношений.

Как ко всему этому относиться? Считать ли абсолютно нормальным явлением, условием свободы личности и ждать, пока эта жизнь придет к нам, подобно парижской моде (а может уже пришла?), или, напротив, отвергнуть, оценить как свидетельство заката западной культуры, как пир во время чумы?

Или другой вопрос - об экономических отношениях в нашей семье. Раздается все больше голосов в защиту идеи необходимости строить семью на твердом фундаменте экономических и правовых отношений (как на Западе). Аргументируют эту кон-

цепцию так. В этом случае при разводах и других коллизиях в семье супруги будут чувствовать себя спокойнее и увереннее, поэтому и сама семья будет крепче. Ну а если она все же распадется, каждый супруг в соответствии с брачным контрактом сохранит свое имущество (квартиру, машину, дачу, домашнюю электронику, личные вещи) или все это будет поделено, как предусмотрено в договоре. Обсуждаются и такие варианты, как относительно независимое существование супругов: у каждого своя квартира, частичная финансовая независимость и т.д. И опять же для поколения 50-60-х годов эти идеи были абсолютно неприемлемыми, безнравственными.

Кто же прав, представители какого поколения? Или, может быть, правы все? Во всяком случае, пока не ясно, с чем мы имеем дело: с кризисом семьи или же с нормальным ходом ее исторического развития. Очевидно, нужны дополнительные сведения и более глубокий анализ современной ситуации.

Обозревая разноголосицу мнений о семье, браке и любви, я вспоминаю один интересный разговор на даче, свидетелем которого был.

РАЗГОВОР НА ДАЧЕ, ИЛИ КАК МЫ ВЫБИРАЕМ СЕБЕ МУЖА ИЛИ ЖЕНУ

Дело происходило летним вечером в небольшой компании. Представители старшего поколения сидели на открытой веранде, а младшего - расположились тут же, в саду, под окнами. Разговор, постепенно принявший общий характер и неожиданный поворот, шел о предстоящем браке двух молодых людей: Леночка, племянница Веры Павловны, приятельницы хозяйки

дачи, объявила на днях, что решила выйти замуж за своего сотрудника Леву.

- Я слышала,- громко и бесцеремонно говорила хозяйка, обращаясь к своей приятельнице,- Леночка выходит замуж. Но почему не за Павлика, который за ней долго ухаживал, а за Леву? Ведь Лева, извини меня, ничего не имеет: ни положения, ни денег, всего одна комната в коммунальной квартире и зарплата чиновника от науки. Леночка утверждает, что безумно любит его. Ну разве это основание для брака? Леночка такая красавица, у нее обеспеченные родители, дача, машина, обстановка... Послушай, Вера, ты имеешь на нее влияние, еще не поздно, нужно удержать девушку от опрометчивого шага. Я, конечно, понимаю: страсть, любовь - это прекрасно, сама в молодости увлекалась до безумия, чуть в Москву-реку не бросилась. Но брак, семья... Я своего мужа хоть и не любила поначалу, но всегда уважала, мы с ним большие друзья. А уж когда дети пошли и заботы и стала я мужу помогать, а он мне, тут и глубокое чувство, уже не знаю, как его назвать, пришло. Сейчас, оглядываясь назад, я хорошо понимаю, что в юности романтичес-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

кая любовь - так, одна горячка, бредишь и все без ума.
Но Вера Павловна стала возражать:
- Не могу с тобой согласиться, думаю, ты не права и зря беспокоишься. Как там у Островского сказано: "Бедность - не порок". Молодые люди любят друг друга - и слава богу, ведь это прекрасно. Сегодня настоящая любовь так редко встречается. Другое настораживает: Леночка очень властная, мы это с тобой знаем. Она даже в мыслях не допускает, чтобы ее супруг был самостоятельным, что-то сам решал, о чем-то судил самостоятельно. Боюсь, их брак окажется недолговечным. Лева, хоть пока и не имеет положения, человек честный, порядочный и себя уважает. Он и от жены надеется иметь и уважение и понимание. Плохо не то, что молодые люди любят друг друга, а то, что они не договорились заранее о своей семейной жизни, не узнали как следует друг друга. Я вовсе не за брак по расчету, но доля разумного эгоизма, о чем говорили в прошлом веке герои Чернышевского, не повредила бы. Я за трезвое отношение к будущей жизни, за сотрудничество в семье двух молодых людей со сходными представлениями и оценками. Но и за свободу, если супруги не подходят друг другу. Только разве Леночка на это пойдет? Она взбалмошна и эгоистична, для нее свобода - то, что ей самой хочется в данный момент.

Из сада раздался голос одного из гостей, "нового русского", полнеющего молодого человека, который, очевидно, знал Веру Павловну.

- Вот вы, Вера Павловна, сказали "расчет". А хоть бы и расчет - что в этом плохого? Не получилось бы, как в поговорке: "Пили, ели, веселились, подсчитали - прослезились". Надо заранее считать, до брака, а не тогда, когда уже и посуду и головы бьем или разводимся. Можно и любить, но голову при этом не терять. Когда я женился, все постарался учесть: и свое положение, и ее, и свою зарплату, и ее, и мою дачу, и ее машину. И крутой характер моей будущей супруги прикинул, и взгляды ее на жизнь. Некоторые меня укоряли: "Цинизм, расчет..." Да, расчет, да, я долго думал - почти два месяца, пока обо всем с ней не договорился. Зато теперь живем душа в душу и не без любви. А если, не дай бог, разойдемся (где бы тут постучать по дереву), никто в накладе не останется. Все будет справедливо, как у нотариуса заверил. Вот недавно ваш муж, Валентин Афанасьевич, иронизировал по поводу того, что у моей жены деньги свои, а у меня свои. Зато мы с женой уважаем друг друга, никогда голоса не повысим. Пусть Леночка любит Леву, но прикинет все заранее. Тогда и здоровье и все остальное будет, а без расчета - одни скандалы и огорчения.

Молодого человека тут же поддержала Катя, как мне известно, недавно вышедшая замуж:

- Николай Константинович прав. По моим наблюдениям,

браки по расчету сейчас самые прочные. Я вот тоже, можно сказать, вышла по расчету и думала, что мы с мужем не подходим друг другу. А сейчас вижу: все не так плохо. Я живу, как хочу, и муж как хочет. Видимся мы с ним, правда, не часто: то он на работе, то я, то он у своих друзей, то мои друзья приходят. Но ведь это к лучшему - меньше ссоримся. Вы спрашиваете, люблю ли я его? Наверное, как-то люблю, иначе бы не вышла замуж, но понимаем мы с ним все, ну буквально все, по-разному.

- Решительно не могу с вами согласиться,- подала голос с веранды другая приятельница Веры Павловны, Жанна Васильевна, пожилая, но весьма энергичная женщина. - Буду говорить прямо, откровенно. Я современную молодежь совершенно не могу понять. Ваши взгляды насквозь буржуазны. Расчет, секс, извините меня, разврат... Вы жену не любите, а покупаете с потрохами, и она вас за те же самые деньги. Любовь - светлое, возвышенное чувство, а вы со своими расчетом и нотариусом все оскверняете. Любовь - это жертва, нужно всего себя отдать другому, пронести эту жертву через всю жизнь, как супруга Карла Маркса. И как вы спокойно говорите о разводе! Конечно, юридически супруги могут развестись, но, по сути, брак должен быть

прочным. Думаю, Елена совершает ошибку, но вовсе не потому, что любит, а потому, что слишком легко смотрит на жизнь. Жизнь - это борьба, в ней много трудностей, быта, даже грязи, но истинное сотрудничество и любовь супругов все преодолевают, превозмогают. Если, конечно, сами они будут действительно высоко моральными людьми и до конца последовательными в своих убеждениях. Я вижу, молодые люди улыбаются, думают: "Опять Жанна Васильевна со своими коммунистическими лозунгами и проповедями прошлого века". Да, опять, но вы меня не переубедите. Мы, комсомольцы 30-х годов, хотя бы верили и жили чисто, целеустремленно, а у вас ни веры, ни принципов - один расчет.

- Ха-ха,- раздался из сада откровенный смех. Это приятель Леночки, хорошо одетый молодой человек.- Почему же! У нас есть принципы. Другие. Если Лена будет следовать вашим отеческим советам, то лишь подтвердит статистику разводов молодой семьи. Тогда за ее брак гроша ломаного нельзя будет дать. Достаточно взглянуть на нашу красавицу, чтобы понять однозначно: вся эта идеалистическая чепуха не для нее. Лена отлично разбирается и в расчетах и в сексе, и даже положение Левы учитывает, хотя она никогда в этом вслух не признается. Просто надеется, что со временем Лев Николаевич, так, кажется, его отчество, станет доктором наук, если не академиком (ведь все говорят, что он талантлив). Тогда все будет: и дача, и машина, и приемы. Ради этого она готова подождать лет этак десять, но, конечно, не больше. Я не хуже вас ее знаю: как-никак вместе росли. У нее одно на языке, другое на уме. Не станем осуждать ее за это. Кто первый бросит камень? Кто не без греха? Во

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

всяком случае, не я. Что такое любовь и рай с милым в шалаше, наше поколение не понимает, зато хорошо знает, что современная семья строится вовсе не на романтической любви или жертве, а на деловом подходе. И нечего здесь разводить антимонии.

- Зачем же так обобщать? - слышится голос другой пожилой женщины, приятельницы хозяйки.- Вы, молодой человек, откровенный циник и, похоже, даже не скрываете этого. То, что вы говорите, ужасно, надо признать, мы сами вас таким вырастили. Все - только вам, детям; никаких забот вы не знали; что захотели, то и имели; никакой ответственности - и вот результат. Может быть, Жанна Васильевна выражается и думает несколько прямолинейно, ее речи отдают нравоучениями, ее даже, я слышала, Леночка обвиняла в ханжестве. Но это заблуждение, Жанна Васильевна - человек искренний. У нее идеалы, она зовет молодых людей в светлое будущее. А что у вас? Не

хотела бы я быть на месте вашей жены. Сегодня любите, точнее - наслаждаетесь и свое самолюбие тешите, завтра разлюбили. Сегодня вас устраивают положение и квартира жены, а завтра встретили другую красотку, более, как говорите, сексуальную, с лучшей квартирой или положением. Я, впрочем, не отрицаю необходимости разумного подхода к браку. Конечно, молодые люди должны знать и друг друга, и себя, должны соотнести, примерить свои характеры и взгляды на жизнь. Но все на основе любви, уважения, порядочности, совести, чести. И если уж развод, то достойный, без этих грубых выражений, без того, чтобы шкаф пилить пополам. Во всех ситуациях, даже самых крайних, нужно оставаться человеком.

Внезапно раздался крик незнакомого юноши, которого случайно привел с собой сын хозяйки. По виду он напоминал хиппи или просто недоучившегося старшеклассника:

- Ненавижу вас всех, ненавижу! Вы врете все, стараетесь приличия соблюсти. Ханжи, чинуши, бюрократы! Разве вы люди, разве способны любить открыто, естественно, без этих ваших ужимок и ухаживаний, просто и непосредственно? Хочешь любить - люби, хочешь ребенка - роди, не нравится - уходи. Главное - свобода, главное - уничтожить все ваши слова, взгляды, ограничения, вашу моду, одежду, вылизанные машины, квартиры, сортиры! Ну кто мне что возразит? Пусть попробует!

Вызов юноши произвел немалый эффект. Все смолкли: старшие были шокированы, молодежь втайне злорадствовала...

Вспомнив эту сцену на даче, я вернулся к своим размышлениям о семье и ее проблемах.

Что же удалось пока что уяснить? Оказывается, существуют

очень разные концепции семьи и любви, и по-разному в семьях живут. Но дело не только в этом. Дело еще и в том, что сегодня эти разные концепции и образы жизни сталкиваются. Муж может ориентироваться на один идеал семьи, любви и брака, жена - на другой, родители мужа или жены - на третий, их внуки - на четвертый. Споры, наподобие только что приведенного, происходят вовсе не в гостиной или на сцене, а в самой семье. И даже не споры. Не все могут четко осознать и выразить в словах свою жизненную позицию, на этой почве происходят конфликты, стычки, ссоры. Всем плохо, и не всегда супруги понимают почему.

Человек решительных действий и ясного сознания (есть такие люди) может сказать: "Смотреть нужно, когда заводишь семью: не кота в мешке покупаете - жену или мужа. Как там сказал Александр Сергеевич:

Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.

Небось когда в магазине платье или пальто выбираете, смотрите и смотрите, и так и эдак перед зеркалом вертитесь, а мужа или жену берете, не глядя, как в омут бросаетесь. Разве ж это разумно?"

Ах, как я согласен с таким мудрым рассуждением! Верно, опрометчиво мы все поступали. Как было бы хорошо безошибочно выбрать будущую жену (мужа), узнать ее получше еще до того, как... Но возможно ли это?

- Принципиально невозможно! - слышу я вдруг голос воображаемого оппонента. Я живо представляю его себе. Выглядит он солидно, напоминая не то врача, не то ученого.
- Кто вы,- спрашиваю его,- откуда?

- Неважно, кто я и откуда,- отвечает он несколько таинственно,- но вы можете на меня положиться. Ну считайте, что я крупный социолог или, скажем, психолог. Давайте поговорим о том, что вас волнует в данный момент. Правильно усомнились: будущую жену или мужа принципиально нельзя узнать до брака, часто и после него долго нельзя узнать.

- Но почему же? Разве молодые люди скрывают что-нибудь друг от друга? Ведь у них взаимные любовь и уважение. Они женились по любви.

- Вот именно, по любви,- отвечает собеседник,- то есть в горячке, в особом состоянии. Любит - значит не видит, не слышит, не понимает, только токует, как тетерев на дереве.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

- Как так - не видит, не понимает? - возмущаюсь я.-
Ведь молодые люди проводят друг с другом все свободное время, разговаривают, все вместе смотрят, слушают, обсуждают. Что же, они лгут, когда говорят: "Ты самый прекрасный, умный, красивый, добрый, сильный?"

- Успокойтесь,- говорит мой собеседник,- давайте подумаем вместе. Вот живет молодой человек, еще не помышляя о любви и браке. Читает книги, смотрит кино, телевизор, наблюдает за другими. Постепенно он, если уж не совсем инфантильный, обнаруживает, что в мире есть такая прекрасная и таинственная вещь, как любовь. О ней поется в песнях, написаны книги, поставлены спектакли и фильмы, говорят взрослые. Оказывается, любовь - это целый мир, в котором все: и восторг, и наслаждение, и муки, и разлуки, и встречи, и, наконец, свадь-

ба, молодая семья с ее тайнами интимной жизни... Любовь сулит внимание к твоим чувствам, личности, обещает понимание твоих устремлений, повзросление и определенное уважение (как-никак семья) со стороны взрослых, и многое еще угадывается в ней. Согласитесь, что наш молодой человек уже жаждет полюбить, войти в этот чарующий и волнующий мир. Остановка за малым - за возлюбленной. Причем заметьте: уже сформировался ее образ, идеал. Вы спросите, откуда он взялся? Да ниоткуда. Я, конечно, шучу. Этот образ сложился под влиянием тех же книг, радио, телевидения, друзей, родителей, учителей. То есть я бы сказал, он совершенно случаен, некритичен, никакого, абсолютно никакого отношения не имеет к реальной жизни. Не верите? Тогда проанализируйте содержание любовных песен, романсов, кинофильмов, взгляды ваших родителей или друзей.

Я задумался, стал вспоминать. Послевоенное время, пятидесятые годы. Кто же на меня оказал самое большое влияние в плане формирования идеалов любви? Родители? Пожалуй, нет: отец был в армии, а мать уходила на работу рано утром, приходила поздно вечером и не знала, за что дома схватиться в первую очередь. Учителя? Смешно сказать, мы с ними в школе както не общались. Друзья? Тоже нет: до восьмого класса я рос без друзей, а потом скорее я на них влиял.

Самое большое влияние на меня оказали книги, главным образом, русская и зарубежная классика XIX и немного XX веков. Вот откуда я заимствовал свое представление о любви, о человеческом достоинстве, о семье. Любимая должна быть прекрасной, умной, интересной, понимающей меня, свободной в суждениях. Мы должны помогать друг другу, людям, создавать, творить. Никакой лжи, расчета, мещанства. Вот, кажется, и все... Слышу ехидный голос собеседника: "Ну и как, удалось вам найти такую девушку? И похож ли ваш идеал на реальную жизнь? Молчите? А сказать почему? Да потому, что когда вы встретили

свою будущую жену, вам показалось: она! Точно - она! Все, как хотел, о чем мечтал. Почему вы так решили? Вам так хотелось полюбить, вы так ждали этого прекрасного мгновения".

Увы, не вы один обольщаетесь; когда мы уже созрели для любви, когда ждем ее, неважно, кто она на самом деле, какая. Когда кто-то чуть-чуть подходящий появляется на горизонте нашего ожидания (были бы лишь какие-то знаки, совпадения), мы совершаем это удивительное сальто-мортале. Мы вдруг узнаем ее, узнаем в ней свой идеал возлюбленной. Мгновенно начинаем видеть, что хотели увидеть, слышать, что хотели услышать. Мы

полюбили, но вовсе не ее, а свою конструкцию, собственный идеал любви, хотя условием нашего узнавания - открытия любимой - является кажущееся, поверхностное совпадение этого идеала с первой случайной девушкой. Еще Шодерло де Лакло говорил устами своей героини, что не следует обманываться: чары, которые якобы обретаешь в другом, находятся в нас самих, и только одна любовь делает столь прекрасным любимое существо.

Теперь я вам задаю вопрос: а у вашей возлюбленной идеал любви был тот же, что и у вас?

Я опять стал вспоминать. Пожалуй, в одном отношении похож: он так же не имел никакого отношения ко мне, как и мой к ней, был таким же абстрактным, выдуманным и книжным (правда, она читала другие книги). Во всех остальных отношениях, как выяснилось потом, лет через 5-6, наши идеалы любви и семьи не совпадали. Но почему же я не смог разглядеть этого сразу, до женитьбы?

- А потому,- заметил мой собеседник,- что вы ухаживали за ней, а она за вами. Ухаживали, значит, вели себя, как на сцене, демонстрировали то, чего она от вас ожидала. К тому же нетрудно это было: никаких забот, никаких реальных общих дел; человек вы начитанный, внимательный, что от вас хотела любимая, легко угадывали, да и она хотела вам понравиться и поэтому тоже роль играла. Вот вы оба и обманулись, поверили, что встретили именно то, что ожидали. Кроме того, нельзя забывать, что любовь - это особое состояние человека: возвышенное, экстатическое. Все чувства меняются, обостряются, логика нарушается, как во сне, становится причудливой и избирательной. Влюбленный человек, конечно, не больной в клиническом смысле, но и не совсем нормальный. Где уж тут тщательно взвешивать и разбираться?!

- Знаете,- возражаю я,- по моим наблюдениям, в настоящее время молодые люди любят иначе, чем раньше, я бы сказал, более холодно и трезво.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

- Не вам судить об этом, но одно верно: их идеалы любви и семьи иные, чем у вашего поколения. Однако вернемся к теме. Подчеркиваю: до брака, до того как супруги вместе не хлебнули забот, будущего мужа или жену узнать нельзя.

- Неужели и помочь нельзя? Есть радио, телевидение, писатели, поэты, почему они не разъяснят все это молодым, не откроют им глаза?

- Наоборот,- отвечает собеседник.- Они лишь запутывают проблему. Возьмем эстрадную любовную лирику. "Я тебя люб-

лю, я тебя жду, я без тебя жить не могу: ты лучше всех, ты прекрасна, никто с тобой сравниться не может". И т.д. и т.п. Но что такое любовь, о которой поется в этих песнях: увлечение, страсть, томление или долг, ответственность, дети, результат трудного прилаживания двух разных людей друг к другу? Любовная лирика учит чему угодно, только не трезвому размышлению. Это дурман, грезы. Эстрадные песни обещают, увлекают, сбивают с толку.

- А вы хотите, чтобы в песнях о любви давались советы, как правильно выбрать себе жену или мужа, по каким критериям их оценивать,- иронизирую я.

- Нет, конечно,- говорит оппонент,- однако заведомо уводить молодых людей бог весть куда едва ли правильно. Но я не поэт, я...- и тут, так же неожиданно, как появился, он исчезает.

Ну ладно, подумал я, придя в себя, узнать будущего мужа или жену мы не можем, что такое любовь, не знаем, не знаем также, совместима ли любовь с семейной жизнью...

Здесь я вспомнил, что интересующие меня проблемы должны будут обсуждаться на одном научном междисциплинарном семинаре (его шутливо назвали "семейные среды"), куда меня давно уже приглашали, и в ближайшую среду отправился туда. Меня уже ждали, более того, согласились обсудить именно мои проблемы.

Открыв семинар и познакомив меня с его участниками, руководитель - литературовед и культуролог - сказал:

- Проблемы, поставленные нашим гостем, волнуют и нас. Обсудим их...

Слово попросил социальный психолог, в прошлом, как мне сказали, историк. Свое выступление он начал с противопоставления:

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ ИЛИ СВОБОДА ЛИЧНОСТИ?

- Тема, интересующая нашего гостя,- сказал социальный психолог,- весьма не простая. Ему сейчас, как мне известно, 60 лет. Нетрудно подсчитать, что он пошел в школу сразу после войны, следовательно, его родители сформировались как личности в начале 30-х. Что это были за годы, всем известно, и как жилось в 50-е - тоже. Нашему гостю не повезло дважды: сначала его родители, комсомольцы 20-30-х годов, отринули предшествующий исторический опыт семейного воспитания, а война и трудное послевоенное

время не позволили передать детям даже тот небольшой опыт семейной жизни, который сложился к началу 40-х годов. Другими словами, дважды рвалась связь времени, дважды нарушалась традиция передачи опыта семейной жизни. Каков результат? Нашего гостя, подобно миллионам подростков его поколения, вообще никто не воспитывал, о семейной жизни и любви он узнал главным образом из книг, ну еще, наверное, из отдельных наблюдений. Однако мы знаем: люди старшего поколения свою личную жизнь не афишировали, стыдились проявлять чувства, ничего не обсуждали открыто. И опять же известно почему.

А к чему ведет разрушение традиций воспитания в семейной жизни? К воспитанию от головы, а точнее - к невоспитанности, к книжным образцам любви и брака, к случайным воздействиям и влияниям: радио, друзья, улица и т.п.

Пока историк говорил, мне невольно пришли на память рассказы родителей и собственная подростковая послевоенная жизнь. Моя мама в 12 лет попала в семью своей тети - Веры Михайловны Дубининой, жены известного комиссара гражданской войны, начальника Омской железной дороги. Воспитывала тетя своих падчерицу и племянницу столь сурово, что падчерица покончила жизнь самоубийством, а моя мама в 16 лет оказалась на улице. Помогла школа. Маме дали стипендию в 10 рублей и разрешили ночевать на диванчике в пионерской комнате школы (тогда это называлось "пионерская база"). Потом мама переехала в Москву, работала на стройке, училась (единственная девушка в группе из 50 человек) на арматурщицу, поступила на рабфак, строила Мосфильм (строительство называлось "Русско-германское акционерное общество"), и там же познакомилась с моим будущим отцом, который организовал в Москве одну из первых комсомольских коммун. Сам отец в 16 лет приехал в Москву из небольшого городка в Белоруссии. Года два был безработным, учился на курсах каменщиков и механизаторов, строил Мосфильм, поступил в университет.

Какие представления о любви и браке мои родители могли получить и где? Конечно же не в семье. Они их получали из газет, книг, радио, споров в коммуне. Спорили же об этом тогда много. Две семьи в коммуне распались. Вот и обсуждали: разре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

шать развод или нет, может ли коммунар полюбить жену своего товарища, достойно ли это его звания, разрешить ли второй брак и т.п. Все же разрешили.

Сам я, как уже говорил, все черпал из книг. Моего отца, прекрасного политработника и педагога, после войны не от-

пускали из армии, комнату в Москве бросать было жалко, и поэтому мы долго жили одни. Мама, к тому времени уже архитектор, буквально пропадала на работе: нужно было восстанавливать страну. Предоставленный самому себе, я читал с утра до вечера, позабыв обо всем на свете, даже о том, что надо помочь маме.

Да уж точно, никакой традиции семейной жизни люди моего поколения не получили, и в полноценной семье жили немногие. Поэтому, когда в 25 лет я женился, о семейной жизни имел весьма смутное представление, еще меньше о ней догадывалась моя первая жена. По книгам я знал, как жили и любили в XIX веке дворяне и интеллигенция (внешне все было заманчиво), как строил свою жизнь К. Маркс, и думал, что моя жизнь будет чем-то похожа на их. Увы, все оказалось не так...

Однако я отвлекся и пропустил целый кусок интересного выступления социального психолога.

...Но рвались не только время и традиции, происходило перемешивание целых классов, укладов, образов жизни. Если раньше в городе люди, принадлежавшие к различным социальным группам, старались селиться среди своих же: рабочие - среди рабочих, торговцы - среди торговцев, обеспеченные - среди обеспеченных, то в нашем городе все перемешалось, естественно, на демократической основе. Сегодня в городе теоретически нет ни сословий, ни классов, ни людей с разными доходами, есть просто россияне. Теоретически министр и простой рабочий, и "новый русский", и интеллигент, и служащий мало чем отличаются друг от друга. Практически все не так: быстро складывается неравенство и сословное общество.

Образ жизни людей, образующих семью, различался всегда. Один (правда, таких уже почти нет) вышел из старой интеллигентной семьи и женился на девушке, приехавшей из деревни. Сын рабочего, в семье которого постоянно пили и гуляли, женился на женщине из добротной мещанской семьи, где гулять и пить считалось просто неприличным. Итак - что ни семья, то два разных человека, привыкших к разным укладам семейной жизни, имеющих различные представления о ней, линии поведения и взаимоотношений.

В наше время совпадение в данном отношении молодых суп-

ругов в семье - редчайшее исключение, так сказать, реликтовое явление, а как правило,- несовпадение: два разных образа жизни, два уклада, два разных мироощущения...

Раздался голос пожилого человека:

- Я вас, уважаемый, не понимаю. И мы, комсомольцы 30-40-х годов, в семье, как вы выражаетесь, "не совпадали", но как-то жили, и многие - совсем неплохо.

- Но разве я утверждаю, что современная семья распадается и неустойчива только потому, что в ней два разных человека? - ответил социальный психолог. - Есть и другие причины, их много, о некоторых я еще скажу. К тому же для вашего поколения семья часто являлась единственным прибежищем, где еще можно было дышать, да и семейные идеалы у обоих супругов все же совпадали больше, чем теперь, и, главное, вы меньше ощущали себя личностями. Не поймите меня превратно. Личность - это не только уникальность и индивидуальность человека, в этом отношении ваше поколение нисколько не отличалось от последующих. Личность для социальной науки - это тип, организация человека, отвечающие особенностям новоевропейской культуры, требующие от человека самостоятельности в поведении, самосознания, рациональных оснований в принятии решений. Социальная наука утверждает, что в 60-х годах в нашей стране быстро начала складываться такая личность и параллельно, как известно, развивались потребительское общество и элементы (к сожалению, только элементы) гражданского правового общества. Именно с личностью мы сегодня связываем категории свободы, творчества, разума, достоинства, права человека, самостоятельности. Кажется, все прекрасно, мы сами постоянно призываем к развитию личности, к созданию условий для ее всестороннего совершенствования. И тем не менее я утверждаю, что именно культивирование личности во многом подорвало современную семью. В каком-то смысле семья и личность несовместимы, а сегодня в нашей семье, как правило, две яркие личности и поэтому нередко два антагонистических начала.

Я вижу, наша научная аудитория возмущена, шокирована: как же, затронута святыня. Но разрешите все же пояснить свою позицию. Возможно, я чуть-чуть сгущаю краски, но в целом уверен: отрицательных последствий от личности больше, чем положительных. Личность - не только свобода, но и свобода от обязательств, когда они заставляют меня ограничивать свои желания и цели (а в семье, как известно, это происходит на каждом шагу). Не только творчество, но и все то время и силы, которые я затрачиваю на творчество и тем самым отнимаю их у семьи (спросите жен гениальных ученых или художников, как им живется). Личность - это не просто разум, но именно мои разумные аргументы, почему-то часто

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

не совпадающие с аргументами моей жены. Не только права и достоинство, но прежде всего мои права, мое достоинство, которые все время отрицает моя жена. Не только самостоятельность, но именно моя самостоятельность, а мне теперь шагу не дают ступить самостоятельно. В конце концов, если я личность, мой мир и должен быть миром моей семьи, ее законом, а не наоборот. Какие же это любовь, семья, если мне в семье плохо, если все делается не так, как я вижу и хочу, а так, как видит и хочет моя жена или теща.

Вы думаете, я шаржирую, пародирую личность? Нисколько. Очень много молодых людей на вопрос, почему они разводятся, не прожив и года, отвечают буквально: "Мне плохо", "Какая же это любовь, если мне плохо, если я не могу делать, что хочу?". А жены: "Он делает все не так, все по-своему", "Он не хочет делать, как я говорю, ведь кругом не прав" и т.д.

Вы говорите, что я против личности, творчества, свободы, что я хочу казарму. Ну зачем же так? Я не хочу казарменной дисциплины в семье и сочувствую людям творческим: как-никак, сам пишу. Но не стоит закрывать глаза и на реальные проблемы: личность - не только одна из основных ценностей нашей культуры, но и одно из начал, эту культуру разрушающих. Конечно, мы говорим не о всякой личности, а о личности эгоистической, но как поймешь, где эгоизм разумный, где уже неразумный, где его еще нет, а где уже есть? Некоторые утверждают, что наша эпоха - эпоха всеобщего эгоизма и что совсем неэгоистических людей не существует.

И еще одно соображение под занавес. Личность, как известно, пришла на смену религиозному человеку, верившему в Бога, видевшему в Боге и источник жизни, и закон. Если первая заповедь Христа была: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всем разумением твоим", то вторая - "Возлюби ближнего, как самого себя". Заметьте, ближнего, а не самого себя. Личность же нередко успешно соединяет в себе обе эти заповеди: в глубине души считает себя божественной персоной и любит себя больше всего на свете, во всяком случае больше семьи. Неблагоприятное развитие личности, а у нас оно сплошь и рядом, ведет к эгоизму и эгоцентризму, к тому, что личные проблемы человека становятся самыми важными, куда важнее проблем семейных, семейного благополучия.

Следующее слово попросил педагог.

- Мне хотелось бы обратить ваше внимание еще на одну сторону дела, нравственную. Свое выступление я бы назвал

КРИЗИС СЕМЬИ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Сегодня на каждом шагу можно встретить молодых людей, для которых нравственные категории - пустой звук. Добро, зло, грех, милосердие, сочувствие, сострадание, порядочность - над этими понятиями они просто никогда не задумывались. Как-то я заговорил об этом с одним из таких молодых людей. Он долго меня с подозрением слушал, а затем сказал: "Ловко вы жонглируете словами, только не пойму, какой у вас расчет?". Человеку в голову не приходило, что я не хитрю, а на самом деле стараюсь делать добро или, по крайней мере, избегать зла. А одна молодая особа заподозрила меня в лицемерии, считая, что я просто прикрываюсь этими высокими словами, преследуя далеко не лучшие цели. И я вдруг с ужасом понял, что эти люди вообще стоят вне нравственности. Они не безнравственны; для этого необходимо было бы хоть что-то знать о добре и зле, как-то относиться к нравственным началам. Они именно вне нравственности, ими движут только рациональные, "разумные" соображения, в результате часто и получается, что в семье уже хуже, чем вне ее или в другой семье, а следовательно, пора разводиться. И при чем тут страдания супруга или супруги, детей, при чем тут зло? Речь идет просто о "разумном, осмысленном" поведении.

Есть, однако, и другая причина неустойчивости наших молодых семей: их полная неподготовленность к будням жизни, к труду. Пока молодые ухаживают друг за другом - все прекрасно. Но вот образовалась новая семья. Куда же уплыл иллюминированный пароход, на палубе которого громко звучала музыка и шумел праздник? Почему все так однообразно и скучно, так обыденно? Каждый день одно и то же: работа, посуда, стирка, дети, муж (жена) с наперед известными привычками, шуточками, поступками... К тому же у него (у нее) оказалось столько неприятных, раздражающих черт характера. И делает-то он (она) все не так, и рассуждает странно, и не умеет любить, обращаться с людьми, и вообще, где же тот идеальный человек, которого я полюбила (полюбил)? Его будто подменили.

Тогда на сцене появляется социолог или психолог (не обижайтесь, коллеги) и говорит: "Семья - это умение совместно вести хозяйство, воспитывать детей, строить сексуальные отношения, уступать друг другу, воспитывать друг друга, играть друг с другом, управлять (кем, чем), умение перераспределять семейные обязанности, быть терпеливым, психологически выносливым, справляться с семейными конфликтами, стрессами... и так далее".

Однако зачем, спрашивается, терпеть, ради чего? Ведь семья - не производство, не рационально организованное совместное хозяйство и не рынок (я тебе удовольствие, а ты -•мне).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Надо откровенно сказать, что и безнравственность, и неподготовленность молодых людей к семейной жизни мы отчасти закладываем в той же семье. Давайте внимательно присмотримся к тому, как организована наша жизнь. Обычный день. Дети и родители разошлись - кто в школу (техникум), кто на работу. Вечером родители готовят пищу, прибирают в квартире, отдыхают, помогают детям, а дети делают уроки, гуляют, играют и совсем не всегда помогают родителям. День прошел, а общение родителей с детьми было минимальным. Остается воскресенье. Но и здесь - то родители заняты собой, то опять хозяйственные хлопоты, то друзья, то развлечения и т.п. Оказывается, можно жить в одной семье и годами не соприкасаться, поддерживая с родителями (с детьми) поверхностные, формальные отношения.

Подобные отношения возникают отчасти и потому, что в больших городах родители и дети редко связаны общей деятельностью, они не включены, как, например, в сельской семье, где ребенок с детства вовлечен в хозяйственные заботы родителей, в общий трудовой процесс, когда необходимо и понимать друг друга, и перенимать образцы поведения и систему ценностей. В современной городской семье мы видим типичное для любой организации обособление сфер жизнедеятельности: взрослые отвечают за одни операции (хозяйство, быт, обучение, воспитание), дети - за другие (обязаны хорошо учиться, слушаться родителей, в меру сил помогать им и т.п.).

Я не случайно употребил здесь слово "организация". Не стала ли сегодня средняя семья продолжением школьной - и не только школьной - организации, ее добровольным агентом и органом? Не способствует ли она формализации отношений, т.е. не выполняет ли роль, противоположную своему назначению?

Другое заблуждение: главное - это создать все условия для ребенка, хорошо его одеть и накормить, удовлетворить его желания ("Мы жили бедновато, пусть хоть дети поживут по-человечески"). И дети (а дети у нас - чуть ли не до 30-40 лет) привыкают к дорогим вещам и одежде, к тому, что их запросы, чтобы не сказать требования, всегда удовлетворяются, хотя для этого не нужно абсолютно ничего делать. А не откупаемся ли мы часто таким образом от необходимости по-настоящему заботиться о воспитании, не обнаруживается ли здесь, что ребенок у нас в действительности далеко не всегда стоит на первом месте?

Имеется и противоположная позиция: подавление личности в ребенке. Здесь, как мне кажется, пока мало помогают передачи по радио для родителей. Вольно или невольно мы забываем, что личности не только мы, но и наши дети. Мы, конечно, вроде бы понимаем, что наш ребенок - личность, маленький, но полноценный человек, а на практике только себя считаем носителями знаний и жизненного опыта. А ребенок, рассужда-

ем мы подчас, ничем этим не обладает, а потому и ведет себя не так, как надо (капризничает, ленится, грубит, хамит, кричит, плачет, врет). Но почему он хамит, грубит, ленится, врет? Может быть, потому, что мы сами грубы или ленивы, а он смотрит на нас? Разве мы стараемся понять его? Не оценить, не подвести под привычную рубрику добродетели или порока, а именно понять? При этом само собой считается, что ребенок должен умнеть, изменяться, осваивать все новые и новые навыки, позиции, формы поведения. А мы? Странно даже ставить так вопрос. Мы, взрослые, уже все постигли, "прошли" все университеты, поэтому не считаем нужным более изменяться до самой смерти. От детей требуем изменения, развития, расширения кругозора, а от себя почему-то нет.

Думается, взаимоотношения детей с родителями и учителями затрудняет еще одно обстоятельство. Речь идет о феномене, иногда называемом амбивалентностью, т.е. противоречивостью личности. К сожалению, в процессе школьного и семейного воспитания нередко вырастает именно такая личность, в которой звучат и спорят между собой несколько не совпадающих, противоположных голосов: голос мамы, голос папы, голос бабушки, голос учителя X, голос учителя Y, голоса товарища А и товарища Б, голоса по радио и телевидению и, наконец, постепенно кристаллизующийся голос собственного Я. Все эти голоса, звучавшие в душе ребенка, не только не сливаются между собой и с его собственным Я, но, напротив, вступают друг с другом в борьбу, отрицают друг друга. Немудрено, что в этих условиях часто (к счастью, не всегда) складываются такие черты характера, как анархизм, лицемерие, цинизм.

Если же на все это накладываются формализация отношений в семье, процессы обслуживания детей, подавление личности ребенка или, напротив, предоставление ей излишней свободы, то, как правило, создается почва и для развития в семье эгоистической личности, о которой говорил социальный психолог, или личности с искаженным пониманием реальности. Когда же подобные личности сами создают новую семью, в ней

сходятся два человека, отстаивающие каждый свое Я, для которых высшая ценность - собственная свобода. Результат столкновения этих личностей - разрушение и чувства, и самой семьи. Статистика здесь действительно печальная.

Педагог закончил, и все разом заговорили. Одни защищали личность, другие отвергали ее, а вместе с нею и современную школу. Когда порядок восстановился, слово получил молодой журналист.

- Я не ученый,- начал он,- поэтому буду говорить просто.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ЧТО ВСЕ-ТАКИ ГЛАВНОЕ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ?

С моей точки зрения, семья - это прежде всего любовь, это родственность, опора в жизни, понимание, сочувствие, это дети, следовательно, продолжение нашей жизни в бесконечности. Главное в семейной жизни - вовсе не совместное ведение хозяйства и даже не умение воспитывать детей (да и кто их умеет воспитывать?) или культура взаимоотношений, хотя без всего этого семьи тоже не бывает. Главное все же - любовь. Не влюбленность, не страсть, а именно любовь. Любовь - значит отождествление с любимым, его идеализация ("Он красив, он - праздник души, сама жизнь"); любовь - родственность ("Он муж (жена), отец (мать) моих детей"). Если все это есть - есть и семья, и она может справиться и с трудностями быта, и с обыденностью, и с низкой культурой человеческих отношений. Когда же любви нет, то семья раньше или позже распадется или, что еще хуже, будет порождать эгоизм, бездуховность, холод.

Сегодня должна возрастать ответственность каждого из членов семьи, должен углубляться сознательный подход к семейным ценностям и проблемам. Необходимо максимально отказаться от различных претензий, подчинить себя семейным требованиям, долгу, ответственности.

Понимаю, хорошо это говорить - трудно сделать: в наше время что ни человек, то личность; никто ни от чего не желает отказываться, тем более от своих "игрушек". Но другого пути у современного человека нет: или он обуздает свой непомерный эгоизм, свои претензии, которые часто нами воспринимаются чуть ли не как душевное богатство и развитость, или окажется лицом к лицу с еще более сложным комплексом неразрешимых проблем, с еще более глубоким кризисом личной и семейной жизни. Современная семья, вероятно, должна строиться на понимании, сози-

дании, культивировании семейных ценностей. Ничто ее не укрепляет так, как любовь и сознательное внутреннее усилие.

Слушая журналиста, я подумал, что он, конечно, прав, но правы и те скептики, которые отказывают любви в способности "держать" современную семью. Да и от претензий ни одна личность что-то пока не отказывается.

Тем временем слово снова попросил социальный психолог:

- Я хочу обратить внимание на то, что наши разговоры весьма общи. О ком здесь идет речь и о какой любви? Обо мне или вон о той совсем юной девушке, которая так горячо всех ругала? Одно дело - взгляды нашего шестидесятилетнего гостя. Другое - сорокалетних, третье - тех, кому тридцать, как мне, а у той юной девушки, вероятно, свои представления обо всем этом.

Без учета различия взглядов и интересов разных поколений мы вряд ли что-нибудь поймем. И не надо меня, пожалуйста, ловить на слове, я тоже понимаю, что поколение и возраст - не одно и тоже; поколение - это скорее социально-психологическая характеристика. И все же от нашего гостя очень удобно отсчитывать поколения. Его формирование пришлось на стык двух эпох, на 60-е годы, следовательно, он принадлежит к самостоятельному поколению. Это поколение и больших ученых, и многих известных писателей, и деятелей современного искусства. Все эти люди еще имели высокие идеалы. Следующее за ними поколение (начиналась, как сейчас говорят, эпоха застоя) во многом разочаровалось, стало трезвее, расчетливее, порастеряло идеалы и гражданскую активность. Третье поколение характеризуют глубокая гражданская апатия, цинизм, уход в личную жизнь, секс, мещанскую семью, потребительство. Наконец, четвертое поколение - поколение бунта и отрицания, скепсиса и малых дел. Все эти неформалы, наркоманы, рокеры, все эти вежливые мальчики, знающие по несколько языков и не знакомые с нравственностью, вызывают интерес и страх. Помню, один из представителей первого поколения однажды сказал: "Мне страшно, эти молодые люди - словно с другой звезды: они не гуманоиды, я стою перед ними как раздетый".

Итак, целых четыре поколения. Сейчас, в период реформы, складывается пятое. Каким оно будет? Коммунистические представления о любви и браке первого поколения нам уже изложили. А остальные? Трудно говорить за других, можно поделиться личными наблюдениями. Мне кажется, что второе поколение, так же, как первое, начинало с коммунистического идеала, но довольно быстро в нем разочаровалось. На смену пришли

идеи, напоминающие взгляды Огарева или Чернышевского, а также американская циклическая модель семьи, но, естественно, скорректированная на российский лад. Любовь по-прежнему котировалась достаточно высоко, но одновременно стали цениться идеи разумного эгоизма, личной независимости супругов, трезвый подход к выбору любимого и любимой, реализм в семейной жизни. Третье поколение интенсивно разрабатывало "найденную жилу", пожалуй, не внося в вопрос ничего существенно нового. Ну, может быть, большее значение стал приобретать секс и расчет, да и то не у всех. Зато четвертое поколение камня на камне не оставило от традиционных исторических моделей семьи, любви и брака. Впрочем, я не совсем прав, о семье оно особенно не помышляло, а вот любовь понимало или как принципиально свободную от всяких ограничений общества, или в модели расчета "ты мне, я тебе". Другое ответвление было сугубо мещанским, потребительским, оно бы, вероятно, с удовольствием переняло буржуазную модель семьи и брака.

Моя мысль, как вы поняли, заключается в необходимости

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

учитывать при обсуждении и разные поколения, и метаморфозы представлений.

Возвращался я с семинара с молодой женщиной. Мы обменивались впечатлениями.

- Я всех внимательно слушала и пыталась примерить к себе все эти модели, но, увы, не могу подвести себя ни под одну из них. Я верю и в сотрудничество, и в разумный эгоизм, достаточно трезво смотрю на семью и брак, не чужда расчету и сексу и тем не менее верю в романтическую любовь. А вот моя подруга, хотя ей всего 25, как будто родилась в прошлом веке: верит исключительно в романтическую любовь, все остальное для нее не существует. Куда же прикажете нас отнести?

Действительно, подумал я, может быть, все эти модели и идеалы, которые так горячо обсуждались, на самом деле только абстрактные схемы, а живая жизнь в них не укладывается? Или, напротив, возможно, в голове у идущей со мной рядом милой женщины сплошная каша и неразбериха, так сказать, парадоксально сосуществуют несовместимые вещи? Понятно, как будет вести себя молодой человек, придерживающийся чистого идеала, например романтического или американского, а вот что делать этой женщине? Не является ли бедой нашей молодежи, да и не только молодежи, именно эта неразбериха в головах, это смешение несовместимых идеалов и ценностей? И того нам хочется, и этого, ни от чего не хотим отказаться. Конечно, хорошо бы

любить, как литературные романтические герои или американские кинозвезды на экране, но как быть тогда с обязанностями в семье или нравственностью? Хорошо бы стать независимыми и свободными, порвать со всякой обыденностью, но как тогда жить остальным членам семьи и куда деться от пресловутого быта? Хорошо бы сохранить свежесть чувств и влюбленность, но как этого достигнуть в обычной монотонной жизни, в серых буднях, при наличии проблем, конфликтов, маленькой зарплаты и т.п.?

Я невольно вспомнил и стал рассказывать своей спутнице об одном из многочисленных обследований старших школьников. На вопрос о том, какими качествами должна обладать ваша будущая жена, десятиклассники двух московских школ ответили: прежде всего красотой и умом (как будто это главное в семейной жизни), решительностью, умением выходить из трудных ситуаций (заметьте, чисто мужское качество). Затем уже назывались другие качества. И лишь один юноша из ста (!) сказал: "Любовью к детям". А какая неразбериха царит в головах наших прекрасных женщин. Подавай им непременно принцев!...

Как-то я рассердился и спросил у сотрудниц своего отдела: "Кто же, с вашей точки зрения, в институте настоящий

мужчина?" Из пятидесяти человек они с трудом выбрали одного. Ничего не скажешь, мужчина обаятельный, интеллигентный, умный, добрый, только... имеет две семьи: одну официальную, другую неофициальную, и в каждой - дети. Поговаривают и о любовнице.

Я смеялся от души: вот так "настоящий мужчина"! Потом сказал женщинам: "Какие же нужно иметь представления о любви и браке, чтобы из пятидесяти вполне приличных мужчин (все они научные сотрудники и большинство женаты) выбрать лишь одного, да и тот оказался с изъяном? Один для вас не умен, другой жмот, третий бабник, четвертый скучен, пятый чересчур себе на уме, шестой неинтеллигентен, седьмой какой-то вялый... Бог мой, где же вы живете, в каком мире?"

Женщинам, участвовавшим в этом импровизированном интервью, было уже за 30. И тем не менее они так плохо (или слишком хорошо) разбирались в людях! Что же делать совсем молодым, вступающим в брак в возрасте 20-25 лет? Они не только не разбираются в других, но не знают и самих себя. Особенность нашей культуры и образа жизни таковы, что реально человек может в себе разобраться только годам к 30-35. Помню, мои юношеские идеалы и представления улетучились уже после армии, потом начались мучительные переосмысление и поиски. К

30 годам мне казалось, что я наконец-то нашел себя и выработал правильное представление о любви и семейной жизни. Но, увы, только годам к 35 я обрел твердую почву и уже знал, чего можно ожидать от себя, кто мне нравится на самом деле, какую семью я хочу иметь. Вероятно, в возрасте 20-25 лет молодой человек не может разобраться ни в себе, ни в любимом.

Я долго еще размышлял над всеми этими проблемами, и даже когда заснул, они меня не покинули. Приснился мне странный сон.

СОН

Снилось, что я давно уже живу в каком-то доме и у меня большая семья. В комнату, где я нахожусь, входит красивая девушка. Я твердо знаю, что это моя невеста, с которой расстался много лет назад, у нас с ней не сладилось. Неожиданно слышу свой голос, слова, обращенные к девушке: "Я тебя так люблю! Ты так прекрасна! Когда я о тебе думаю, то просто не могу дышать, мне хочется плакать от чувств".- "Я всего лишь романтическая любовь",- как-то странно глядя на меня и непонятно отвечает моя невеста. Она подходит ко мне, обнимает, целует. Давно забытое чувство овладевает мною, становится жарко, сознание уплывает. "Что ты делаешь?" - произносит кто-то. Оборачиваюсь: в дверях стоит моя первая жена и с удивлением смотрит на меня. "Почему она здесь? - пытаюсь сообразить я.- Ведь мы с ней виделись в последний раз лет 20 назад, я даже забыл, как она выглядит, да и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сейчас никак не могу разглядеть ее лицо". Но мне стыдно, что жена застала меня с любимой девушкой, и почти против своей воли я хитрю: "Познакомься,- говорю я,- это моя сотрудница". Поворачиваюсь к невесте, но вместо нее, действительно, стоит сотрудница.- "Я рада с вами наконец познакомиться,- говорит она почему-то не жене, а мне, жмет мою руку.- Я уже ухожу". Моя жена провожает ее глазами, потом задумчиво обходит меня. "Я тебя не люблю! - кричит она вдруг.- Я ухожу к другому. Ты слабый человек, ты не веришь, ты меня никогда не любил, тебе только так казалось, ты женился по расчету, сейчас я это хорошо поняла".

У меня падает сердце, на миг я ясно вижу ее лицо, вспоминаю его отчетливо, меня охватывает тягостное чувство непоправимости случившегося. "Но я же твой муж,- почти без надежды произношу я,- а ты моя жена".- "Нет,- говорит она,- не жена, а супруга, ты все, все перепутал". Жена что-то кричит, однако я не слышу что. Становится еще невыносимее, и... я просыпаюсь. Но странно, почему-то я не дома, а где-то в городе. Быстро иду по улице, иду, иду, город кончается, начинается поле. Где же я? Похоже на кладбище: кресты, могилы... Вот и люди стоят группой: кого-то хоронят. Подхожу и вижу: в гробу лежит моя невеста, глаза ее открыты, она улыбается и удивительно хороша, похожа на ведьму из кинофильма "Вий". Среди людей у гроба стоит моя первая жена и рядом с ней вторая, обе плачут. Я

смотрю на них и постепенно начинаю понимать, что эти три женщины - моя бывшая невеста и две жены - на самом деле одна женщина, недосягаемая, ускользающая, какое-то непонятное существо. Мне становится страшно, кажется, я никогда не пойму это существо, не пробьюсь к нему, не докричусь до него. Так страшно, что... Я проснулся, теперь уже по-настоящему.

Вот такой странный сон приснился. "Впрочем,- подумал я,- жизнь куда страннее иного сна".
Однако вернемся к проблемам семьи.

КТО ВИНОВАТ В РАСПАДЕ СЕМЬИ?

Вот о чем я стал размышлять, оглянувшись на свои мысли-переживания и фантазии. Не слишком ли я облегчил задачу себе и молодым людям? Получилось, что мы ни при чем, а виноваты обстоятельства жизни. И связь времен рвалась неоднократно, и традиции воспитания и семейной жизни утеряны, и не воспитаны мы, и воспитывать поэтому не умеем, и противоречивы мы, и эгоистичны, и любить не умеем, а если любим, то не так, как нужно. А сами-то мы где были, что делали? Не пора ли сменить позицию, как считает известный российский философ и эстетик Георгий Гачев?

"Где-то,- пишет он, обсуждая проблемы семьи,- на каком-то перегоне жизни я ловлю себя на том, что если до сих пор я имел счеты к устроению мира и людям (к родителям и пр.): что они мне чего-то недодали, блага, причинили зло,- то вот он я - уже активный самоисточник зла в мире: я недодаю бедным ближ-

ним: жене, детям, обижаю... Вот тут важно очухаться и удерживать это уразумение: что отныне уж никто перед тобой не виновен, и весь спрос с тебя, и что ты свободен выбирать и творить добро или зло,- все это уже совершенно в твоей прерогативе".

Сквозь призму этого суждения стал я вспоминать свою прежнюю жизнь и понял: точно, были у меня счеты к своей первой жене, а у нее, пожалуй, ко мне, да еще какие! Но только я не один, все мы (кто больше, кто меньше) сегодня в претензии к своим женам, а жены - к нам. Опять же вспомнил "Семейные жизнемысли" Г. Гачева и начал читать отрывки из его дневника.

<30. 1. 73. Яд мне оживила в душе к жене вчера бабка в деревне. Ходил я к ней за молоком, она меня расспрашивать: сколько детей? Кто смотрит-нянчит? Когда сказал, что я тоже все делаю по дому, она: "Ну ясно: бабья власть!" Я заинтересовался, что это значит.

- Ну как же не бабья власть? - говорит.- Чуть что, они на развод. Мужику ни в чем веры нет, его не слушают, У меня сын, 18 лет их дочке, а

баба от него уходит. И такое на него написала: что и пьян, и еще незнамо что! Подруги ее понаписали. Такую волю себе взяли. Мы как жили? Мужик и побьет когда - стерпишь, и все. А тут... За сына боюсь. Как бы по пьянке да от тоски...

- Мужик тоже хлипок стал,- говорю.- Оттого и баба верх взяла. Кто же первый начал: мужик слабеть или баба власть забирать?

- Бабе все устроено в угоду. А они все болеют... Не рожают: вырезают себе железом - оттого и болеют. А то еще уткнутся весь вечер в телевизор смотреть. У нас, бывало, как вечер - все бабы на улицу, песни петь, краснощекие, здоровые.

- Но сейчас ведь и женщина работает, в дом деньги несет. Делает мужскую работу - вот и мужику приходится женскую делать. Вот я все время пеленки стираю.

- Пеленки стираешь? Нешто у ней нет время? Она же сейчас не работает, твоя-то. Вон и у нас бабы: "Вишь, мой мужик какой хороший - пошел на речку полоскать!" А я ей: "Не мужик хороший, а ты - дурная".

И воспечалился я о "добром старом времени" и мужчине - мужике и рыцаре... Но ведь то - социально-патриархальный мужик. А метафизический - как монах или мудрец - сам все должен делать, быть целостен и не стыдиться быть бабой, делать женскую работу... Вот и у меня тут же жанровый эпизод произошел: вошла жена (в нарушение порядка дома и утра моего), прервала и стала говорить, что был врач-ларинголог из нашей поликлиники и что в ушке ничего нет, зачем же звать еще платного ушника из "Семашки", как мать моя советует? Я стал анализировать, отчего у младенца температура вспыхивала и как было в последний раз, когда она вынесла его

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

под окно в мою комнату и открыла щель, откуда сухой морозный воздух...

Она взбеленилась, ногой пнула мой столик, опрокинула книги и стеклянную раму, на которой я пишу. Я стал собирать. И тогда вместо соблазна, который у меня мелькнул: дать ей пинка иль какое еще рукоприкладство (а я ей поклялся, что более руку не подыму),- я взял эту картину под стеклянной рамой, понес к ней в комнату и на ее глазах хлопнул вдребезги о ее пол: собирай, мол... И вот уже легко на душе и весело и свободно - никакой злобы на нее не чувствую: мгновенно от черни освободился, а если б ничего освобождающего не предпринял, клокотал бы, и сколько желчи стало б скапливаться, отравляя нутро!... Рад остроумию своей казни: вон - до сих пор ходит, подметает, собирает осколки. И не ударил: греха не взял, за что бы ей мне душу зацепить.
Улыбаясь, продолжаю передумывать Декарта.
(Неприятен я себе в этой сцене: особенно самодовольство тут мерзко... Но нечестно будет править дневник тех лет. Так что:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.
Так Пушкин учит ("Воспоминание").- 14. V. 86).

3.30 (того же дня). По радио "Орфей" Глюка. Мелодия, что мой отец на флейте играл. Я один с младенцем. Спит. Св. ушла лекцию читать. Плачет

Орфей, потеряв Евридику. И я-в слезы: умиляюсь, что есть жена, Светлана... Что, если б унесла ее Смерть? И пнула она меня ведь, любя младенца, из боли: легко ли ей - месяц сплошной одной возле больной?

И бабка в деревне о беде сына рассказывала: "По пьянке ведь она. Один раз всего в жизни. Ну - с другим. Простил бы он ее. Она у него прощения просила, в ногах валялась. Но он - нет. А если б простил, может, и в ладу бы дальше жили". Такой у нас был разговор. И думаю о жестокосердии мужском, что и во мне. Так и запел бы вместе с Орфеем: "О, жестоковыйный! О, жестоковыйный!..."

Как мягчеешь сердцем, возясь с младенцем!... Да, мужчине современному надо не воздыхать о прежнем патриархате и стиле жизни и типе мужчины и женщины; не восстановить это - и не надо. А надо - помягчеть, одушетвориться, вместить женское в себе, стать более округлым - полным, цельным, а не сухой абстракцией мужества (долга) и духа, чем он стал в итоге патриархальной цивилизации: унизил материю - материнско-женское.

Вот сейчас чаек в бутылочку с соской заделываю, чтоб, когда проснется, попить дать^.

Замечательно написано, правдиво, честно. Весь ужас в том, что и простая колхозница ("баба", как говорят в народе), и утонченный философ, и его жена, Светлана Семенова, кстати,

тоже известный ученый, не в состоянии справиться с собой в семье. Первая изменяет, причем, заметьте, в пьяном виде (и это женщина, которая раньше могла лишь пригубить вино), второй стекло бьет, потому что, видите ли, его книги рассыпали и умные рассуждения прервали, а его жена не нашла лучше аргумента, чем пнуть ногой стол, за которым работал ее муж. А сын бабки, почему он такой? Ведь любит жену, это очевидно, а простить не в состоянии, скорее удавится, чем простит.

В чем тут дело? Ведь не только в том, что в семье два разных человека, с разными идеалами любви. Почему мы сегодня так скоры на разрыв, на ссору, на расправу? Почему гневаемся на любимых, обвиняем друг друга? Действительно, что с нами происходит в эти моменты (задним числом часто воспринимаемые трагикомически)? Кажется, и любим, а все вдруг не так, все раздражает, все опостылело.

Не попытаться ли во второй раз найти ответы у ученых, в дискуссии? И вот я снова на семинаре, и опять мне идут навстречу - обсуждаются мои проблемы, разбирается интересующий меня случай: Гачев, его жена, их соседи в деревне.

^Гачев Г. Семейные жизнемысли // Литературная учеба.- 1986.- #5.- С. 66-68.

ФРЕЙДИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

Так, вероятно, мог бы назвать свое выступление психолог, получивший слово. Он на семинаре был впервые и еще не усвоил всех его правил. Судя по всему, психолог был верным последователем Зигмунда Фрейда, у которого, как известно, есть такая теория. Существует греческий миф о царе Эдипе. Эдип в силу стечения ряда трагических обстоятельств убил отца и женился на родной матери. По мнению Фрейда, этот миф воспроизводит всеобщий закон развития человека в семье: сын испытывает влечение к своей матери, ненавидит и боится отца как соперника (Эдипов комплекс), а дочь испытывает влечение к отцу, ненавидит мать и боится ее (комплекс Электры). Психолог-фрейдист толковал события так:

- Ваш философ в детстве несомненно страдал "Эдиповым комплексом": он был страстно влюблен в свою мать, а она на него мало обращала внимания. Недополучив материнской любви, он теперь, став взрослым, бессознательно играет в семье женскую роль, пытается дополучить то, что в детстве ему недодали. Поэтому и эстетикой занялся, красотой упивается. Но что замечательно, и его жена в детстве имела сходный комплекс - Электры: любила родного отца и, очевидно, не смогла свою влюбленность полностью реализовать. Отсюда развитие мужского характера: муж сидит с дитем, а жена работает, хлеб в поте лица

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

добывает, лекции о русском мыслителе Н. Федорове читает.

- Извините,- замечаю я вслух,- но ведь и муж работает, правда, дома. А главное - почему сегодня в каждом втором мужчине женское начало преобладает? Это как-то странно.

Психолог, потирая руки, радостно соглашается со мной:

- Ах, как вы верно заметили! Однако теория психоанализа может дать ответы на все эти вопросы. Произошла смена ролей: женская роль перешла к мужчине, а мужская - к женщине. Эмансипация и время подорвали власть мужчины, развенчали его: теперь уже дочь не могла, как прежде, любить отца и ревновать мать. Зато, когда она становится взрослой, ей приходится самой принимать решения, вести хозяйство, воспитывать детей, и почти никакой помощи от мужа. Остается самой утверждаться в роли мужчины. И любит поэтому современная женщина больше саму себя, чем мужа.

А что произошло с мужчиной? Сын теперь любит сильную мать и может пожалеть слабого отца; тот ему уже не соперник. Как следствие - развитие в мужчине женского начала. А так

как это начало исходно принадлежит самому мужчине, оно, естественно, оказывается сильнее его любви к жене. Итог: и современный муж больше любит самого себя, чем свою жену.

Так, строго по Фрейду, рождается эгоизм современных молодых людей. А знаете, почему молодая женщина изменила мужу? Уверен, она регрессировала к своей прошлой роли - ей надоело быть мужчиной. В то же время муж не прощает ей измену чисто по-женски.

- Разве можно так произвольно обращаться с материалом, так насиловать его! - раздается голос одного из участников обсуждения.- Зачем столь сложно объяснять простые вещи? Обычная история: у него один взгляд на жизнь, а у нее - Другой; у сына деревенской женщины одни представления о браке и любви, а у его жены - другие, она, вероятно, не ханжа: может и выпить, и по случаю переспать с приглянувшимся мужчиной. Обе истории яйца выеденного не стоят, с психологической точки зрения они ясны. Главное - несовпадение у современных супругов ценностей, ожиданий, образов друг друга. Отсюда несовпадение установок и разное поведение.

Слово просит уже знакомый мне журналист.

- Может быть, вы и правы,- говорит он, обращаясь к психологу,- но вот что непонятно. Я много раз беседовал с разводящимися парами. Удивляет, что каждый из супругов абсолют-

но уверен в виновности другого. Формально он, конечно, может признать и свою вину, но в душе глубоко уверен, что виноват не он, а другой: он (она) не так любит, не так живет, не так ведет себя, не туда все кладет... Судя по литературе, раньше у разводящихся супругов не было такой абсолютной уверенности в виновности другой стороны.

Журналиста сменяет социальный психолог:

- Я согласен с журналистом, все не так просто, как кажется на первый взгляд. Думаю, что и в данном случае дело в эгоизме современной личности. Может быть, я вас несколько утомлю, но вынужден вовлечь в более глубокий анализ поведения обеих пар.

ВСЕ ДЕЛО В ЭГОИЗМЕ ЛИЧНОСТИ

Сначала два слова о том, что такое вообще современная личность, как она общается.

Сегодня для нас привычно говорить Я и не просто говорить (и дети говорят), а чувствовать, что все в нашей жизни имеет

смысл постольку, поскольку существует это самое Я, противостоящее другим и миру. Подобное ощущение детям чуждо; ребенок мыслит себя скорее как Мы (я вместе с мамой и папой, как нечто, где сливаются в одно: Я, другие, мир).

Что такое наше взрослое Я? Источник жизни, желаний, наш разум, сознание. Интересно, что так было не всегда. И в древнем мире, и в средние века человек считал, что и его жизнь, и разум, и даже его желания принадлежат не ему, управляются извне, личными богами, демонами, духами. Известный исследователь древнего мира С. Крамер пишет, что когда древний вавилонянин чувствует себя прекрасно, полон жизни, наслаждается богатством и душевным покоем, он объясняет это завидное состояние ума и тела присутствием сверхъестественных сил, которые либо наполняют его тело, либо охраняют. Наоборот, всякого рода несчастья, болезни и неудачи объясняются отсутствием такой защиты.

Однако сегодня мы считаем, что средоточием всего является наше Я. Именно вокруг этого Я вращаются наша жизнь и переживания, и в них главное - подтверждение, признание нашего Я со стороны других. Скажем, подросток. Он отказывается принять помощь и любовь собственных родителей, если они отвергают его личность, подвергают ее критике, и, напротив, признание личности подростка в молодежном обществе - необходимое условие принятия им от членов этого общества помощи, а с другой стороны - условие неукоснительного выполнения этим подростком ролевых обязанностей, предписанных в молодежном обществе. Личность, считает известный психолог К. Абульханова-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Славская, активно стремится к общению, отвечающему ее жизненным ценностям, и избегает идущего с ними вразрез.

Итак, общение в нашей культуре строится, во-первых, как реализация различных потребностей, мотивов, идеалов личности с помощью других, во-вторых, как подтверждение значения личности со стороны других.

Теперь, если понятно, что такое личность, можно высказать одну гипотезу, хотя, думаю, речь идет не просто о гипотезе: в семье каждый супруг, чаще всего не осознавая того, воспринимает все происходящее с точки зрения подтверждения или неподтверждения своего Я. И опять же так было не всегда. В семье XVIII-XIX веков, основанной на религиозных началах, не только не было личностей в том понимании, о котором я говорю, но были четкие роли: муж отвечал за одно, жена - за другое; муж выполнял одно, жена - другое. Оба эти обстоятельства - опора на религию и четкие, определенные роли в семье - позволяли

рассматривать семейные неурядицы и конфликты не как ущемление личности супругов, а именно как внешние обстоятельства, как дождь или зной в природе. Ничего смертельного для самолюбия мужа или жены.

А в наше время? Попробуем вникнуть в сознание, в мироощущение современной личности. Она хорошо ощущает свое Я, из него как средоточия исходят силовые линии, напряженное поле желаний, на этом Я замыкается и все происходящее. Личность остро переживает оппозицию "Я - другие", свой внутренний мир и мир внешний. А вот куда, я вас спрошу, личность относит свою семью, квартиру, любимое дело? Вероятно, включает в свое Я. Конечно, не всегда, но обычно включает. И вот теперь предлагаю всем проделать мысленный эксперимент. Представьте, пожалуйста, что происходит, если ваша жена или муж ведут себя не так, как вы себе это мыслите, ожидаете. Скажем: "У меня болеет сын, а муж сидит и рассуждает, как будто понимает в болезни лучше врача. Ну еще Сократа или Декарта он может понять, а почему у сына болит ухо - никогда". Или, напротив: "Я вникаю изо всех сил в болезнь сына, хочу ему помочь, а жена в сердцах, в нетерпении пнула меня ногой". Или: "Я так люблю жену, а она мне изменила, к тому же в пьяном виде. Кого же я любил?!" А она: "Я повинилась перед мужем, встала перед ним на колени, ползаю по полу, рыдаю (это я-то!), а он стоит как пень, смотрит с ненавистью..."

Что происходит с нашим Я во всех этих случаях? Оно искажается, отрицается, отвергается, а следовательно, искажается, отрицается и отвергается моя жизнь, моя личность. Поэтому я страдаю, переживаю, не могу жить. Ведь мое Я - вся моя жизнь, я сам. Кто же во всем этом виноват? Конечно, не я, а она (он) - источник моего

страдания, беды, горя, источник конфликта в семье.

- Позвольте,- спросил я социального психолога, - но почему нельзя отрефлексировать, осознать свою позицию и понять, что он сам не меньше виноват, чем его супруга?

- Хорошо бы, как вы сказали, "отрефлексировать", но много чего этому препятствует. Во-первых, нужно иметь такую установку - взглянуть на себя беспристрастно, объективно. Не всякий этого хочет: вдруг себя увидишь в неприглядном свете. Во-вторых, нужно еще уметь себя объективно осознавать. Дело в том, что беспристрастно на себя взглянуть весьма трудно: та же самая личность препятствует, защищает себя. Умение объективно взглянуть на себя - искусство, мало кто им владеет. Я сейчас читаю беседы замечательного индийского мыслителя

Кришнамурти. Не могу удержаться, чтобы не прочесть один фрагмент его книги. Не возражаете? Читаю.

К Кришнамурти пришла женщина, у которой от рака умер любимый муж и сразу вслед за ним в интернате - один из детей.

- Я не знаю, что делать, помогите. Смерть мужа потрясла меня до основания. Я любила своих детей. Я не могу перенести одиночества; наш брак был построен со всей тщательностью, как строят дом, на весьма твердом фундаменте. Теперь все разрушено этим страшным событием.

И знаете, что сказал ей в ответ Кришнамурти?

- Почему вы в таком горе? Относится ли оно к вашему мужу или к самой себе? Если вы плачете из-за него, разве ваши слезы помогут ему? Он ушел безвозвратно. Что бы вы ни делали, вы его не вернете. Ни слезы, ни вера, ни обряды, ни боги никогда не вернут его. Это факт, который вы должны принять, вы ничего не можете сделать. Но если вы плачете о себе, о своем одиночестве, о своей опустошенной жизни, о чувственных удовольствиях, которые вы имели, об утерянной совместной жизни, тогда ваши слезы - это слезы жалости к самой себе, не так ли? Быть может, вы впервые осознаете собственную внутреннюю нищету. Мягко выражаясь, вы вложили весь капитал в своего мужа, и это давало вам благополучие, удовлетворенность и радость, не так ли? Все, что вы чувствуете сейчас,- утрата, муки одиночества и тревоги - разве это не жалость к самой себе?... Не ожесточайте свое сердце против того, что увидите, не говорите: "Я люблю своего мужа, я нисколько не думаю о себе. Я хотела быть для него опорой, хотя я часто пыталась подчинить его себе, но все это делалось для его блага и никогда не было мысли о себе...". Если вы понаблюдаете несколько дольше, вы увидите, что причина ваших слез-собственное одиночество, собственная внутренняя бедность, т.е. жалость к самой себе.

- Вы довольно жестоки, не так ли, сэр? - сказала женщина.- Я пришла к вам, чтобы получить действительную поддержку, а что вы мне даете?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

- Одна из иллюзий у большинства людей,- ответил ей Кришнамурти,- состоит в том, что существует некое внутреннее утешение, что кто-то другой может вам его дать или вы сами можете его найти. Боюсь, что такого нет. Если вы ищете утешения, вам придется жить в иллюзии, а когда эта иллюзия рухнет, появится скорбь об утраченном утешении.

- Все это для меня не так важно,- сказала женщина.- Я бесконечно несчастна. Я потеряла мужа и сына, и осталось еще двое детей. Что мне делать?

- Если вы беспокоитесь об оставшихся детях,- настаивал Кришнамурти,- вы не можете тревожиться о себе и своих страданиях. Вы должны думать о них, правильно их воспитывать, оберегая от обычной посредственности. Но если вы поглощены жалостью к себе, которую вы называете "любовью к мужу", если вы замкнетесь в себе, тогда вы погубите также и этих двух детей. Сознаем мы это или нет, но все мы крайне эгоистичны, и пока мы получаем то, что хотим, мы считаем, что все в порядке. Но как только произойдет событие, которое разрушит все это, мы в отчаянии обращаемся

к другим с надеждой найти новые подпорки, которые, без сомнения, также будут разрушены. И так далее. Если вы хотите попасть в эту ловушку, прекрасно зная, что за этим последует, тогда продолжайте в том же духе...

Так что хорошо бы объективно осознать свою вину и позицию, закончил социальный психолог, но сделать это нелегко, наша личность чаще всего предпочитает правде в глаза прямо не смотреть.

- Не могу с вами согласиться,- живо возразил фрейдист.- Да, современные супруги в семье винят во всем друг друга и действительно являются эгоистическими личностями. Но почему? Вовсе не потому, что они личности, а потому, что не могут реализовать свою сексуальную энергию (либидо), свои бессознательные влечения. Конфликты и взаимные обвинения - это форма высвобождения нереализованных сексуальных влечений. Не забывайте, что 30-40% всех браков распадается по причине неудовлетворенности супругов интимными отношениями. Достаточно жене отказать мужу, как он становится раздражительным и ищет повода, чтобы сорвать на ком-нибудь свое плохое настроение. А кто ближе всего, доступнее, кто под рукой? Жена и дети. Вот и конфликты в семье, и дикое воспитание ребенка.

С другой стороны, как можно объяснить чуть ли не самое распространенное в нашей стране высказывание женщин в адрес мужчин: "Им бы только одно! Ни сна, ни отдыха!" Тем, что наши женщины, замученные работой и бытом, уже не в состоянии к концу дня удовлетворять своих любимых. Оправдывая свое бесчувствие, они начинают обвинять мужчин в гиперсексуализме, грубости, хотя, как свидетельствует статистика, мно-

гие наши мужчины, увы, страдают половым бессилием. Кстати, по той же причине они заявляют: "Живя с холодными, усталыми женщинами, немудрено стать импотентом или начать заглядываться на других женщин".

- Что вы такое говорите! - возмущается один из слушателей.- Мужчины здесь вообще ни при чем. Просто многие наши женщины - ханжи, не умеют любить, получать от любви удовольствие, вот и сваливают с больной головы на здоровую. Давно известно: хорошая жена - это не просто хозяйка и мать детей, но еще и умелая любовница. Да, да, любовница. А если она не может, не умеет или не хочет быть такой, мы бежим к другим женщинам. Заметьте, те же самые женщины, которые про мужей говорят: "Ни сна, ни отдыха, им бы только одно!" - прекрасные любовницы, но не с мужьями. То же самое, правда,

можно сказать и про нас, все это в природе вещей. Помните, у Пушкина:

О люди! Все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

- Зачем же по себе судить о других! - парирует молодая женщина, с которой я возвращался с первого семинара.- Настоящий мужчина не опустится до секса или измены, ему совесть не позволит. Я уверена, ложь, адюльтер оптом и в розницу разрушают современную семью не меньше, чем эгоизм нынешних супругов. Почему женщины столь суровы в оценке мужчин? Вовсе не потому, что сами потерпели фиаско, это мужчины потеряли свое лицо, хотят "округлиться", как тут говорили, "вместить женское в себя". Так мы скоро докатимся до западной морали: "Все допустимо, главное - удовольствия, наслаждения - любой ценой, и чем острее и новее ощущения, тем лучше". В женщинах все же больше сохранились нравственные начала, потому они и судят мужчин более строго. Но ведь заслужили!

- Это мы-то заслужили,- раздался в тишине надтреснутый голос мужчины весьма интеллигентного вида, но не без странностей.- Разрешите мне сказать.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ЖЕНЩИНЫ...

Пусть меня обвинят, пусть скажут, что я отстаиваю домострой, но еще в Библии женщине отводили подобающее ей место. Да что средние века! И цивилизованные, образованные

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

люди так думают. Скажем, известный русский мыслитель, энциклопедист Н. Федоров, "идеальный библиотекарь", переписывавшийся и с Достоевским, и с Толстым, считал, что именно женщины погубили культуру, цивилизацию, что от них все беды.

Это исключительное прилепление к жене,- писал он в "Философии общего дела",- заставляя забывать отцов, вносит политическую и гражданскую вражду в мир и вместе с тем заставляет забывать о земле как на небе находящемся теле и о небесных телах как о землях. Называя наш мир Ассамблеей, Федоров указывал, что это торжество женщины и пора-

жение мужчины, смятение нравов или прогресс - на светском языке - и падение человека - на языке религиозном. Ассамблея видит счастье в сближении полов, совершенно отделяя его от рождения, т.е. признает брак союзом не для деторождения, а для наслаждения, и, боясь смерти, Ассамблея старается уверить себя, что смерти нет. Такое отделение сближения полов от рождения, хотя и не уничтожает рождения совершенно, приводит, однако, к вырождению и вымиранию. Ассамблеи - костюмами, своею женоподобною наружностью, романтическою литературою, эротическою поэзией, музыкою, танцами, знанием и всеми искусствами, прилагаемыми к ассамблейному делу,- возбуждают половые страсти, приводят к преждевременной зрелости, к истощению. Ассамблея есть общество эмансипированных женщин, т.е. освобожденных от власти родителей и забывших отцов (блудные дочери), подчинивших себе мужчин (сынов), которые также забыли отцов (блудные сыны).

Кстати,- продолжал оратор, отложив книгу Федорова,- жена нашего философа, Светлана Семенова, пнувшая ногой столик с книгами, насколько мне известно, твердая последовательница Федорова, именно она писала вступительную статью и примечания к его сочинениям. Идеи Федорова о родственности и воскрешении детьми из мертвых своих отцов и дедов - весьма симпатичны, они объективно работают на укрепление семьи; способствовали они, как известно, и развитию научной космонавтики. Циолковский занялся проблемой космических полетов для освоения других планет, чтобы было где разместить воскрешенных отцов. Думаю, и женщин Федоров судил вполне справедливо. Ведь если даже его последовательница, убежденная в родственности всех душ в семье, ведет себя столь разнузданно, чего же ждать от других жен?!

- Эк куда забрались! - воскликнул я не совсем тактично.- Феминисты, женоненавистники... какой-то паноптикум. Как это все далеко от современности.

- Вот-вот, о современности,- услышал я голос журналиста.- Можно мне слово? Предыдущий оратор думает, что во всем виноваты женщины. Я бы предложил другую версию в поисках виноватого.

Я тут познакомился с весьма любопытной современной теорией американского психолога Эрика Берна. Его книга называется <Что мы говорим после того, как сказали "хелло!">. Помните, несколько лет назад у него была другая книга - "Игры

взрослых", не менее интересная. Берн утверждает, что вся наша жизнь и переживания, семейные в том числе, строятся, исходя из определенных, обусловленных культурой жизненных сценариев, программ - скриптов. Наиболее распространенные жизненные сценарии заимствованы нами из сказок или мифов: "Красная шапочка", "Золушка", "Спящая красавица", "История Европы" и т.д. Берн объяснил бы поведение наших двух семейных пар совершенно иначе. Почему жена изменила своему мужу? А потому, что ее скриптом была "Золушка". Женщина всю жизнь чувствовала себя Золушкой и ждала своего принца. И вот однажды, когда муж был в командировке, в деревню из • города приехал красивый молодой человек. Играет на гитаре, поет, танцует, говорит непонятно, смотрит в глаза и, кажется, куда-то зовет... Потом был волшебный вечер в клубе (бал с принцем), потом засиделись компанией у подруги... Так все и случилось. Только конец сказки оказался печальным, не по скрипту: принц исчез, муж все узнал (ведь деревня) и оттолкнул, а она сама вдруг поняла, что истинным ее принцем всегда был ее собственный муж. Ну что ж, ошибка простительная, Евгений Онегин был куда образованнее, а ведь тоже ошибся, не сразу разглядел свою принцессу. По другой причине муж не может простить свою жену: в его скрипте огненными буквами написано: "Никому никогда не верь, даже своей жене. Если тебя обманули один раз, то обманут и дважды и трижды". Эту заповедь неоднократно в пьяном виде ему внушал отец.

Теперь наш философ, Гачев. Он явно реализует скрипт (сценарий) своей профессии - то ли Сократа, то ли Декарта. "Чую,- пишет Гачев,- сходство с Декартом в сознательном настрое своей жизни: он изолировался от жизни с тем, чтобы беспрепятственно работать в духе. Я - тоже сознательно - не отстраняюсь от жизни, но включаю ее в линию своего духа как мыслеобразующий фактор"^. Реализуя скрипт философа, Гачев, опять же как истинный представитель своей профессии (истина ему дороже самолюбия), честно осознает, насколько такая программа жизни несовместима с семейной и вообще всякой нормальной жизнью. "Да, философия - это антижизнь,- замечает наш философ.- И творилась-то она людьми бессемейными: без жены, без детей иль совсем где-то это для них побоку, а вместо жены и жизни любят Софию: она им жена, любовники они Со-

^Гачев Г. Цит. соч.- С. 67.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

фии (философы). Ну да, Сократ - с женой, сварливой Ксантиппой, и с детьми незначащими; Аристотель - с гетерой Филлидой, что на нем, по средневековым изображениям, верхом ездила (тоже нелеп союз с женой - жизнью у него). А далее Декарт, Спиноза, Кант, Кьеркегор, Ницше - все уроды, без жен. Один Гегель... Да и у французов: любовь была (Вольтер, Дидро, Руссо), а положительной семьи, с детьми - и не было. А все учат человечество счастью: как устроить жизнь. А откуда им вполне знать, что потребно человеку?"^. Поэтому и неудивительно, что жена Гачева, как Ксантиппа, пнула мужа ногой, она тоже реализует свой скрипт - "жены философа". Но в ее скрипт вмонтирован еще один сюжет: христианского спасения, воскрешения из мертвых. Реализовался этот сюжет в жизни нашей героини в форме следования учению Федорова, в форме заботы о старости. <Любовь к родителям,- пишет она,- воля поддержать их слабеющие силы - "странные" заботы, не имеющие прямой практической пользы, в них - только нравственный, сверхживотный зов, стремление любовью и трудом как бы потеснить права природного закона>^.

Бог мой, подумал я уже про себя, час от часу не легче. Что же было на самом деле? Ведь каждый дает свое объяснение случившемуся, да еще на науку ссылается. И все вроде правы, их аргументы просто так не отбросишь. Вероятно, надо самому выработать точку зрения на случившееся. Но как, чью позицию принять: фрейдиста, журналиста, социального психолога, сторонника Федорова, Берна?

Возвращаясь домой, стал я вспоминать свои семейные конфликты, ссоры, трагедии. Начинается часто с пустяка, почти с ничего, например: куда пойти, что купить, как сына воспитывать, а потом - как ком снежный, как селевый поток с гор - ни остановить, ни сдержать. И вот уже выясняю: любит или не любит? Не сделал ли роковой ошибки?.. И уже ощущаю с ее стороны холод и жестокость ко мне... А куда пропало прекрасное, милое лицо, и почему у нее такой неприятный голос? И т.д. и т.п.

М-да, все правильно говорили на диспуте, и, наверное, каждая точка зрения не лишена смысла. Но вот вопрос: что со всем этим делать? Ведь опять получается, что каждый супруг действу-

^Гачев Г. Цит. соч.- С. 88-69.

^Семенова С. "Вышняя правда и служба" старости // Литературная учеба.- 1986. - #5. - С. 72.

ет не со зла, а так, как его жизнь запрограммировала, в зависи-

мости от того, какой характер в него природа вложила, каким его культура сформировала. Выходит, что никто не виноват - ни я, ни она. Однако семья распалась, ребенок растет без отца. Да, но ведь жениться я вроде сам решил и сам себе выбирал жену. Или, может быть, мне только так казалось? Снова вспоминаю слова Гачева: "Весь спрос с тебя, ты свободен выбирать и творить добро или зло". Опять вопрос: свободен ли на самом деле?

Свободно определять себя современному человеку нелегко, он не всегда знает, на что сориентироваться, не знает, когда остановиться в своих поисках, когда нужно себя ограничить и отказаться от эксперимента, не знает, на каком пути коня потеряет, на каком счастье найдет, а на каком его смерть поджидает. В то же время не хочется вставать полностью на позицию признания не зависящей от нас судьбы, рока - уважать себя перестанешь.

Какую же позицию занять? Но, может быть, зря я философствую, ведь можно жить просто, естественно, как заведено? Нет, очевидно, нельзя: растущее число разводов и проблемы семьи о чем-то говорят. Вспоминаю Достоевского. Федор Михайлович говорил, что человек не столько живет, сколько свою жизнь сочиняет. Назначение человека, если он Человек, вносить в свою жизнь смысл, свободно определять себя. Так что не уйти современному человеку от философствования, от самоопределения. Стал думать, суммировать свои взгляды сначала на жизнь вообще, затем на семью. И вот к чему пришел.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ АВТОРА

Мне кажется, что самоопределение человека иллюзорно, если не выработано отношение к добру и злу. Безусловно, хотелось бы делать добро. Но я стою на той точке зрения, что результат человеческих усилий определяется не нашими благими желаниями и даже не хорошими делами, а не меньше культурой, обстоятельствами. Как это понимать? Вот как: я делаю то-то и то-то, другой - нечто, обстоятельства жизни складываются так-то. Что же получается в итоге? Результирующая многих сил и обстоятельств. К сожалению, в культуре идеалы и концепции отдельных людей, как правило, недостижимы. И все же уверен: человек ответствен и за семейную жизнь, и за детей, и даже за исторический процесс. Не зная точно, как мы влияем и будет ли

всегда наше влияние благотворно, мы все же должны знать, что влияем. Хорошо бы точно знать последствия своих действий, но многое от нас не зависит, мы можем контролировать лишь себя и ближайшее окружение, мы не знаем истину и редко можем управлять другими людьми. Делание добра, блага - всегда риск, нужно быть готовым и к тому, что наше добро для кого-то может обернуться злом. Но и не делать добро нельзя, если счита-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ешь себя человеком, если имеешь совесть. С точки зрения возможного будущего опыта трудно сказать, правильно ли мы живем сегодня. Важно другое: стараться правильно жить, а уж получается или нет, другой вопрос. Как заметил С. Аверинцев: "Я своего гуманитарного дела не бросаю, значит, пребываю в доброй надежде, что со мной в мои лучшие минуты все обстоит отчасти так, как нужно. А правда это или нет, я не знаю и знать не могу - никто себе не судья".

Не менее важно понять, что такое свобода. Говорят, что жизнь - суть свобода личности, творчества. Но жизнь неразрывно связана с историей, традицией, т.е. несвободой. Получается, что смысл жизни не только в поддержании традиции, но не меньше - в разрыве с ней. Смысл жизни - в поисках человеческого начала, в расширении и испытании его по логике свободы. Но и одновременно - в возвращении к исходным неизменным человеческим началам. Диалектика реальной, и в частности семейной, жизни, вероятно, в органическом соединении изменения и постоянства, свободы и разума, творчества и ограничения. Каждый шаг нашей свободы, новые завоевания духа, новые возможности существования должны корректироваться разумом и ограничением свободы, иногда даже отказом от достигнутого.

"Зачем все эти абстрактные рассуждения: добро, свобода? - слышу я голос одного из читателей.- Ведь речь идет просто о семье и браке, к ним и держите путь напрямик".

Дорогой читатель, думаю, вы не правы. Сегодня кризис семьи - лишь симптом, проявление другого, более глубокого кризиса: нашей современной культуры, человека.

Вспоминается в связи с этим беседа с одной знакомой. Давно с ней не виделись, встретились, разговорились, стала рассказывать:
- Выходила замуж, любила, затем постепенно выяснилось: муж - страшный, патологический скряга, на всем, даже самом необходимом экономит. Не поверишь, он кандидат экономических наук, я работаю бухгалтером, получаем оба прилично, а он считает каждую копейку, да что копейку, каждую неделю подсчитывает, 150 или 170 граммов масла или сыра купить. Кончилось тем,

что стали вести раздельное хозяйство. Это в -одной-то семье! Как дети? Тоже нет покоя. Кажется, все в порядке: оба окончили институты, один женился, другой пока нет. Как старший женился, мать для него перестала существовать. Жену обожает, все для нее готов сделать, а меня уже и не слушает. Я понимаю, это хорошо, что жену любит, но почему и мать не любить и не выслушать? Ведь раньше все "мам" да "мам", от юбки не отходил. Младший значительно умнее старшего, начитан, интеллигентен, тонок, но эгоист законченный. Живет с нами, работает, а материально не помогает и делает вид, что намеков не понимает. После аспиран-

туры полгода не работал, а сам работу не искал. "А вы,- говорил,- на что? Что, у меня родителей нет?" И то ли шутит, то ли серьезно, понять невозможно. Тут на днях мне говорит: "Я, мам, наверное, жениться не буду, ведь семью надо содержать, отвлечет меня это от творчества". Не могу я понять: учился почти двадцать лет, о черных дырах рассуждает, а совесть и порядочность считает понятиями относительными, неточными.

И работой я последнее время недовольна. Полностью переучилась. Освоила высшую математику и программирование, столько сил на это положила. Написала хорошее исследование (все так говорят), а вот пробить его не могу. На пути стала начальник отдела: то ли думает, что я на ее место сесть хочу, то ли ею просто движут мелкая женская зависть и самолюбие! Бьюсь как рыба об лед уже третий год.

В ответ на эту исповедь я своей приятельнице говорю:
- Может, ты просто преувеличиваешь? Идеальных мужей сегодня нет, детей - тоже, а тем более - начальников.

- Нет, нет,- отвечает,- я тут как-то задумалась: может быть, я неправильно живу, не тем, чем надо бы? Ведь своей жизни я почти и не имела, все муж да дети на первом плане. И вот результат. За что, почему? Ответь...

А действительно, почему так получилось, кто виноват? Почему хороший человек полностью неудовлетворен своей жизнью - мужем, детьми, работой, собой? Но, может быть, подобная судьба - исключение из правил, редкость?

Однако кто из нас, положа руку на сердце, признается, что доволен собой, своими детьми и работой? Много ли найдется таких людей? И если даже много, то неудовлетворенных жизнью в том или ином отношении - тоже не меньше. Но, может быть, хорошо, если человек неудовлетворен собой и своей жизнью, в этом случае он ищет, не стоит на месте? Что правильнее - жить в ладу с самим собой, быть довольным своей жиз-

нью или же, как мы сказали, мучиться и переживать? И вообще, может ли современный человек быть удовлетворен своей жизнью, зная многое из того, что он знает? Касается нас, например, или нет голод в Африке или то, что в мире миллионы детей каждый год умирают от недоедания? Как мы должны реагировать на гибель природы в результате человеческой деятельности, на исчезновение многих видов животных и птиц, на проблемы и противоречия в нашей экономике или просто страдания больного соседа за стеной?

Можно задать много и других вопросов, на которые нет ответа. Ясно одно, во всяком случае для меня: мы живем в особое

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

время - время кризиса культуры, человека, семьи. Чтобы в этом убедиться, погрузимся в поле хотя бы части тех проблем и коллизий, которые беспокоят и мучают среднего человека нашего времени. При этом автор не имеет в виду людей совершенно здоровых и довольных собой, своей жизнью, а также тех, у кого нет жизненных проблем и противоречий. Впрочем, думаю, что подобных людей становится все меньше. Напротив, пополняются ряды людей, недовольных собой, своей жизнью, своим здоровьем, своими взаимоотношениями с близкими в семье и друзьями.
Но... по порядку.

ВСЕ ЛИ БЛАГОПОЛУЧНО В НАШЕМ ДОМЕ?

Начать можно с проблем здоровья, которые с определенного возраста беспокоят почти каждого человека. В одной поликлинике я видел плакат: "Пожилой возраст и старость - не болезнь". К сожалению, и в пожилом, и в зрелом, и в молодом возрасте многие люди, даже не страдающие хроническими заболеваниями сердца, желудка и т.д., тем не менее постоянно жалуются на головные боли, апатию, отсутствие сил, энергии, нарушение сна и прочие "болячки", заставляющие "практически здорового" (по определению врача) человека ощущать себя нездоровым или неполноценным. Эти отрицательные ощущения резко усиливаются с возрастом (у кого после сорока, у кого после пятидесяти или шестидесяти лет). Являются ли нормальными подобные ощущения и переживания? Действительно ли, как говорят некоторые врачи и психологи, это естественный результат сложности нашей жизни, многочисленных стрессов и проблем на работе и в семье, с которыми не может справиться современный человек? И другой вопрос: в какой мере подобные ощущения и объектив-

ные симптомы зависят от самого человека, от того образа жизни, который для него характерен? Что здесь можно изменить самому, а что от нас не зависит?

Существует точка зрения, притом весьма древняя, что каждый человек, если только захочет и правильно организует свою личную и семейную жизнь, и в пожилом возрасте и дальше может ощущать себя если не молодым, то во всяком случае здоровым, полным сил и энергии. И болеть человек может мало, и сам в состоянии справляться со многими заболеваниями (простуда, гастриты, радикулиты, функциональные сердечно-сосудистые нарушения и т.п.). Так ли это? Действительно ли мы можем быть энергичными и полными сил чуть ли ни до самой смерти и почти не болеть? А ведь сегодня, по некоторым данным, болеет каждый третий человек.

Однако человек может быть недоволен не только своим здоровьем, но и характером. "Нервы расшатались, никуда не годятся". "Не могу сдержаться, срываюсь, раздражаюсь, все меня вы-

водит из себя". "Не могу справиться со своим дурным настроением". "Понимаю, что веду себя нехорошо с людьми, даже с близкими, но ничего не могу с собой поделать". Не правда ли, подобные заявления и горькие констатации знакомы многим? Но, может быть, все это - обычное дело, всегда были люди более спокойные и сдержанные, умеющие владеть собой, так же, как всегда были люди раздражительные, несдержанные, все дело в культуре и характере человека. Едва ли. Сегодня количество, как говорится, перешло в качество: людей, не владеющих и, главное,- неудовлетворенных собой, стало так много, что возникла серьезная проблема. Что-то неблагополучно и в нашей жизни, и с нами. Определенную роль в этом процессе сыграла также установка, пропагандируемая средствами массовой информации, а именно, что наше настроение и поведение - в нашей власти, что человек, если захочет и приложит усилия, в состоянии управлять своим настроением и нервами, может полностью владеть собой.

Но возникает вопрос: так ли это? Думаю, многие пытались применить к себе эти утверждения и... потерпели фиаско. Сдерживаешься в одном месте, а "плотина" прорывается в другом; если какое-то время удается полностью контролировать себя, то неминуем взрыв долго сдерживаемого раздражения. Может быть, человек вообще не способен управлять собой, своими настроениями, темпераментом? Может быть, нужно жить "по-итальянски", тут же выплескивая на окружающих свои эмоции и пере-

живания? Ну а если люди не выдерживают этих эмоций и переживаний, сами приходят от них в раздражение или, чего доброго, заболевают? Как тогда быть и в чем тогда культура человека? Передать свое плохое настроение или эмоции другим людям, особенно близким или подчиненным, находящимся тут же, под рукой, нетрудно, но как справиться с той ситуацией, которая затем складывается?

Сегодня нередки заболевания психическими расстройствами детей из-за того, что им постоянно передают свое плохое настроение или раздражение их собственные родители. Свидетельство тому - рисунки и рассказы детей, которые находятся в остром конфликте с родителями. Ленинградский психотерапевт А.И. Захаров приводит следующие характерные примеры: восьмилетний мальчик, у которого строгий, раздражительный отчим, панически боится сказочного Кощея; семилетний ребенок из неполной семьи при конфликтующей с ним матери боится Бабы Яги; то же у мальчика шести лет, которого не любит мачеха; пятилетняя девочка боится Бабы Яги, о которой ей напоминает крикливый голос матери; другая же девочка, у которой возбудимый и не включенный в жизнь семьи отец, видит во сне волка. Во всех этих случаях дети боятся, что с ними может произойти нечто страшное, жестокое, непоправимое, что несовместимо с понятия-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ми доброты, сердечности, любви, искренности и непосредственности. В этом смысле Баба Яга - это образ "нематери", а Кощей Бессмертный - образ "неотца" (Захаров приводит и рисунки детей, изображающих своих родителей в виде чёрта и Бабы Яги).

Конечно, приведенные примеры - это крайние случаи противостояния реальностей в сознании ребенка, обычно эти реальности не столь антагонистичны, они просто амбивалентны.

И все же наблюдения показывают, что ко многим сдвигам в психике детей ведут наши с вами раздражительность и несдержанность, неожиданный прорыв плотин, которые мы выстраиваем на пути своих желаний, неудовлетворенность нашей личной жизнью, срываемая на детях. Да и супруги, передавая друг другу свое настроение, нередко доводят любимого, как говорится, до белого каления, а то и стресса.

Отсутствие контроля над эмоциями, невладение собой - все же не самая большая проблема. Хуже, когда человек обнаруживает у себя всякого рода странности, страхи, комплексы, совершает непредсказуемые поступки, так что нет-нет да и мелькнет мысль: "Уж не болен ли я психически?" Наверное, многим знакомы страхи типа: "А выключил ли я, уходя из дому, газ или

утюг? Запер ли дверь?" (знаешь, что закрыл, а все-таки возвращаешься, чтобы проверить). Все больше людей неправильно питаются (одни переедают, другие себя морят голодом "ради здоровья"), странно отдыхают (нормально ли, когда человек сидит у телевизора до полуночи, а затем пишет в редакцию письма, жалуется: "Почему вы заставляете нас до двенадцати смотреть всякую дрянь?" А кто их заставляет?). Это чаще всего относится к жителям больших городов. А как страшно одиночество! На первый взгляд люди живут в семье, заняты производственными делами, интересуются политикой, литературой, а все раздражены, выясняют отношения, что-то доказывают, куда-то рвутся... Много эгоистов, завистников, скряг, людей, во всех видящих врагов, себялюбцев. Таковы герои и ряда художественных произведений современных авторов. В романах Ю. Трифонова вроде бы милые, интеллигентные люди поедом едят друг друга, одержимы какими-то странными идеями...

Но, может быть, на подобные мелочи не стоит обращать внимание (все мы, как сказал поэт, "немножко лошади")? Может быть, для современного человека подобные странности естественны? Однако как быть, если на тебя показывают пальцем (или кажется, что показывают)? А если ты сам недоволен собой и считаешь, что лучше бы этих странностей у тебя не было? И разве проблема одиночества выдумана писателями?

Интересно, что все больше одиноких людей - именно в семье.

Есть жена, муж, дети, а человек одинок. Ему кажется, что его не понимают, что ему не с кем поделиться тем, что у него на душе...

У героини повести В. Токаревой "Длинный день" полноценная семья, однако молодая женщина предельно одинока. И ее можно понять. Да, у нее непьющий (огромное достоинство), но какой-то эгоистичный, инфантильный муж. Сама она, отдавая все силы души работе, журналистике, забросила ребенка. Муж и ребенок героини находятся где-то на периферии ее сознания и переживаний. Интуитивно женщина понимает, что живет как-то не так, как бы сама по себе, но проникнуться жизнью своих близких не может. А если называть вещи своими именами, по-настоящему интересна ей только собственная жизнь. Расплачивается же человек за такой своего рода эгоизм одиночеством.

Однако современный человек не просто одинок, к тому же, как мы уже говорили, эгоцентричен, эгоистичен. Но и это не исчерпывает его экзистенциальных проблем. А страх перед смертью, перед войной, страх за детей, за будущее земли и людей, а отсутствие жизненной перспективы? Не меньшие переживания испы-

тывает современный человек и в связи с глобальным экологическим кризисом, ростом психических заболеваний, преступности, распространением рака и СПИДа. Наконец, не внушает спокойствия и уверенности будущее нашей страны. Все сегодня проблема: хозяйство, идеология, национальные отношения... Это, да и многое другое, безусловно, влияет и на семью, подрывает ее. Ведь если конец света в том или ином виде неизбежен, размышляют иные, то зачем, спрашивается, работать над укреплением семьи, уступать друг другу, преодолевать свой эгоизм? Главное - больше взять от этой жизни, а там - хоть трава не расти...
Правда, всегда были и есть оптимисты.
- Так ли все это? - возразят они.- Вы стали жертвой собственного страха и незнания истории. Войны? Да, они всегда были, и культуры погибали, да что культуры - целые цивилизации. Вспомните руины античного мира, пылающую Александрийскую библиотеку, гуннов, Тамерлана, татаро-монгольское нашествие, опричнину Ивана Грозного. А Тридцатилетняя война, первая и вторая мировые войны и многие другие печальные и страшные события. Вам кажется, что наступает конец света? Его уже не раз предвещали и церковь, и знамения небесные (кометы, затмения), и всевозможные пророчества. За примерами далеко ходить не надо. "А лета, и времена, и дни кончаются, / а страшный суд готовится..." - читаем мы в "Киприановском часослове". То же в Новгородской летописи: "И понеже время последнее приходит и сокращено есть уже, конец житию приближается, и знамения яже в звездах являются: и се звезда, юже видехом ныне, необычныя и незнаваемыя звезды..."^. И природа разрушалась и переделывалась, а как иначе кормить и обогревать миллиарды людей, как развивать

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

промышленность? И болезни всегда сопутствовали человечеству - одна холера чего стоит! А семья... что ж, сегодня ей трудно. А когда было легко?

- Потому и боимся конца света,- возразит пессимист,- что отдельный человек бессилен перед обстоятельствами, ни своими поступками, ни действиями он не в состоянии изменить ход истории, повлиять на глобальные мировые события. Чаще всего и они не влияют на текущую жизнь каждого из нас, расписанную в социальном реестре от рождения до смерти: детсад, школа, работа, семья, определенное положение в обществе, пенсия...

^Плугин В.А. Мировоззрение Андрея Рублева.- М., 1974.- С. 32.

Размышления над жизнью рисуют нам парадоксальную картину: каждый отдельный человек вроде бы неплохой, никто вроде бы сознательно не творит зла (просто действует, исходя из своих вполне человеческих интересов), а жизнь не становится лучше, государства вооружаются, природа уничтожается, да и сам человек нередко погибает под бременем своих планов, целей, желаний, своей кипучей деятельности: выдержать ему самого себя, свой внутренний противоречивый мир, преодолеть свои страхи и сомнения трудно.

Жизнь предельно механистична: изо дня в день одни и те же события, люди, роли. В чем смысл всего этого? Наши отношения друг с другом поверхностны, формальны, наши желания для нас - самые важные в жизни, самое ценное для нас - мы. Но зачем мы-то сами? Находясь в гуще жизни, среди людей, дел, шума, мы боимся заглянуть в себя, обнаружить в душе пустоту, отсутствие смысла жизни. Когда же мы все-таки невольно сталкиваемся лицом к лицу с собой (во сне, пробуждаясь в страхе умереть), наваливается тоска, возникают мысли о своей никчемности, бессмысленности, заброшенности. Мы смотрим на себя в зеркало и видим чужое лицо, маску; глядим на людей и видим механические манекены, спящие на ходу. Спрашиваем себя: зачем вся эта кипучая жизнь? И не находим ответа. Боясь смерти, стараемся не думать о ней, стараемся жить несмотря ни на что. Мы делаем вид, что наша жизнь вечна, хотя в минуты честного осознания обнаруживаем, что уже умерли и не раз. Часто с болью и печалью мы замечаем, что лучшие чувства и богатство души - в прошлом, что в ней больше пепла, чем огня, больше рассудка и привычки, чем чувства и веры...

- Ну и ну! - может сказать читатель, здоровый душой и телом.- Какое болезненное восприятие действительности, какой пессимизм! Живите проще. Зачем искать какой-то особенный смысл или нагонять на себя страх и перед апокалипсисом, и перед собственной кончиной? Придет смерть, тогда и будем печалиться, зачем же заранее? Так ведь и жить нельзя.

Конечно, ни над чем не задумываясь, жить проще. Но что делать, если человеку дан разум, дар предвидения, если он озабочен качеством бытия, если не может просто течь, как вода, и расти, как тростник, если стремится к благополучию не только для себя, но и для других людей и своих детей?

Во всяком случае для меня несомненно, что семья не может быть здоровой, если вся наша культура переживает глубокий кризис. Нет, не все благополучно в нашем доме - в нашей куль-

туре и семье. В этой ситуации напрасно пытаться предсказать, какая модель семьи, брака, любви окажется наиболее оптимальной в ближайшем или отдаленном будущем. Представляется более целесообразным поговорить о некоторых ценностях той же семейной жизни, стратегии поведения в ней.

ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Случайно ли мы рядом со словами "вера" и "надежда" всегда ставим еще и "любовь"? Чем является для нас это чувство? Нужна ли любовь для семейной жизни?

Думаю, что нужна, как бы мы любовь ни понимали. Только позицию здесь нужно изменить на противоположную: не следует спрашивать, зачем мне любовь или существует ли она на самом деле. А если любовь есть, если я люблю, значит, живу, как человек, значит, со мной все более или менее в порядке. Любить можно (и нужно) не только супругов (не у всех они есть), но и детей, родителей, других людей, животных, природу. Уверен: именно любовь делает нас людьми, делает нас лучше, чище, укрепляет семью. А что конкретно каждый вкладывает в понятие "любовь" - дело его самоопределения.

Конечно, и без любви можно прожить, и есть люди, которым неведомо это чувство. Но мои наблюдения показывают: с такими людьми не все благополучно. Умны они нередко, и часто делают добрые дела, и все же в них чувствуется какой-то человеческий изъян: излишняя сухость, что ли, рационализм, механистичность.

Однажды в поезде я разговорился с пожилым человеком. Образован, всего в жизни достиг, имеет семью, взрослых детей и при этом никогда не любил. И вот он мне признался: "Со мной в последний месяц что-то произошло. Сын полюбил девушку, да как-то неразумно: совсем потерял голову, наделал кучу глупостей, говорит, что без нее не может жить. Сначала я его разубеждал, но потом вдруг почувствовал: говорю фальшиво, не верю своим же словам. И понял, что завидую сыну, что сам никогда на такое чувство не был способен, может быть, в моей жизни не было самого главного". Видно было, что человек, к концу своей

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жизни осознав это, страдает.

Теперь остановимся на вопросе более сложном: эгоизме супругов и связанных с ним амбициях и личных претензиях друг к другу.

Все мы личности. И действительно, от себя не уйдешь. Но если мы все же хотим жить лучше, если беспокоимся не только

о себе, но и о своих близких, если думаем (пусть хотя бы думаем), что любим их, то, вероятно, должны что-то с собой делать. Вначале, может быть, признать свой эгоизм и понять его природу, подумать о последствиях для любимого (любимой), детей. А там, глядишь, и сами тогда не захотим быть такими эгоистами. "От понимания до принимания,- писала Марина Цветаева,- не один шаг, а никакого: понять и есть принять, никакого другого понимания нет, всякое другое понимание - непонимание". В данном случае, понять свой эгоизм - значит разобраться в его сущности и захотеть с ним расстаться.

Хорошо бы еще нам научиться в семье отказываться хотя бы частично от своих любимых привычек и желаний, если они угнетают близких, разрушают семью. Почему отказываться, почему себя ограничивать? Опять же, чтобы остаться человеком или сделаться им. Много на эту тему размышлял А.П. Чехов. Герой его рассказа "Жена", умный, но эгоистичный человек, замучивший претензиями жену, уязвленный тем, что она его отвергает и занимается своим благотворительным делом, неожиданно для себя переживает нравственный переворот. Он находит в себе силы отказаться от претензий к жене, возвыситься над собственным самолюбием. В результате обретает спокойствие духа, достоинство, впервые ощущает себя свободным человеком.

Думается, наше время - время самовоспитания, в частности воспитания в человеке умения и способности ограничивать себя даже в высших проявлениях духа. В конце концов, всегда нужно задаваться вопросом: что для нас более важно и ценно - свобода, творчество, наслаждение бытием или сама жизнь, семейное благополучие, судьба детей?

"Легко это говорить,- слышу я возражение.- А если я не могу, не умею?". А попробуйте еще раз, и еще, и еще - в этом и будет ваше человеческое начало. К тому же известно: капля камень точит.

Теперь очередные вопросы. Что в семье можно, а чего нельзя, что в интимной жизни допустимо, а что нет? Можно ли, например, срывать свое раздражение на жене (муже) или детях? Где в интимных отношениях граница, отделяющая норму от патологии, и что здесь вообще может считаться нормой?

Кажется, где же еще, как не в семье, разрядиться, особенно после неприятностей на работе? Один мой знакомый на вопрос, зачем ему семья, ответил: "Как зачем? Кто же еще, кроме моей жены, станет терпеть все мои капризы? Дома я говорю все, что хочу... Ты бы послушал, что я иной раз говорю: сам пугаюсь,

себя не узнаю. Конечно, и жена не стесняется, иной раз у нас шум - как в итальянском фильме".

Однако как избежать конфликта или срыва в ответ на собственное раздражение? Да, свобода в интимных отношениях разнообразит любовные переживания, сохраняет их свежесть. Но где себя ограничить, чтобы интимные отношения не превратились в самоцель, в источник примитивных наслаждений, убивающих любовь?

В романе "Белые одежды" В. Дудинцев пишет: "Мужчины по природе своей получают от жизни больше, чем женщины. Многие и пользуются этим преимуществом на сто процентов. А настоящий мужчина должен подняться еще на одну ступень - к сверхпреимуществу. Оно состоит в том, чтобы время от времени отказывать себе, притом в существенном. Конечно, в пользу обойденного, но скрывающего обиду друга - женщины. Не скользить легкомысленно по лугу наслаждений".

Женщины, хоть, возможно, и реже, грешат тем же. Как-то моей жене жаловалась ее недавно вышедшая замуж подруга на то, что муж-де охладел к ней, поскольку любит ее не каждую ночь. Идеал здесь, возможно, в том, чтобы, любя, наслаждаясь, чувствовать душу любимого человека и не идти слишком далеко в поисках чего-то нового и необычного, если кому-то это неприятно. Это тоже возвышает в нас человека.

Распределение, передача энергии, как положительной, так и отрицательной, безусловно, важный момент во взаимоотношениях супругов. Легко свое плохое настроение передать жене или мужу, но как трудно дальше контролировать ситуацию! Вряд ли целесообразно в семье постоянно сдерживать себя (как это, например, принято в японской культуре, где супруги почти не говорят о своих переживаниях), но, вероятно, нужно принимать во внимание, как воспринимают нашу "разрядку" любимые, да и выбран ли подходящий для этого момент: могут ли они нас сейчас выслушать и посочувствовать? Могут ли из любви и уважения стерпеть нашу слабость? Итак, принцип один - быть взаимно внимательными и думать не только о себе.

То же самое - о свободе в интимных отношениях. Допустимо практически все, к чему готов ваш любимый (любимая), что не угнетает его, что укрепляет вашу общую любовь. Укрепляют же ее не столько наслаждения, сколько взаимное понимание, родственность, ощущение красоты и естественности, уверенность

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

друг в друге, любовь к детям.

Многим молодым людям кажется, что любовь - это сплошное наслаждение, непрерывное любование друг другом, и чем

ярче он (она), чем больше не похож на других, тем любовь сильнее. Нетрудно заметить, что в основе такой любви лежит удовлетворение собственных желаний, собственной претензии, что любовь здесь - ради престижа и успеха. В этом случае человеку трудно думать не только о себе; от любимого (любимой) он требует соответствия его ожиданиям. Если же любимый перестал соответствовать, если нет успеха, то и любовь начинает слабеть. При таком понимании любви человек всегда будет неудовлетворен, ему будет казаться, что у кого-то жена (муж) и красивее, и умнее, и ярче, и удачливее.

Близко к этим проблемам примыкает и весьма острый вопрос о том, как избежать в любви и семье обыденности, сохранить ощущение новизны, красоты, необычности, без которых, по убеждению многих, любви не существует. Можно ли что-либо возразить поэту, сказавшему: "Что вам дано, то не влечет"? Вопрос особенно актуален в наше время. Мода, искусство, телевидение, широкое общение, свобода нравов, эгоизм, тяжелый быт, монотонность городской жизни и многие другие факторы способствуют так называемой "знаковой усталости", убивающей любовь, превращающей в обыденность даже интимные отношения супругов.

Вряд ли на поставленный вопрос можно ответить удовлетворительно, но одно ясно: обыденности противостоят, во-первых, сама любовь, во-вторых, наш образ жизни, ее ценности, степень нашей духовности, богатство впечатлений, умение реализовать себя в семье. Чаще же люди, особенно в молодости, пытаются преодолеть обыденность, просто разнообразя развлечения. Организовав конвейер удовольствий и острых ощущений, они затем невольно становятся его рабами и жертвами. Убивается сама основа любви - ее тайна, необычность, самоценность, духовность. Становясь средством развлечения и удовольствия, любовь превращается в секс, а интимные переживания стремительно идут к насыщению и пресыщению. Короче: любить - дело непростое.

Несколько слов о культуре супружеских взаимоотношений. Берн в книге "Игры взрослых" приводит такой пример. Муж пришел домой и видит, что в квартире не вытерта пыль. Нетрудно предвидеть реакцию, так сказать, "среднего" мужа, он выдает тираду вроде такой: "Целый день работаешь, устаешь, как вол, а приходишь домой - и тут непорядок". Далее понятно, как поведет себя жена. Повысив голос до крика, а то и со слезами на глазах она ответит: "А я что, не работаю?! Ты вот пришел с работы, надел тапочки, поел, уселся перед телевизором и смотришь

свой хоккей, а мне до двенадцати часов не разгрести. Взял бы тряпку и вытер эту самую пыль, небось руки не отвалятся...".

У Берна муж повел себя совершенно иначе: он подошел к журнальному столику и на его пыльной поверхности написал пальцем: "Дорогая, я люблю тебя". Во-первых, он еще раз жене в любви объяснился (как известно, это никогда не помешает), а во-вторых, все же очень тактично намекнул, что не худо бы вытереть пыль. Не думаю, что его жена при таком обращении обиделась бы; в худшем случае она могла бы написать в ответ и тоже пальцем что-нибудь вроде: "Дорогой, и я тебя люблю, но хорошо бы нанять прислугу, я не успеваю управляться с хозяйством".

К сожалению, и это нужно признать, мы в семье редко щадим чувства и самолюбие друг друга, не умеем тактично вести спор, отстаивать свою позицию, не обижая, выходить из ссоры, идти на компромиссы. Компромисс, с моей точки зрения, вовсе не слабость, не сдача позиций "врагу", а великое завоевание культуры. Человек, идущий на компромисс, человек культурный, он может и свои интересы соблюсти, и чужие. Только на основе компромисса в современной семье возможны согласие, диалог, культура взаимоотношений. Сегодня эта культура сводится вовсе не к дворянскому этикету (мы по-французски не говорим и манерами не блещем), а к уважению личности любимого человека и детей. Если мы думаем прежде всего о них, а потом о себе, живем в первую очередь их проблемами и заботами, то, уверен, и культура взаимоотношений будет на высоте. В противном же случае ее не будет никогда. Если на первом месте не мы, а они, наши любимые, тогда и ссору легче прекратить, и мы не станем во всех случаях считать виноватым только другую сторону, а, как это порой ни трудно, возьмем часть вины на себя.

Хотелось бы остановиться на такой вот проблеме: как быть, когда убеждаешься, что любимая (или любимый) вовсе не такая, какой бы ее хотелось видеть или какой мы ее представляли вначале?

Можно, конечно, попытаться ее переделать. Но, как правило, это не удается. А нередко, как выясняется, и она уже пытается переделать нас самих. В результате - ссоры и конфликты, коса на камень, семья под угрозой разрушения. Думаешь: "Можно, конечно, и уступить, но что делать со своей натурой? Вроде как наступил ногой на горло собственной песне...".

Простых рецептов здесь нет. Надо сказать, современная семейная жизнь требует определенного ума, вдумчивости, заботы. Если мы живем просто так, как жизнь сложилась, куда она нас

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

увлекла, вряд ли получится что-нибудь путное. Вспоминается в связи с этим кинофильм "Случай из жизни Потапова". Кажется, оба брата Потаповы - интересные, творческие, одухотворенные люди. Однако каждый по-своему терпит фиаско в семейной жизни. Почему? Один слишком погружен в дело, фанатично ему предан (для жены у него времени просто не остается), другой слишком слаб, влюблен, порядочен, с ним современной женщине и пресно, и скучно. По сути, оба они инфантильны в прозе сложных супружеских взаимоотношений, а их жены эгоцентричны и безоглядны в своих желаниях и увлечениях.

Но как все же поступать, если она (он) оказалась "не такой"? Прежде всего не считать это ненормальным, лучше подумать, что, возможно, и я выгляжу в ее глазах так же, как она в моих, и постараться выработать соответствующую линию поведения. Она может быть разной, но во всех случаях должна учитывать желания вашей любимой, гарантировать для нее и уважение, и свободу. Все здесь годится: и объяснение своих проблем, и попытка убедить ее (его) в чем-то, и компромисс, особенно компромисс. Главное же - понимать: неподтверждение наших ожиданий в этой области - вещь естественная, почти закономерная, преодоление его предполагает как работу над собой, причем иногда в течение всей жизни (например, переосмысление своих представлений о любви и любимой или отказ от каких-то собственных претензий), так и совместные супружеские усилия в этом направлении. Царских дорог в семейной жизни нет.

МОЖНО ЛИ ПОСТРОИТЬ СОВРЕМЕННУЮ СЕМЬЮ НА ЛЮБВИ?

- И все-таки вы меня не убедили,- слышу я голос пессимиста.- Точнее, убедили в обратном: что лучше жить одному, чем в семье. Вы описали обстоятельства, препятствующие нормальной жизни в семье, указали на такое количество проблем, что резонно возникает вопрос: а к чему все эти муки? С женщинами можно встречаться и не заходя в загс, детей и так можно иметь, растить их может государство или мать, что все чаще имеет место, а жить все же лучше одному.

Кстати, к этому выводу, как показывает статистика, приходит все больше мужчин и женщин, причем последние даже чаще. Как известно, число одиноких мужчин и женщин, и побывавших и не находившихся в браке, растет. Не является ли се-

мья социальным институтом, исторически себя изживающим? Не должен ли ей на смену прийти другой институт - свободных, плавающих отношений между мужчинами и женщинами, временных, условных союзов и сожительств?

Ну что на это ответить скептику? Противопоставить веру в об-

ратное - явно недостаточно. Подбирая аргументы, я вспомнил о социальном психологе (его речи на семинаре звучали вполне убедительно) и поэтому пригласил его в гости - обсудить высказанную точку зрения. Социальный психолог любезно откликнулся.

- Давайте поступим так,- сказал он,- я буду убеждать вас, что семья ныне так же необходима, как и вчера, а вы будете мне возражать. Начну со следующего тезиса: одному человеку жить плохо; ну тоска, одиночество, растет эгоцентризм, возникают странности в характере... Согласны?

- Положим, вы правы,- сказал я,- но в семье человеку иной раз бывает еще хуже. К тому же мы уже косвенно обсуждали этот вопрос. Помните, мы говорили, что в современной семье человек нередко одинок, эгоистичен, да и странностей много у семейных людей, особенно в городе.

- Ладно, один ноль в вашу пользу,- согласился социальный психолог.- Теперь рассмотрим такой вопрос: что дает семья современному человеку? Начну перечислять, следите внимательно.

Во-первых, нормальную жизнь в плане его социального статуса, положения в обществе, жизненных перспектив; он семьянин, с ним все ясно, его в этой роли уважают и поддерживают.

Во-вторых, обеспечена и упорядочена его интимная жизнь, он спокоен, не озабочен сексуально, здоров телом и духом.

В-третьих, в семье человек общается с близкими, понимающими его людьми, что немаловажно для современной жизни.

В-четвертых, он имеет или надеется иметь детей и, следовательно, одной ногой уже стоит в вечности, отчасти приобщается к бессмертию. Пусть сам он, когда придет срок, умрет, но его дети и дети его детей будут продолжать его род.

В-пятых, в семье жить легче: вместе воспитывать детей, вести хозяйство, справляться с трудностями.

В-шестых, только в семье можно пережить такие чувства, как благодарность жене (мужу), ответственность за будущее детей, настоящую родственность и ряд других.

В-седьмых, именно семья - наша опора в старости, ведь, как известно, старому человеку не меньше, чем молодому, начинающему жизнь, нужны помощь, любовь, поддержка. Да и умирать в семье, думаю, значительно легче, чем одному.

Ну как, вы согласны?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Немного подумав, я стал возражать:

- Статус семейного человека, конечно, уважаем, но и одинокие люди не отвергаются и не третируются обществом. К тому же они часто больше отдают себя делу, больше вникают в общественные заботы. А мало ли у нас в семьях пьяниц или бездельников, их никто не уважает несмотря на семью и детей. Это раз.

Теперь упорядоченность и обеспеченность в семье интимной жизни. Так ли это? А знаковая усталость, о которой тут говорили, а отношения супругов на стороне (их, к сожалению, немало, особенно в больших городах), а большой процент импотенции у мужчин и немалый процент фригидности у женщин... Потому и тянемся так к сексу, а не к любви. Все-таки какое-то разнообразие, острота чувств. Потому и смотрим эротические фильмы. Я бы на вашем месте не стал отстаивать этот тезис - он сомнителен. Это два.

Общение в семье? Вот уж смешно! Через год вы знаете все, что может сказать вам супруг, даже в каких выражениях скажет и какое ухо при этом почешет. Значительно интереснее общаться с друзьями, на работе, в клубе. Там действительно настоящее общение, а в семье - так, игра, делаем вид, что общаемся. Я тебя за столом выслушаю, ты меня. Ритуал. Это три.

Теперь четыре. Еще проще. Детей можно иметь и без семьи, и даже любить их можно и воспитывать, не имея семьи. Сегодня статус приходящего папы (реже - мамы) вполне признан в обществе. Что же касается бессмертия, то ведь оно не обязательно через детей, можно после себя оставить еще что-нибудь - дела, мысли, добрую память, книги, машины; мало ли мы помним не имевших ни семьи, ни детей великих людей! Тут главное - захотеть и постараться попасть в историю.

В-пятых, смотря с кем живешь. С другим в семье жить значительно сложнее, чем одному. Прямо каторга. Недаром многие наши женщины то ли в шутку, то ли всерьез говорят, что от мужчин одни проблемы: и накорми их, и обстирай, и обласкай, а от самих мужчин - что с козла молока. Ну, чтобы завести ребенка, они еще нужны, а воспитывать его легче одной, никто не мешает. Правда, такие сентенции могут быть и вынужденными, но доля истины в них все же есть.

Согласен с вами, что в семье человек может пережить и благодарность, и ответственность, но зато он не свободен. Свобода же дает человеку такой простор деятельности и творчества, такие переживания и чувства! Уверен, более богатые, чем в семье. Это в-шестых.

Наконец, конечно, в старости иметь семью хорошо, тут трудно что-нибудь возразить. Но и в этом случае все не так одно-

значно: одновременно супруги не умирают, дети сегодня черствые, занятые своими делами и заботами. И какая старость - во многом зависит от здоровья и достатка. Однако согласен, такая проблема есть. Тем не менее стоит ли ради перспективы отдаленной одинокой старости терпеть семейные неурядицы, жить в семейном аду?

- Два ноль в вашу пользу,- смеется социальный психолог.- Но я вас сейчас наукой подавлю. Меня устраивает, что вы фактически приняли все семь функций семьи (заметьте, семь - священное число). Важно, что в семье эти семь функций реализуются сразу, а вне семьи они действуют порознь. Общаетесь вы обычно с одними людьми, а живете с другими; дети у вас от одной женщины, а понимает вас другая и т.д. Согласны?

- Пожалуй, да,- ответил я,- но что из того?

- Хорошо. Итак, все семь функций,- продолжает социальный психолог,- реализуются сразу, а это очень важно. Вы спрашиваете почему? Попробую объяснить. Но сначала несколько слов о том, как устроена наша психика.

Исследования психологов показывают, что в ней есть как бы два этажа: на первом осуществляются желания, потребности, для реализации которых есть возможности и условия, на втором - те, которые по разным причинам не могли быть реализованы в первом этаже. В последнем случае желания человека, как говорят психологи, блокируются и уходят на второй этаж психики, где и реализуются, но в других условиях (чаще всего человек не осознает этого). Вы спрашиваете, как они там реализуются и что это за этаж? Отвечаю, это те области нашей психики, в которых могут создаваться и образы, и что-то вроде переживаний, причем более свободно, чем в обычной деятельности. Конкретно - это наши сновидения, эстетические переживания, процессы общения, размышлений о своей жизни и т.п. Оказывается, во всех этих случаях помимо основной деятельности (сна, эстетических переживаний, общения, размышлений) незаметно для самого человека осуществляются его блокированные желания. Вы сомневаетесь, что это необходимо? Не только необходимо, это условие сохранения человеком его психики, здоровья и работоспособности. Если, например, человеку не дают видеть сновидения, будят его, как только он начинает видеть сон (подобные эксперименты проводились в Европе и Японии), то он быстро устает, становится суетливым, раздражительным, затем вхо-

дит в фазу устойчивых галлюцинаций и, наконец, оказывается на грани тяжелого психического расстройства.

Что же я утверждаю относительно семьи? А то, что в современной культуре семья является одним из главных каналов реа-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лизации желаний личности, а также осуществления блокированных желаний. Накладываясь друг на друга, указанные выше семь функций семьи создают условия, своеобразную психоэкологическую среду, позволяющие современной личности не только осуществить свои текущие желания и более отдаленные устремления, т.е. скрипты, о которых говорил журналист, но и изжить прежде всего в форме общения свои блокированные желания и связанные с ними напряженные состояния психики. И что интересно - в этом процессе важную роль играет любовь.

С точки зрения рассмотренной здесь теории любовь - это особая реальность, позволяющая личности эффективно претворять в жизнь как свои скрипты (представления о жизненном пути, своем назначении, красоте, благе и т.д.), так и желания сферы интимной жизни. Причем если некоторые из них не удается по разным причинам реализовать в семье, здесь человек может осуществить эти нереализованные желания, или общаясь с близкими, или передавая им свое настроение. Таким образом, семья и любовь позволяют личности и реализовать себя, и осуществить в особой форме блокированные желания. В этом смысле семья является нашим вторым Я.

Изложенные здесь представления позволяют по-новому взглянуть на многие явления, о которых мы с вами говорили. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Почему в юности мы так настраиваемся на любовь и определенный образ любимой? Очевидно, у нас под влиянием культуры формируется особая реальность, назовем ее условно романтической. По мере того как она формируется, а объект нашей влюбленности еще не обретен, не открыт, у нас накапливается все больше блокированных, нереализуемых желаний. С появлением любимой (любимого) наши желания начинают бурно осуществляться, т.е. реализуются события и сценарии романтической реальности.

А почему нередко в молодой семье начинаются разочарования и конфликты, чувства ослабевают? Дело в том, что помимо романтической реальности у человека сформированы и многие другие: например, представления о семейной жизни, о добре и зле, о том, что следует, а чего не следует делать, и т.д. Если романтическая реальность не согласована с остальными

реальностями личности (а в наше время чаще всего так и бывает), то происходит взаимная блокировка желаний, они не реализуются. К чему это ведет - понятно. Развитие такого процесса может зайти так далеко, что исходная, романтическая реальность или ее конкретное воплощение в данном образе любимой распадается, разрушается. Это и есть феномен умирания любви.

В одной из своих книг М. Зощенко описывает любопытный случай. Он был влюблен в очень красивую замужнюю женщину, у которой было много поклонников. Однажды к Зощенко пришел ее муж и сказал примерно следующее: "А знаете ли вы, что все наиболее горячие поклонники моей жены кончили плохо: один застрелился, с другим произошло такое-то несчастье, с третьим - такое-то, вы на очереди". Но несчастья не произошло. Зощенко по какой-то причине расстался с женщиной. Когда через несколько лет они встретились, то Зощенко был поражен: женщина была такая же красивая, как и прежде, однако души в ней уже не было, огонь, так привлекавший когда-то мужчин, совершенно погас. Отвечая на вопрос, что с ней произошло, она рассказала такую историю. "Однажды я задумалась: почему все, кто меня любят, погибают, почему моя любовь приносит только несчастье? Эта мысль настолько меня поразила и измучила, что в конце концов я стала неспособной больше любить вообще".

Конечно, это крайний случай развития событий, но логика здесь сходная: романтическая реальность была парализована реальностью нравственных переживаний, а та в свою очередь романтической. Взаимная блокировка желаний привела к тому, что романтическая реальность распалась, любовь умерла.

Примерно так же, в том же ключе, можно объяснить и многие другие явления любви, брака и семейной жизни, в частности теорию скриптов. Ведь скрипт - это не что иное, как особая реальность, события которой мы осуществляем в течение всей семейной жизни.

Кстати, эти представления заставляют нас усомниться в том, что главный способ супружеского поведения в семье основан на соображениях разума, рассудка. Внешне мы, конечно, всегда находим разумные основания для своего поведения: она (он) неправильно себя ведет, обстоятельства заставляют нас делать то-то, я прав, а она нет. Но что нами руководит на самом деле? Чаще всего вовсе не разум. В борьбе разных реальностей (моих желаний, привычек, телесной натуры, страхов или претензий личности и т.п.) нередко побеждает не разумное начало, а, скажем, телесное или эгоистическое. Именно оно, реализуя себя,

фактически диктует нам, задает характер нашего поведения, но в форме вроде бы разумной. Как правило, реальность, победившая другие, реализуется не в своем истинном обличье, она рядится в другие одежды, выступает от лица разумного начала. Но если это так, то относиться к своей любимой или любимому, да и к самому себе только как к разумному человеку нельзя. Есть в нас, конечно, и разум, но есть и много чего другого: скрытые желания, страсти нашей натуры, противоречивые потребности, претензии нашей личности и т.п. Увидеть и понять реальные слабости супруга (впрочем, не всегда это слабости), признать их

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

естественность (что не отрицает трезвой их оценки) - большое дело в семейной жизни. Однако вернемся к выдвинутому тезису: семья - второе Я человека, поскольку она обеспечивает реализацию всех, в том числе блокированных желаний его личности. Ну что, убедил я вас? Что вы можете возразить?

- А вот что,- сказал я.- Теоретически всегда все получается. Но вспомним пословицу: "Было гладко на бумаге, да забыли про овраги". Пока речь идет о функциях семьи, все хорошо, пока вы говорите о любви вообще, тоже нет вопросов. Но о какой любви можно толковать в данном случае? Мы ведь уже поняли, что идеалов любви существует много, а функции семьи - это еще не семья. Вспомните полемику наших социологов Ю. Давыдова и А. Вишневского. Оба, говоря о любви, совсем по-разному понимают ее. Мне же сейчас в голову пришла странная мысль, а можно ли вообще построить современную семью на любви?

Конечно, в семье любовь случается, не без того, но именно "случается". Случай, случайность... А, как правило, любовь - это одно, семейная жизнь - другое. И дело вовсе не в том, какая это любовь - романтическая, супружеская, с расчетом или нет, американский или русский ее вариант,- все это частности. Дело в том, что любовь и семья в принципе несовместимы. Почему? Да потому, что любовь - это действительно всегда в какой-то мере идеализация, возвышение жизни, а семья - быт, будни, конфликты, непонимание, заботы - ее снижение. В любви наша натура на свободе, ее влечет некая сила, любить сердцу не прикажешь. В семье же, напротив, мы подчиняемся необходимости, ориентируемся не на сердце, а на рассудок, разум. Но ведь, как известно, сердце и рассудок, разум (голова) у человека не в ладах.

Ваши семь функций семьи плюс эгоизм современных супругов, плюс проблемы воспитания детей, плюс тяжелый быт, плюс весь наш образ жизни, уверен, в состоянии разрушить любую идеализацию, убить любое влечение сердца. Я, конечно, могу

для игры принять ваш тезис о семье, основанной на любви, но вы покажите, что такое возможно, и не в виде исключения, а возможно принципиально, так сказать, по природе явлений...

Социальный психолог на этот раз долго молчал. Потом произнес:

- Вы меня отбросили на исходные позиции. Я думал, что иду с козырей, как-никак - наука, а вы ей противопоставили здравый смысл, и трудно сразу что-нибудь возразить. Однако, как говорится, назвался груздем - полезай в кузов, придется на ходу доказывать, что любовь и семья не только могут ужиться друг с другом, но что в их союзе - спасение в будущем человека и культуры.

Я не случайно говорю в будущем: во-первых, будущее начинается сегодня, во-вторых, в настоящем, может быть, вы правы, семья и любовь уживаются плохо. Но даже и сегодня, уверен, семья не может существовать без идеализации, возвышения, свободы, т.е. всего того, что вы связываете с любовью. Другое дело, что все эти моменты в нашей жизни отодвинуты на второй план, неартикулированы. В будущем же они выйдут на первый план, пусть не в каждой семье, но в большинстве.

Вижу на вашем лице недоумение и вопрос: каким образом? Все идет как раз в противоположную сторону.

Да, пока еще маятник истории движется в противоположную сторону. Но думаю, скоро он остановится, замрет и начнется движение вперед, к новой культуре, к новой цивилизации, новой жизни и новой семье. Уже сегодня, как вы сами говорили, кризис культуры углубляется, отрицательные последствия нашей деятельности лавинообразно множатся; человек не выдерживает и физически и психически, не выдерживает и природа.

Шестидесятник философ Г. Батищев писал, что человек становится губителем природы не потому, что он слишком далеко ушел от нее, не потому, что сделался чрезмерно внеприродной, далекой от естественности и простоты, самодеятельной и самопрогрессирующей силой, но как раз напротив, потому, что он в пределах некоторых специфических отношений ведет себя аналогично безответственно грубой природоподобной стихии.

Еще немного, и человек осознает: дальше так жить нельзя, нужно от чего-то отказаться, кардинально изменить свою жизнь. Когда я говорю "еще немного", это не следует понимать буквально. Речь идет об очень сложном процессе: нужно сменить ценности, указать другие цели развития и жизни, переключить усилия человечества на новые задачи (не только комфорт, власть,

успех, изобилие и т.п., но и уверенность в завтрашнем дне, в здоровье, а также снижение во всем мире конфликтов, власти зла, эгоизма, восстановление разрушенной природы и пр.).

В этом месте я поднял руку и, когда мой оппонент умолк, сказал:

- Извините, что я вас перебиваю, но как быть с человеческой природой? Может наступить кризис, причем глубокий, но мало кто из людей в состоянии изменить свой образ жизни, как вы говорите, кардинально. Каждый рассуждает примерно так: "От меня одного ничего не зависит. Кроме того, почему я стану от чего-то отказываться, что-то менять, а все остальные нет? К тому же хорошо тем, кто уже насытился комфортом, успехом, властью, а я их

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

еще даже не попробовал. Вот когда я всем этим пресыщусь, тогда посмотрим". И так рассуждает вся молодежь, большинство людей в нашей и в развивающихся странах, т.е. все те, кто к этой культуре, которую вы так легко хороните, только приобщается.

- Вы правы,- ответил социальный психолог,- однако вы забываете и Чернобыль, и экологический кризис, и горы, монбланы оружия, и СПИД, и рак, и рост психических заболеваний, и многое другое. Думаю, лет через 20-30 никто, подчеркиваю, никто уже не сможет рассуждать по той схеме, какую вы здесь довольно точно воспроизвели. Кстати, существуют и исторические параллели. Казалось, что Римской Империи не будет конца; и с точки зрения ее многовековой истории представления ранних христиан выглядели не менее наивными, чем сегодня идеи альтернативной культуры "зеленых". Но будущее оказалось не за рафинированной многоопытной античностью, а именно за христианством. Причем начался глобальный процесс культурных преобразований, как известно, не от государства, а от человека.

Христианские подвижники отказывались от привычных ценностей античного общества - богатства, власти, престижа римского гражданина и иных реалий в пользу идей христианского учения. Эти люди не только проповедовали новое учение, но и шли на лишения, подвергались осмеянию и поруганию, не боялись даже смерти на кресте. Так неужели, если будут гибнуть жизнь на земле, твои близкие и родные, твои дети и внуки, не появятся новые подвижники и мы не откажемся от многого ради будущего, ради жизни?

Конечно, речь идет не о новом христианстве. Но один момент может повториться, естественно, в другой форме, по-иному. Эпоха преимущественного развития отдельной личности может смениться эпохой развития нового общества, где человек перестает

"якать" (Я - центр мира, Я - неповторимая личность, мои интересы прежде всего, с моей смертью заканчивается все на свете). Он научится соотносить свои интересы с интересами близких и всего общества в большей степени, чем он делает это сейчас, подчинит свою жизнь интересам даже не государства, а самой жизни, культуры. Возникнет новая соборность, новая нравственность, включающая в себя и самого человека, и культуру, и природу. Цитированный уже здесь Георгий Гачев писал, что волей самого своего исторического развития человечество подведено к тому, чтобы преодолеть гуманитарный эгоизм, когда человек объявлен самоцелью общества и природы. Ибо либо мы станем способны считаться с природой, целым бытия, с другими сожителями, соседями по космосу (с водой, воздухом, деревьями, антилопами) как нравственными личностями, не оскорбляя их прерогатив в бытии, полагая в них самость и субъективность, сущность (а не только субстанцию и пассивную материю и объ-

ективную реальность), либо сами сгорим в геенне огненной своей тупой гордыни и в чаду чванства задохнемся.

Не более, не менее. Кто здесь мы? И я и вы. Что значит либо-либо? А то, что мы должны не просто понять или поверить, а совершить поступок, изменить свою жизнь, начать соотносить ее, как говорит Гачев, с водой, антилопами, космосом. Однако прежде всего, сказал бы я, с совокупной жизнью Человечества, с социумом. Что это такое? Не просто люди, культура, страны, а живое существо, некий тонкий сверхорганизм, самочувствие которого зависит от того, как мы живем - я и вы. Вы говорите, что это какая-то мистика. Где это я вижу живое существо? А ноосфера, а народ, а человечество? Это не абстрактные понятия, а именно живые существа, личности, как говорит Гачев, причем мы с ними сиамские близнецы, самочувствие и кровообращение у нас одно, общее.

Если сегодня мы игнорируем своих сиамских собратьев, убиваем их, а следовательно, и себя (наша жизнь, по мнению многих философов,- чистое самоубийство), то завтра, и оно не за горами, мы придем к выводу, что главное - вовсе не наш комфорт, интересная жизнь, гора вещей, развлечения, а здоровье и самочувствие социума, космоса, природы. Главное - сохранение жизни Человечества и придание эволюции безопасного характера, а какой при этом будет прогресс - дело даже не второстепенное - третьестепенное, вопрос вообще не важный.

Я почти уверен: уже сегодня пробиваются ростки новой духовности, нравственности, мироощущения, из которых вырас-

тет новое древо жизни, новая культура. Но пока они существуют лишь как идеал, замысел, как скрытая, дремлющая почка, как всеобщая жизненная необходимость. Тем не менее уже сегодня за ними проглядывают новая идеальность, духовность, новые ценности. Так вот, я утверждаю следующее: человек будущего, семья будущего будут строиться как мир идеального, мир, включающий в себя и социум, и космос.

Однако я увлекся, а вы, я вижу, уже давно хотите что-то сказать.

- Да, хочу. Почему бы вам не заменить слова "социум", "космос", "природа" одним словом - "Бог" и не сказать, что нам не обойтись в будущем без религии, а семья должна строиться на религиозных началах?

- А потому,- отвечал социальный психолог,- что социум - это не Бог; хотя это живое существо, оно не произвело на свет мир и людей, не творит чудеса и не имеет мистической первоосновы. Если здесь и можно говорить о мистическом начале,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

то им является сама жизнь людей, их социальность, язык, эволюция. Потому и не религия, что человек не ждет от социума спасения и блаженства за гробом или в этой жизни, а сам его спасает, спасая одновременно самого себя. Я настаиваю лишь на духовности, идеальности бытия человека именно в отношении социума как необходимых условиях нашего с вами здоровья, сохранения человеческой жизни, безопасной эволюции. Если же вы хотите назвать это религией, религиозным отношением,- дело ваше, однако для меня это совсем другое, скорее - смысл жизни, суть человечности, духовности, идеал будущей жизни.

Но вернемся к семье. Что я утверждал? То, что в идеальной семье, пусть будет такое понятие, все отношения должны быть пронизаны новыми духовными отношениями. Во взаимоотношениях супругов хотелось бы видеть первичную клеточку, монаду социума. Каковы наши взаимоотношения, таков и социум; если мы не научимся жить и любить в семье, то не сможем жить и в социуме с другими людьми. В супружеской любви хотелось бы видеть пример всеобщей любви к человеку, но воплощенной в близости к данному конкретному человеку, в детях - вечное условие жизни социума, в жене - его женственную сущность, в муже - другой полюс и т.д.

Короче, вся семейная жизнь и любовь в семье должны быть одухотворены, идеализированы, но не для абстрактных мистических целей, а для сохранения нашей жизни, ее оздоровления, для придания человеческой эволюции безопасного развития.

- Не получится ли так, как в Домострое, только на новой, ноосферной основе? - возразил я в паузе.- Не могу по случаю не вспомнить Иоанна Златоуста. Он писал, что ничто так не укрепляет нашу жизнь, как любовь мужа и жены. Бог положил мужу и жене как основания их счастья взаимную любовь и заботливость, указав каждому подобающую область: ему - начальство и попечение, а ей - повиновение. У вас тоже: социум требует от супругов любви, уважения, того, сего. А где же сам человек - живой, теплый, с характером, с присущими ему противоречиями, эгоистической личностью, с идеалами романтической любви? Что, это все исчезнет, как по мановению волшебной палочки?

- Понимаю,- отвечал социальный психолог,- вы меня обвиняете в утопизме, в оторванности от реальной жизни. Но я рисую всего лишь идеал, понимая, что от замысла до реализации идеала - большой путь. Сценарий здесь мыслится такой. Начинается все с романтической влюбленности, с увлечения и страсти. На этой волне молодые люди сходятся, узнают друг друга, вступают в брак. На этой же волне они неожиданно для себя проходят первые испытания - бытом, характером, обыденностью. Другими словами, наступает кризис молодой семьи. Впрочем, воз-

можен и другой, более рациональный старт, о котором пишет А. Вишневский. Он считает, что новейшая трансформация супружества сопровождается выработкой и укреплением позитивных ценностей, в частности таких, как единство интимности и автономии супружеских отношений. Достижение такого единства - сложный процесс, начало которого относится к периоду, предшествующему созданию брака. Необходимо, говорит Вишневский, пройти через сито ухаживания и рациональный выбор супруга, а затем через разные периоды адаптации к совместной жизни. На всех этих этапах любовное чувство выступает очень важным, но не единственным компонентом формирования общего тонуса супружества. Ведущей адаптационной осью брака является поиск общих супружеских ценностей и потребностей.

Тем не менее уверен, что и в этом случае кризис молодой семьи неизбежен. Но кризис - это всего лишь беда, а не катастрофа. Кризис даже полезен, если он заставит задуматься супругов, отрефлексировать свою жизнь, меняться, искать выход и действительно его найти.

Дальнейший сценарий таков: романтическая любовь начинает критически осмысливаться и трансформироваться в другое, более глубокое чувство. Это новое чувство - тоже любовь, но лю-

бовь, претерпевшая существенные метаморфозы под влиянием развития самой личности супругов. Идеализация прекрасного мира (он прекрасен, она прекрасна, дети прекрасны) постепенно сменяется идеализацией семьи как монады социума. Социум тоже прекрасен, а через него и семья, но не красотой, сотворенной (искусной) или божественной, а красотой, полнотой, безопасностью жизни человечества, его истории, его будущего, пониманием того, что жизнь человечества есть одновременно и моя жизнь, и жизнь моей семьи. Страсть к любимому (любимой, детям) углубляется и одновременно видоизменяется в результате того, что этот поток чувств сливается с более широким и глубоким потоком - влечением к социуму, борьбой за него, сохранением его, подчинением ему и т.п. Муж, жена, дети - это теперь не просто члены моей семьи, а невидимая основа человеческой жизни. Страсть к любимому теперь питается из более обширного, как сказали бы философы XIX века, трансцендентального источника. И тем не менее это будет страсть, любовь именно к мужу, жене, детям. В семье человечество выступает вовсе не в абстрактном виде, не как Святой дух, а в лице мужа, жены, детей.

Такова диалектика социальной жизни в семье. Человечество и индивид совпадают (должны совпадать).

Таким образом, пройдя кризис и переосмысление, романтическая любовь в молодой семье должна умереть, чтобы на ее основе и волне возникла любовь супружеская.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

- Но не слишком ли вы многого хотите от одного человека: жить одновременно с женой и социумом, мужем и человечеством? - спросил я.- Если же быть серьезным, то разве человек способен произвести такое переосмысление, так расширить горизонты своего сознания, чтобы соотносить свою жизнь с жизнью всего человечества?

- Да, конечно,- отвечал социальный психолог.- Современный человек на это мало способен. Но ведь речь идет о будущем и вовсе не столь уж отдаленном. Я даже самонадеянно назвал бы сроки: 50, ну от силы 100 лет. Далее речь идет об осознании каждым человеком глубокого кризиса нашей культуры и жизни, осознании невозможности жить по-старому и старым. К идее ограничения своих эгоизма и желаний, разрушающих жизнь и природу, к мысли о необходимости соотносить свою жизнь с жизнью других людей, животных, воды и воздуха каждый человек будет приходить по-своему, но придет обязательно, рано или поздно. Человек начнет меняться и кардинально. Особенностью этого нового человека будет желание постоянно работать над своей

жизнью, сознательно к ней относиться. Пока еще мы можем жить просто так, по инерции, по привычке: как заведено, как сложилось, считая, что наша жизнь от нас не зависит, и т.п. Но это пока. В будущем же необходимым условием всякой жизни на земле, в том числе и семейной, станет работа над собой, соединение индивидуального бытия с семейным, семейного бытия с общим бытием социума. Собственно говоря, семья сможет преодолеть кризис, когда сольются в один три потока - работа над собой, над своим совершенствованием, работа в семье ради своих близких и работа в социуме ради его сохранения и придания эволюции безопасного характера. Но я уже, кажется, повторяюсь... Надеюсь, моя мысль ясна?

- Конечно,- сказал я.- Однако это всего лишь прогноз, а прогнозы, как известно, часто не сбываются. Кроме того, вы все же говорили очень общо. Вряд ли эволюция человечества однозначна; вполне допустимо, что в будущем в культуре одновременно смогут сосуществовать разные модели жизни и разные типы семей. Почему бы не предположить, что выживут и окрепнут все типы семей, возникшие в последние два-три столетия?

- Очень сомнительно,- подумав, сказал мой собеседник.- Ведь как я уже говорил, речь идет о весьма драматическом периоде существования цивилизации. Без новой соборности духа, без отказа от части нашей свободы (не политической, она, напротив, должна расцветать, а в сфере личных желаний и действий), без кардинальной смены ценностей и ориентиров общественного развития человечество, на мой взгляд, не выживет. Я же уверен, оно выживет, следовательно, будут происходить и те

процессы, о которых мы здесь говорили. Другое дело, как конкретно в разных странах будет произрастать новая жизнь, складываться новая семья. Уверен, здесь возможны и многообразие, и разные модели, но это уже дело не наше, а людей будущего.

Однако ради истины я готов допустить и другой сценарий, хотя лично в него не очень верю.

Любовь, как известно, не только хрупкий цветок, но и с исторической точки зрения весьма юный. Быть может, в будущем его место займут другие "растения", пусть не столь экзотические и привлекательные, но, скажем, более жизненные и полезные. Одно дело - влечение полов, семья, брак, другое - любовь. Ну не удалось их скрестить, не выросло на их основе плодоносящее древо жизни - не беда. Мало ли что в истории человечества было, а затем безвозвратно кануло в вечность! Тогда вы правы, любовь и семья несовместимы, более того, в будущем

обществе места для любви не найдется, уж больно много от нее хлопот. В этом случае четверостишие М. Цветаевой будет без последней строчки:

И если сердце, разрываясь,
Без лекаря снимает швы,-
Знай, что от сердца - голова есть...

Однако, повторяю, лично меня такая перспектива мало устраивает. Просто как человек я говорю: мои симпатии на стороне семьи, основанной на любви, и как человек я буду стараться способствовать именно такой возможности развития культуры и человечества. Не запрещая, однако, вам лично способствовать другой возможности. Как говорится, история нас рассудит или просто разведет в разные стороны, или, может быть, соединит на какой-то неожиданной почве. В том-то и прелесть будущего, что оно неизвестно и неожиданно. Тем не менее как ученый я обязан был это будущее определить. Но, кажется, я полностью исчерпал все свои аргументы от науки. Убедил ли я вас?

Ну что я мог возразить науке, тем более что сам верил и в семью, и в любовь, и в их будущее. Кивнув головой, я сказал:

- Ваши соображения достаточно интересны, но вряд ли с ними согласятся скептики, которые живут вне семьи и не верят ни в науку, ни в любовь.

- Конечно,- сказал социальный психолог,- едва ли можно убедить в чем-нибудь скептиков, но есть жизнь, а она еще не сказала последнее слово. Будущее за практикой жизни и, я уверен, за новой семьей, пережившей кризис современной культуры и человека. Давайте подождем, но в семье, работая над со-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

бой, улучшая нашу жизнь и взаимоотношения.

На этом закончилась моя беседа с социальным психологом.

Возвращаясь теперь к теме любви и секса, не должны ли мы предположить, что секс супругам противопоказан, что в семье только любовь. Однако разве любовь не может включать в себя секс? И как отнестись к мнениям философов и З. Фрейда? Чтобы ответить на все эти вопросы, оставим лоно публицистики и в более академической манере посмотрим, как любовь и секс возникли в истории и какие стадии прошли в своем развитии.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ

ДВА ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СЕКСУАЛЬНОСТИ

"Секс, - пишет Лев-Старович,- принадлежит к числу основных биологических потребностей, обусловливающих существование рода. Это также основная психическая потребность, тесно связанная с потребностями любви, уз, безопасности, чувства собственной ценности. Он является одним из важнейших механизмов общественной жизни. Казалось бы, что такая важная сфера существования человека и общества должна находиться в центре внимания науки, смежных дисциплин. Обзор имеющихся исследований, посвященных сексуальному поведению человека, свидетельствует о противоположном, и это представляется странным"^.

Лев-Старович идет здесь вслед за Фрейдом, считавшим, что сексуальные влечения имеют чисто биологическую основу. Естественную оппозицию психоанализу в объяснении природы любви и сексуальности образует культурология. С точки зрения этой относительно новой дисциплины можно возразить Фрейду. Например, как быть с людьми, которые, принадлежа одному биологическому полу, чувствуют и, главное, ведут себя как особи противоположного пола? Получается, что психическая основа любви и полового влечения вроде бы существует отдельно от телесной основы и эту психическую основу можно даже хирур-

^Лев-Старович З. Цит. соч.- С. 164-165.

гическим путем посадить на другую телесность. Не противоречит ли сам себе Фрейд, показывая, что развитие и нарушение сексуальности определяются в значительной мере культурными обстоятельствами - воспитанием, влиянием на детей родителей, чувством стыда, различными запретами. Может быть, более правы те исследователи, которые связывают сексуальность прежде всего с психикой и сознанием. Например, канадский теолог Герберт У. Ричардсон считает, что человек сумел создать несексу-

альную сферу жизни, а затем интегрировать в нее свои сексуальные действия и чувства, что история человеческой сексуальности, половых отношений тождественна эволюции человеческого сознания.

Может быть, предположение о психической и даже культурной, а не биологической сущности сексуальности позволит объяснить, почему в истории культуры сексуальные отношения нередко выглядели или как табу, или как ненормальность. Действительно, в архаической культуре (и у примитивных народов) первое половое общение с женщиной часто является табу и поручается шаману или другому человеку, но не мужу, либо заменяется своеобразной ритуальной хирургической операцией (обычаи разрывать девственную плеву каким-нибудь инструментом). Кажется, что сама женщина, пишет Фрейд, есть табу, "как только мужчина предпринимает что-нибудь особенное- экспедицию, охоту, военный поход,- он должен держаться вдали от женщины, особенно же воздержаться от полового общения; в противном случае его сила была бы парализована, и он потерпел бы неудачу"^.

В античной культуре, особенно в Греции, как мы уже отмечали, процветали различные формы сексуальных отклонений: мужчины жили с мальчиками, женщины с женщинами, люди с животными (зоофилия) и т.д. В средние века половой акт считался греховным. Во всей святоотеческой литературе, отмечает Н. Бердяев, только у святого и мученика IV века Мефодия Потарского встречается прямое религиозное оправдание сексуального акта (ему дается интерпретация проводника Божественного творения новых, нарождающихся в теле матери души и тела)^. Зато утверждается идея непорочного зачатия: это означает, что Богоматерь зачала нормальным человеческим образом, но без греха.

^Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности.- М., 1989.- С. 76.

^Бердяев Н.А. Эрос и личность (Философия пола и любви).-М., 1989.

Начиная с XII-XIII веков люди стали верить, что существуют ведьмы, получившие свою силу благодаря половому акту с Дьяволом, и что они в состоянии наносить мужчинам сексуальную порчу. Если бы сексуальность имела только биологическую природу, то вряд ли она могла принимать в разных культурах столь причудливые формы. Последуем же за культурологами, изучавшими любовь и сексуальность.

С нашей точки зрения культурология должна решить две основные задачи: объяснить, как в культуре вырос такой удивительный цветок - любовь, и показать, в чем отличие любви в каждой культуре, как эти отличия были предопределены особенностями соответствующих культур.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ЛЮБОВЬ В АРХАИЧЕСКОЙ И ПРИМИТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

У Фрейда есть одно интересное замечание: он считает, что для поддержания любовной энергии и влечения необходимы препятствия (запреты) и чем они выше, тем любовь сильней. "Легко доказать,- пишет он,- что психическая ценность любовной потребности понижается тотчас же, как только удовлетворение становится слишком доступным. Чтобы увеличить возбуждение либидо, необходимо препятствие, а там, где естественные сопротивления удовлетворению оказываются недостаточными, там люди всех времен создавали условные препятствия, чтобы быть в состоянии наслаждаться любовью. Это относится как к отдельным индивидам, так и к народам"^.

Можно ли согласиться с Фрейдом, подтверждают ли его суждение культурологические наблюдения? Прежде всего заметим, что в так называемых репрессивных культурах, где люди живут разобщенно, где супруги в семье находятся в напряженных отношениях, где препятствия пронизывают все сферы жизни человека, страдает и любовь. Такова культура племени Манус (Новая Гвинея)^. Известный американский антрополог Маргарет Мид

^Фрейд З. Цит. соч.- С. 76.

^К архаической культуре относят общества (племена), сложившиеся примерно 10-50 тыс. лет назад, к примитивной культуре - общества, живущие в наше время, но по уровню развития близкие к обществам архаической культуры.

по поводу отношений молодых супругов этого племени, в частности, пишет:

И это убеждение, что муж и жена принадлежат разным группам, длится в течение всего ее замужества... Что же касается мужа, то и для него жена чужая. Не он выбирал ее; он никогда не думал о ней до брака без чувства стыда... До женитьбы он был свободен, по крайней мере в своей деревне. Он мог часами сидеть в доме для мужчин, играя на музыкальных инструментах и распевая песни. Теперь же, когда он женился, ему не принадлежит и его собственная душа. Целыми днями он должен работать на тех, кто оплатил его свадьбу... У него есть все основания ненавидеть свою запуганную, смущенную жену, которая с проклятиями отшатывается от его грубых, неумелых объятий и никогда не скажет ему ни одного ласкового слова. Они стыдятся есть в присутствии друг друга. Им предписано спать в разных частях дома^.

Но оказывается, страдает любовь и в культурах, где члены племени (например, племени горных арапешей, тоже Новая Гвинея) доброжелательно относятся друг к другу, совместно трудятся, много общаются, помогают друг другу, любят своих детей.

"Жизнь у арапешей,- пишет М. Мид,- сорганизована вокруг одного главного стержня: мужчины и женщины, несмотря на физиологическое различие, объединены в общем деле, материнском по своей природе,- деле воспитания. Их основные ценностные ориентации направлены не на себя, а на нужды подрастающего поколения"^. И отец, и мать, и любой представитель племени позаботится о ребенке, который попал в беду. В племени не знают войн, ссоры редки, большинство работ (возделывание огородов, строительство хижин и т.д.) делаются совместно. Поскольку арапеши думают, что ребенок получается из материнской крови и отцовского семени, функция отца в оплодотворении не кончается вместе с зачатием, в течение нескольких недель от него требуется напряженная сексуальная активность. Чем больше актов соития совершат родители, думают арапеши, тем лучше и здоровее будет их ребенок. Но как только "груди матери обнаруживают характерные для беременности набухание и изменение цвета сосков, считается, что создание ребенка завершено. С этого момента все половые сношения запрещены"^. И далее, пока ребенок не начнет ходить, накладывается строгое табу на половые сношения. "Мать кормит ребенка грудью до трех, даже четырех лет, если только она вновь не забеременеет в

^Мид М. Культура и мир.- М., 1988.- С. 196-197.

^Там же.- С.241.

^Там же.- С. 253.

это время. Табу на половые сношения снимаются после возобновления менструаций"^. Воспитывают детей и мать и отец. Признанием "материнских" забот отца, признанием его вклада в само появление ребенка на свет звучит ответ на чье-либо замечание, что такой-то мужчина средних лет хорошо выглядит: "Хорошо выглядит? Да? Но вы бы его видели до того, как он родил всех этих детей"^. О том, как воспитывают детей, в какой атмосфере, говорит следующий эпизод:

В ритме, в котором отлучка матери на час сменяется часом кормления грудью, интервалы между кормлениями все больше увеличиваются до тех пор, пока время отсутствия матери у трехгодовалого ребенка не начинает длиться целый день. В это время ребенка, разумеется, кормят другой пищей. За этим днем отсутствия матери непременно следует день кормления. В этот день мать остается дома, берет ребенка на колени, позволяет ему сосать грудь, сколько он захочет, бегать, снова брать грудь, играть с нею, делает все, чтобы вернуть ему чувство уверенности. Все это доставляет такое же наслаждение матери, как и ребенку. С момента, когда ребенок достаточно подрастет, чтобы играть с ее грудями, мать берет на себя активную роль в процессе кормления. Она держит свою грудь в руке и нежно проводит ею по губам ребенка. Она дует в ухо ребенку или же щекочет его, игриво хлопает по его гениталиям или же щекочет его пальцы. Ребе-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нок, в свою очередь, играет с маленькими татуировками на теле матери и на своем собственном, с ее грудями, со своими собственными гениталиями, смеется и гулькает, делая из кормления долгую и приятную игру... для матери и для ребенка акт кормления - длительная, эмоционально насыщенная, полная очарования игра, в которой на всю последующую жизнь складывается добродушная, теплая чувственность^.

Самое поразительное, как арапеши создают семью. Мальчик-арапеш в буквальном смысле выращивает свою будущую жену.

Помолвка у арапешей происходит между девочкой семи-восьми лет и мальчиком лет на шесть ее старше. После помолвки она переходит жить в дом будущего супруга. Здесь свекор, будущий супруг и все его братья общими силами выращивают маленькую невесту... Если мы примем во внимание то, что в течение ряда лет муж и жена живут вместе, как брат и сестра, то нам станет ясен один из решающих факторов отношения арапешей к сексу. Половые сношения у них не связаны с чувствами, резко отличными от тех, которые питают к собственной дочери или сестре. Они оказываются просто более законченным и полным выражением того же самого чувства. Они не считаются какой-то спонтанной реакцией человека на внутренние половые раздражители^.

^Мид М. Цит. соч.- С. 257.

^Там же.- С. 258.

^Там же. С. 260-261.

^Там же.- С. 274, 280.

Поэтому уже не удивляет и факт своеобразной фригидности у взрослых женщин. Женщины арапешей, отмечает Мид, "не получают в половом общении даже простой релаксации и описывали свои ощущения после полового акта как некую неопределенную теплоту и чувство облегчения"^.

Культура арапешей относится к анимистическим^. Ее анализ позволяет предположить, что и любовь и половое влечение, как мы их понимаем, в норме не могут возникнуть, если не происходит дистанцирование интимной жизни людей разного пола, если эта жизнь не отделяется от обычной семейной жизни. В нашей культуре жена (муж) - это другая, в принципе незнакомая личность, это существо иного пола, довольно часто непонятное и таинственное. Сама культура создает дистанцию, тайну, интерес, которые необходимо и хочется преодолеть, понять. У арапешей и в других примитивных культурах эта дистанция, тайна и интерес или отсутствуют вовсе, или значительно ослаблены.

Ослаблены или отсутствуют, в частности, потому, что все на виду, никакой, следовательно, интимной, частной жизни нет^,

а также потому, что муж - это не личность, а своеобразная культурная роль. О последнем говорит, например, такой факт: если родители арапешей замечают, что невеста созревает слишком быстро и скоро будет уже вполне готовой к половым отношениям, в то время как их сын еще недоразвит, то эту девочку переобручают со старшим братом ее бывшего жениха.

Это решение,- замечает Маргарет Мид,- весьма удачно. Жена-девочка в доме ее супруга привыкла относиться к нему и его братьям одинаково. Говоря о братьях, она называла их так же, как и мужа; она доверяла им, они тоже кормили ее, подавали ей руку, когда она спотыкалась, мягко отчитывали ее, когда она делала что-то неправильно. Вот почему перемены такого рода не ведут ни к каким осложнениям. Маленькие девочки, беседующие о жизни, не считают возможный разрыв помолвки и обручение с

^Мид М. Цит. соч.- С. 298.

^Анимизм - представления, характерные для архаической и примитивной культуры. Вера в души людей, животных, растений, даже предметов.

^На островах Самоа в целом "вся деревня хорошо знает, что делает каждый ее житель. Я никогда не забуду крайнего возмущения на лице моего собеседника, который говорил мне, что никто, только представьте себе, никто не знает, кто отец ребенка Фаамоаны. Их всех окружает атмосфера маленького городка: через час после самого тайного и интимного дела дети будут рассказывать о нем в танцах и песнях всей деревне" (Мид М. Цит. соч.- С. 144).

новым мальчиком чем-то очень серьезным. По сути дела, в эмоциональном плане их выдают замуж за группу людей, а не за одного мужчину. Они становятся составной частью другой семьи - семьи, к которой они теперь принадлежат навсегда, даже после смерти^.

Итак, можно предположить, что предпосылки любовного поведения складывались лишь в тех племенах, где всеобщий контроль племени ослабевает, у членов племени формируются элементы частной жизни, мужчины и женщины - будущие супруги - воспитываются по-разному и не в одной семье, где, наконец, складывается особый ритуал любовного поведения, целью которого является не только образование семьи, деторождение и половые сношения, но и своеобразное сакрализованное <познание> существа противоположного пола, а также любовная игра. Судя по археологическим изысканиям и фольклорным исследованиям, указанный любовный ритуал сложился уже к концу палеолита. Осмысляется он в архаической культуре в весьма странных для нашего сознания оппозициях и отождествлениях: брачные отношения отождествляются с охотой, соответственно жених - с охотником (стрелком из лука), невеста - с дичью, фаллос - со стрелой, женское

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лоно (вульва) - с раной (и целью). Первая иллюстрация, которую здесь можно вспомнить и самому читателю,- сказка о царевне-лягушке.

Специальное исследование посвятила этим отношениям современный российский культуролог Н. Ерофеева. (Дальнейшие иллюстрации к тексту мы взяли из ее неопубликованной статьи "Попытка дешифровки некоторых устойчивых мотивов петроглифов из разных регионов в свете структурной типологии".) Она приводит, в частности, такой текст из русской свадебной лирики:

На гори-то соболя убил,
Под горою лисицу убил,
В тихой заводи утицу,
На песочке лебедушку,
В терему-то красну девицу-душу,
Настасью Егоровну.
Сера утица - кушанье мое,
А белая лебедушка - забава моя,
Да Настасья - невеста моя.

^Мид М. Цит. соч.- С. 282-283.

<Чрезвычайно трудно,- пишет Ерофеева,- понять, где кончается "охота" и начинается "свадьба". Так, в колядовом репертуаре славян широко распространена сюжетная ситуация, в которой "молодец охотится за ланью (серной, куницей, лисицей), которая оказывается девицей". В восточнороманской эпической песне "Иоргован и дикая дева из-под камня" герой едет охотиться непосредственно на дикую деву.

Охотиться едет на легких птиц,
Свататься едет к девушкам милым...>.

В петроглифах из Тиу (Африка), датируемых поздним палеолитом, "охотящийся на зверей мужчина соединен особой нитью или даже половым органом с женщиной". В Казахстане найдены петрографы, на которых изображен стрелок из лука с подчеркнутым детородным органом, женщина, в которую целится охотник, и группа животных. В Монголии тот же сюжет: охотник, горный козел и женщины в эротической позе. Стрела лука нацелена в женщину. На армянских петроглифах в отличие от монгольских рисунков охотник целится не в женщину, а в животное. Симптоматично, что в двух случаях из трех стрела направлена в область гениталий самки животного.

Н. Ерофеева приводит и лингвистические соображения. Так, в тюркских языках

АТА - самец, отец; АТ - стрелять,
АНА - самка, мать; АН - дичь.

Вряд ли случайно и корневое сходство понятий "охота" и "похоть". В самых разных уголках земного шара в петроглифах можно выделить устойчивую композицию - стрела, направленная в промежность женщины, стоящей в эротической позе. Нередко мужской орган (фаллос) изображен в форме стрелы. В русской свадебной лирике эта "громовая стрела" метит

В серединное окошечко, на тесовую кроватушку,
На перинную периночку...
Да под соболино тепло одеялышко.

После попадания в "цель" такой стрелы невеста сетует о потере девичества:

Уж прострелила да громова стрела
Уж мою-то грудь белую.

Уж и не наладиться мне, да красной девушке,
Против старого да против прежнего,
Против прежнего да против девьего.

Попробуем теперь понять смысл этих отождествлений, а также то, почему в архаической культуре женщина и сношения с ней в ряде случаев были табу. Не потому ли, что архаическое сознание анимистическое. И вот как могли сложиться представления о душе в архаической культуре.

Архаический человек постоянно сталкивался с явлениями смерти, сновидений, обморока. Что они означали для всего коллектива, как в этих случаях нужно было действовать и поступать? Вопросы эти для коллектива, несомненно, были жизненно актуальными: нельзя, например, в одних случаях хоронить потерявшего сознание, а в других - лечить, так же как в одних случаях будить умершего, в других - стараться его вылечить.

Сон, обморок и смерть внешне схожи, но действия людей в каждом случае различны. Нельзя, чтобы члены племени действовали несогласованно: например, одни будили бы умершего, а другие старались похоронить его. Этнографические и культурологические исследования показывают, что эта ситуация была разрешена, когда сформировалось представление о "душе", которая может существовать в теле человека как в материальной оболочке, выходить из тела и снова входить в него. В свете этих представлений смерть - это ситуация, когда душа навсегда покидает собственное тело, уходит из него, обморок - вре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

менный выход души из тела (затем, когда душа возвращается, человек приходит в себя), сновидения - появление в теле человека чужой души.

Важно, что подобные представления подсказывают в каждом случае: мертвого будить или лечить бесполезно, зато душу умершего можно провожать в другую жизнь (хоронить), в то же время спящего или потерявшего сознание можно будить, чужую душу можно прогнать, а свою привлечь назад, помогая тем самым человеку очнуться после обморока и т.д. Представления о душе как легком, подвижном, неуничтожимом, неумирающем существе, обитающем в материальной оболочке (теле, предмете, рисунке, маске), могущем выходить из нее или входить в новые оболочки, со временем становятся самостоятельными предметами. Так, душу заговаривают, уговаривают, призывают, ей приносят дары и еду (жертву), предоставляют убежище (святилище,

могилу, рисунок). Можно предположить, что с определенного момента развития архаического общества (племени, рода) представления о душе становятся ведущими, с их помощью осознаются и осмысляются все прочие явления и переживания, наблюдаемые архаическим человеком. Например, внешнее сходство детей и родителей, зависимость одних поколений от других, наличие в племени тесных родственных связей, соблюдение всеми членами коллектива одинаковых правил и табу и т.п. осознается как происхождение всех душ племени от одной исходной души (человека или животного) родоначальника племени, культурного героя, тотема. Поскольку души не уничтожаемы, постоянно поддерживается их родственная связь с исходной душой и все души оказываются в тесном родстве друг с другом.

Однако ряд наблюдаемых явлений было не так-то просто объяснить на основе идеи души. Что такое, например, рождение человека, откуда в теле матери появляется новая душа - ребенка? Или почему тяжелораненое животное или человек умирает, что заставляет их душу покинуть раньше срока тело? Очевидно, не сразу архаический человек нашел ответ на эти вопросы, но ответ, нужно признать, был оригинальным. Как к беременной женщине, рассуждал архаический человек, приходит новая душа от предка - родоначальника племени? Каким образом он посылает ее? "Выстреливает" через (посредством) отца ребенка. В этом смысле брачные отношения - не что иное, как охота: отец - это охотник, а невеста (жена) - дичь; именно в результате брачных отношений (охоты) новая душа из дома предка переходит в тело матери. Сходное убеждение: после смерти животного или человека душа возвращается к роду, предку племени. Кто ее туда перегоняет? Охотник. Где она появится снова? В теле младенца, детеныша животного^.

Теперь ясно, почему для архаического человека первое по-

ловое общение и женщина в целом - табу. Первое половое общение виделось как охота, заканчивающаяся ранением, что понималось как хотя и временное, но все же изгнание души из тела невесты (это было опасно и хотелось этого избежать); охо-

^На барельефе саркофага, найденного в Югославии, изображены: древо жизни, на ветвях которого, очевидно, нарисованы кружочками души, рядом стрелок, прицеливающийся из лука в гениталии женщины с ребенком на руках (судя по нашей интерпретации, это отец ребенка). Слева от этой сцены нарисован охотник на лошади, поражающий копьем гениталии оленя.

та и война требовали сил для воздействия на души животных и врагов, поэтому нельзя было их расходовать на брачные отношения и т.д.

Рассмотренный здесь сценарий любовных отношений как охоты очень важен для понимания того, как в архаической культуре складывались предпосылки любви. Этот сценарий задавал две важные особенности поведения людей, принадлежащих разным полам. Первая - такое поведение насыщалось сакральным смыслом (за ухаживанием и брачными отношениями виделись важные процессы жизни рода: переходы душ от тотема в тела людей и животных и наоборот, магические действия - ухаживание и соитие, способствующие таким метаморфозам). Вторая - любовные отношения по форме превращались в особый вид игры или состязания. Последнее предполагало, что влюбленный должен преследовать, побеждать свою суженую, а она должна убегать, скрываться, бороться, чтобы в конце концов отдаться любимому.

Сакрализация и "состязательность" любовного поведения нередко входили в противоречия. Действительно, удовлетворяя первое из указанных отношений, архаический человек просто следовал тому, что предписано, что не зависело от него (когда наступало время, он должен был ухаживать и любить). Он выступал как простое орудие продолжения жизни рода и в этом смысле то, что с ним происходило (появление интереса к женщине или мужчине, рождение желания и все последующие действия вплоть до соития), воспринималось архаическим человеком вовсе не как собственные желания и действия, а как то, что приходило и захватывало человека помимо его воли. Маргарет Мид отмечает, что в племенах Новой Гвинеи любовь не воспринимается как проявление спонтанного желания мужчины или женщины. В нормальной ситуации "как мужчина, так и женщина не считаются способными реагировать на ситуацию, которую их общество не определило для них как сексуальную". Но случаются отклонения, например преднамеренное соблазнение. В этом случае происходящее больше напоминает внезапную болезнь, наподобие приступа малярии. Родители предостерегают своих сыновей даже в большей мере, чем дочерей, от

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

опасности попасть в такие ситуации, в которых может наступить половое общение. "В этом случае,- говорят они,- твое тело затрясется, колени подогнутся и ты поддашься"^.

^Мид М. Цит. соч.- С. 291-292.

Удовлетворяя второе отношение, архаический человек должен был любить (охотиться) преследовать (и быть преследуемым), наступать (и отступать), побеждать любимую (и сдаваться любимому). Если форма, сценарий любовного поведения начинали доминировать, поведение смещалось в сторону индивида (а не рода), приобретало самостоятельную ценность, воспринималось просто как индивидуальное действие и поступок, как страсть. В этом случае любовь могла быть реализована только до и вне семьи^.

ИДЕИ И ПРАКТИКА ЛЮБВИ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Любовь, как мы ее понимаем архетипически, родилась именно в Древней Греции. Рим здесь лишь продолжает греческую традицию. Несколько упрощая ситуацию, можно говорить, что в Древней Элладе расцвели два разных "цветка" - любовь-страсть и платоническая любовь. Любовь-страсть имеет много общих черт с архаической любовью: она сакрализована, выносится из семьи, по форме представляет собой сценарий, но уже не охоты, а борьбы-состязания. Читая греческую любовную лирику, а также мифы, все время наталкиваешься на одну и ту же картину: чтобы возникла любовь, нужно внешнее действие - или богини любви Афродиты или ее сына, бога любви Эрота. Этот момент подчеркивается самим способом возникновения любви - Эрот должен поразить человека стрелой из своего лука. Если в архаической культуре "выстреливал" отец, то в античной - бог любви и теперь уже равноценно как в женщину, так и в мужчину. Но опять любовь - это не действие и усилие самой личности, а то, что ей посылается, то, что захватывает человека, как огонь охапку сухих дров. Прежде чем продолжать, послушаем греческих поэтов.

^Для сравнения: М. Мид пишет, что на Самоа "кроме официального брака существуют еще только два типа половых отношений, пользующихся полным одобрением самоанского общества: любовная связь между не состоящими в браке молодыми людьми (включая овдовевших) одного возраста, причем на оценку этой связи не влияет, ведет ли она к браку или же является простым развлечением; одобряется и адюльтер" (Там же.- С. 124).

Эрос вновь меня мучит истомчивый -
Горько-сладостный, необоримый змей.

(Сапфо)

ДЕВУШКА

Сами Эроты в тот миг любовались Иренион нежной,
Как из палат золотых Пафии вышла она,
Точно из мрамора вся и с божественным сходным цветом,
Вся от волос до стопы, полная девичьих чар.
И, поглядев на нее, с тетивы своих луков блестящих
Много Эроты тогда бросили в юношей стрел.
(Посидий)

Я ненавижу Эрота.
Людей ненавистник, зачем он,
Зверя не трогая, мне в сердце пускает стрелу?
Дальше-то что? Если бог уничтожит вконец человека,
Разве награда ему будет за это дана?
(Алкей Мессенский)

ДЕВУШКЕ-ПОДРОСТКУ

В почке таится еще твое лето. Еще не темнеет
Девственных чар виноград. Но начинают уже
Быстрые стрелы точить эроты, и тлеться
Стал, Лисидика, в тебе скрытый на время огонь.
Впору бежать нам, несчастным, пока еще лук не
натянут!
Верь мне - скоро большой тут запылает пожар.
(Филодем)

Видел я мучимых страстью. Любовным охвачены пылом,
Губы с губами сомкнув в долгом лобзанье, они
Все не могли охладить этот пыл, и, казалось, охотно
Каждый из них, если б мог, в сердце другому проник...
Легче бы было разнять две лозы виноградных стволами
Гибкими с давней поры сросшихся между собой,
Чем эту пару влюбленных и связанных нежно друг с другом
Узами собственных рук в крепком объятье любви.
Милая, трижды блаженны, кто этими узами связан.
Трижды блаженны... А мы разно с тобою горим.
(Павел Силенциарий)

Поразительно, что и сами олимпийские боги были во власти Эрота, да и сам Эрот во власти своих стрел. Вот два замечательных эпизода из Апулея. Когда прекрасная Психея хотела убить по настоянию своих злых сестер Купидона (рим-

ский эквивалент Эрота), он ее оставил, говоря: "Ведь я, простодушная Психея, вопреки повелению матери моей Венеры, приказавшей внушить тебе страсть к самому жалкому, по-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

следнему из смертных и обречь тебя убогому браку, сам предпочел прилетать к тебе в качестве возлюбленного. Я знаю, что поступил легкомысленно, но, знаменитый стрелок, я сам себя ранил своим же оружием и сделал тебя своей супругой для того, значит, чтобы ты сочла меня чудовищем и захотела бритвой отрезать мне голову за то, что в ней находятся эти влюбленные в тебя глаза"^. Встретив затем Купидона, Венера пеняет ему: "Очень это прилично и достойно и происхождения нашего и хорошего твоего поведения, что ты, поправши для начала наставления матери твоей, даже госпожи, вместо того, чтобы в виде наказания внушить постыдную страсть моей врагине, сам мальчишка такого возраста, заключаешь ее в свои распутные и преждевременные объятия, думая, что я потерплю своей невесткой ту, которую ненавижу... Впрочем, с ранних лет ты плохо воспитан - на руку проворен, старших всегда толкал без всякого почтения, самое мать свою, меня, говорю, ты, убийца, каждый день раздеваешь и ранишь частенько, ни во что не ставя, словно вдову какую-нибудь, не боясь отчима своего, силача знаменитого и великого вояки. Мало того, ему часто в ущерб моей связи с ним, взял ты в обычай то и дело девиц поставлять в наложницы"^.

Впрочем, и среди олимпийских богов, оказывается, есть исключение: любви и стрелам Эрота не подвержены три богини - Афина Паллада, Артемида и Гестия (богиня очага, т.е. семьи). Афина, вероятно, потому, что она антипод Афродиты ("разум", отрицающий "страсть"); Артемида потому, что это архаическая соперница Афродиты, ведь она богиня охоты, а охота, как мы помним, в архаике - это брачные отношения; Гестия потому, что семья и страсть в представлении греков были мало совместимы.

И все-таки, несмотря на подозрительное сходство античных богов с Людьми, любовная страсть представляла собой сакрализованный феномен. За ней виделись действия божественных желаний и сил - Афродиты и Эрота. Влияние богов приводит к тому, что сценарий любви-охоты превращается в античности в

^Апулей. Метаморфозы. - М., 1966.- С. 184.

^Там же.- С. 188.

сценарий любви-состязания^. Такая любовь-страсть не укладывалась в обычную ролевую структуру отношений в семье и браке, она разрушала брак. Поэтому в Греции и Риме процветали адюльтер, институт гетер, проституция. Чужая жена, гетера, проститутка или просто свободные от брака и семьи члены общества (например, юноши, вдовы) смело могли вступать в любовно-страстные отношения. Но питать любовь-страсть к собственной жене (мужу) - не приходило в голову. Судя по всему, и в Гре-

ции, и в Риме любовь в браке в сексуальном отношении воспринималась как обыденная, любовные отношения - скорее как гигиенические, чем страстные, приносящие наслаждение и человеческое удовлетворение. Вспомним фразу императора Андриана: <Ясно, что я удовлетворяю свои страсти с другими: ведь понятие "жена" обозначает почет, а не удовольствие>. Правда, за удовольствия и наслаждения нужно было платить: или жертвой в храме (например, в Риме была богиня Наслаждения и ее храм), или опасностью, постоянно подстерегавшей возлюбленных. У греческого поэта Руфина мы читаем:

Кто тебя высек нещадно и голою выгнал из дому?
Зрения был он лишен? Сердце из камня имел?
Может, вернувшись не в час, у тебя он любовника встретил?
Случай не новый, дитя,- все поступают, как ты.
Только вперед, если будешь ты с милым в отсутствие мужа,
Дверь запирай на засов, чтоб не попасться опять.

Вероятно, читатель мог почувствовать еще одно отличие античного понимания любви-страсти от архаических представлений. Уже чувствуется индивидуальность, пока еще слабо мерцающая личность влюбленных. Но это еще не та индивидуаль-

^В <Метаморфозах> герой, приоткрыв свою одежду и показывая, с каким нетерпением он ждет любви, говорит своей возлюбленной Фотиде: "Сжалься, скорей приди мне на помощь! Ведь ты видишь, что пылко готовый к близкой уж войне, которую ты объявила мне без законного предупреждения, едва получил я удар стрелы в самую грудь от жестокого Купидона, как тоже сильно натянул свой лук, и теперь страшно боюсь, как бы от чрезмерного напряжения не лопнула тетива" (курсив наш.- В-Р.). В ответ Фотида, сбросив с себя все одежды, распустив волосы, говорит: "На бой, на сильный бой! Я ведь тебе не уступлю и спины не покажу. Если ты - муж, с фронта атакуй и нападай с жаром и, нанося удары, готов будь к смерти. Сегодняшняя битва ведется без пощады" (Апулей. Цит. соч.- С. 125).

ность, с которой мы встречаемся у Платона и других великих философов античной культуры. Индивидуальность, ощущаемая в любви-страсти, пришла из греческой мифологии, от греческого искусства (скульптуры, лирики, живописи). Вчитаемся в стихотворение александрийской эпохи Асклепиада Самосского:

НА СТАТУЮ ВЕНЕРЫ

Изображение Киприды^ здесь видим мы, не Вереники:
Трудно решить, на кого больше походит оно.

А вот другое - Павла Силенциария:

НА СТАТУЮ ВАКХАНКИ В ВИЗАНТИИ

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Эта вакханка в безумье - отнюдь не созданье природы,
Только искусство могло с камнем безумие слить.

Античный человек смотрел на себя глазами искусства, это человек, в котором проснулось понимание чувственности, любви, который увидел свое тело и понял, что оно может быть прекрасным, являться источником наслаждений. Достаточно сравнить архаические изображения человека с античными, чтобы понять, что архаический человек не видел своего тела, что только в античной культуре тело стало телом женщины и мужчины, обладающим пропорциями, гармонией, красотой.

Чуть ли не главную роль в этом открытии, вероятно, сыграла греческая мифология и скульптура. Мы знаем, что центральный сюжет греческой мифологии - любовь бессмертных богов к прекрасным земным женщинам и юношам. Но за что боги их любят, что их привлекает в людях? Не ум, не добродетель, не домовитость, а красота и девственность, возможность любить и получить наслаждение. Однако для самих людей через любовь бессмертных богов на землю и людей сходило благословенье, сила, первородство (происхождение прямо от богов)^, ореол небес и божества. Таким образом, связь между богами и человеком мыслилась прежде всего через чувственную любовь, через рождение (дети, рождавшиеся от богов и земных женщин). Именно греческая скульптура, изображавшая прекрасных обнаженных богов,

^Киприда - другое имя Афродиты.

^А.Ф. Лосев, например, перечисляет около четырех десятков племен и городов, которые считали Аполлона своим родоначальником (Лосев А.Ф. Античная мифология.- М., 1957.- С. 272-273).

практически ничем внешне не отличимых от людей, схватила, художественно выразила эту связь. (А как еще иначе, чем не через обнажение, можно было осмыслить связь богов и людей, что еще указывало на чувственную любовь и рождение?) Но это и было открытием тела - тела чувственной и одновременно божественной любви-страсти.

Однако это только один тип индивидуальности. Параллельно складывается и другой, ведущий к греческой философии, науке и, в частности, к новому идеалу любви, который гениально описал Платон. Несколько соображений о том, как этот идеал сформировался.

ПОЗНАНИЕ И САМОПОЗНАНИЕ КАК ЗАБОТА О СЕБЕ

Научное мышление, как известно, родилось в Древней Греции на почве анимистическо-мифологического мышления. Вы-

ше мы отмечали, что анимистическое сознание обеспечивает согласованное однозначное действие племени. Научное мышление также решало определенные культурные задачи. Эти задачи были двоякого рода: усвоение греками мудрости (прежде всего мифологических представлений) других народов (египтян, вавилонян, персов, финикийцев) и объяснение этой мудрости своим соплеменникам. Здесь нужно иметь в виду следующее. Во-первых, относительно таких древних культур, как египетская или вавилонская, греческая культура была юной и менее знающей (мудрой). Поэтому первые греческие мыслители (Фалес, Пифагор, Анаксимандр, Гераклит и др.) охотно заимствовали мудрость на Востоке, но, естественно, так, как они ее понимали, т.е. переосмысливая. Во-вторых, сами греки, народ свободолюбивый, торговый и независимый, не доверяли на слово даже своим уважаемым соплеменникам. Их нужно было еще убедить, склонить к чужой мудрости, привести аргументы в ее подтверждение, доказать, что она правдива, что положение дел именно таково, как эта мудрость утверждает. Другими словами, нужно было не просто пересказать восточную мудрость, как свое собственное убеждение, но и обосновать эту мудрость, апеллируя к каким-то известным вещам. В-третьих, в сознании древних греков без особого противоречия уживались такие две установки, как вера в собственных богов и героев и вера в "естественные" отношения, которые во многом мыслились по

торговому образцу (эквивалентный обмен, расчет, доказательство перед торговым партнером или третьим лицом эквивалентности обмена и т.п.).

Можно предположить, что действие указанных трех моментов вместе с какими-то другими обстоятельствами приводит к созданию в греческой культуре утверждений о действительности типа: "все есть вода", "все есть огонь", "все состоит из атомов", "человек смертен", "животное дышит" и т.п., которые весьма быстро получили большое распространение. Эти высказывания строились разными мыслителями и, отчасти, с разными целями. Одни (Фалес, Парменид, Гераклит) стремились понять, как устроен мир, что есть (существует), а что только кажется. При этом они считали существующим разные образования - воду, воздух, огонь, землю, движение, покой (бытие), атомы, идеи, единое и т.д. Другие мыслители (первые софисты, учителя мудрости и языка) стали использовать такие высказывания для практических целей (в судебной практике, для обучения, в народных собраниях для ведения споров). Третьи (поздние софисты, помогавшие "делать человека сильным в речах") применяли эти высказывания в целях искусства спора ради спора (эристики) и просто в игровых целях. Четвертые (ученые в узком смысле - пифагорейцы, геометры, оптики и т.д.) те же выражения использовали для эзотерических и практических целей.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Нужно учесть культурную ситуацию этого периода. Вопросы о том, что есть на самом деле, а что только кажется, кто прав, а кто ошибается, в чем именно ошибается некто, утверждающий нечто,- не были только умозрительными, это были вопросы самой жизни, бытия человека греческого полиса. Возникла жесткая конкуренция в области самих представлений, они не могли уже мирно сосуществовать, каждый мыслитель и стоящая за ним школа (сторонники) отстаивали свою правоту (истину), утверждая, что именно их представления верны, а все другие неверны.

Примером подобной жесткой полемики с другими школами является деятельность Парменида, Зенона, Сократа, Платона. Эти мыслители превратили в регулярный сознательный прием (метод) процесс получения противоречий (антиномий). Стихийно противоречия создавались и раньше, к этому вела сама практика построения высказываний. Один член противоречия получался в результате интерпретации в языке высказываний явлений, наблюдаемых реально. Например, реально видно, что тела (вещи, животные, планеты, солнце и т.д.) движутся, поэтому

может быть получено знание "все движется". Другой член противоречия можно было получить при осмыслении, например, восточной мудрости или же мифологического перехода между предметами. Так, из представлений "все есть вода" (Океан) и "Океан неподвижен" можно было получить знание "все неподвижно". Сознательное построение противоречий позволяло ставить под сомнение и отвергать знания, с которыми были не согласны мыслители, ведущие полемику с представителями других школ.

Однако знание в данный период имеет еще одно понимание - это не только высказывание, оно воспринимается и как мудрость. Действительно, греки называли знающих людей мудрыми, а мудрых - знающими. Мудрый человек - это не просто услышавший нечто или вообразивший то, что ему пригрезилось. Мудрый связан с богом, направляем божеством, поэтому он знает, как обстоит дело в действительности, он сообщает не свое индивидуальное мнение, не простое название, а то, что есть ("...нельзя,- писал Аристотель,- иметь знание о том, чего нет"^). Понимаемое как мудрость знание входит не только в реальность высказываний, но и в другую реальность - реальность нарождающегося мышления. В отличие от мнения, поэтического исступления, воображения, мышление - это такое созерцание и рассуждение, которое соотносится с божественным разумом, руководствуется им, прислушивается к нему (подобно тому, как Гераклит прислушивался к божественному Логосу, а Сократ - к своему внутреннему божественному голосу).

Требование прислушиваться к разуму, руководствоваться им возникает не случайно. Многочисленные парадоксы, конкурирующие между собой школы и учителя, а также разные группы полученных об одном и том же знаний заставили греков вспомнить старую мудрость - "познай самого себя", которая, возможно, первоначально имела религиозный смысл. В условиях множественности религиозных культов, характерных для Древней Греции, эта формула означала требование указать и осознать своего личного бога (свою веру). Если же человек молился многим богам, необходима была рефлексия, осознание своих собственных религиозных представлений. Обращение сознания на самого себя сначала в религиозных целях, а затем и в анализируемой нами ситуации было исключительно важным моментом,

^Аристотель. Аналитики.- М., 1966.- С. 182.

поскольку целью подобного осознания были не созерцание или досужий интерес, а желание понять, где совершена ошибка, почему получился парадокс, какой мыслитель рассуждает правильно, а какой заблуждается.

Античный человек, хотя и верит в богов, часто вынужден действовать сам, принимать самостоятельные решения в необычных ситуациях, должен соображать, чтобы не проторговаться, чтобы получить больше, а отдать меньше. Успешно делать все это, не осознавая в определенной мере себя, свои действия, не фиксируя отрицательный и положительный опыт, просто невозможно. Качества расчетливого и недоверчивого (не верящего на слово) человека греческого полиса очень пригодились ему в ситуации жесткой конкуренции школ, учителей и созданных ими знаний. Вспомним, что делали Зенон или Сократ: они подвергали сомнению любую мудрость, доказывали ее несостоятельность. Сократ хотел, чтобы человек не делал вид, что он что-то знает, а признал бы, что он ничего не знает^. Здесь сходились три момента: требование познать себя, требование адекватности (правдивости) представлений о себе, а также требование осознать ошибочность своих представлений о себе как мудром (знающем) человеке. Отсюда же рождались представления о мышлении, доказательстве, знании как особой реальности, в которой действует божественный разум (Логос) и царит истина.

Мишель Фуко обращает внимание еще на одно обстоятельство, уже прямо выводящее нас к новому типу греческой индивидуальности. Он показывает, что условием политической деятельности, процветавшей в Древней Греции, как и отчасти самого познания (философии), было формирование новой индивидуальности античного человека, что отразилось в концепции epimeleia / cura sui ("заботы о себе")^.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

^Платон. Апология Сократа // Соч.: В 3 т.- М., 1968.- Т. 1.- С. 90-91.

^"Попечение о себе подразумевается и вытекает из стремления осуществить политическую власть над другими людьми. Невозможно руководить другими, невозможно превратить свои привилегии в политическое воздействие на других, в рациональное действие, не проявляя заботы о самом себе. Забота о себе занимает промежуточное положение между политической привилегией и политическим действием, именно здесь возникает понятие epimeleia" (Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос.- М., 1991.- С. 288-289).

В концепции epimeleia - пишет Фуко,- следует различать такие аспекты:

- во-первых, налицо тема некоторого общего отношения, своеобразной манеры смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми;

- во-вторых - это своего рода направление внимания, взгляда. Забота о себе подразумевает переключение взгляда, перенесение его с внешнего, окружающего мира, с других и т.д. на самого себя. Забота о себе предполагает своего рода наблюдение, что ты думаешь и что происходит внутри твоей мысли;

- в-третьих, epimeleia также всегда означает определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе, а именно, действие, которым он проявляет заботу о самом себе, изменяет, очищает, преобразует (transforme) и преображает (transfigure) себя. Для достижения этого результата необходима совокупность практических навыков, приобретаемых путем большого количества упражнений, которые будут иметь в истории западной культуры, философии, морали и духовной жизни долгосрочную перспективу^.

Забота о себе, по мнению Фуко, включает в себя, в частности, и заботу о своей душе и заботу о теле, причем связь между заботой о себе и любовными взаимоотношениями Фуко называет эротикой. Наконец, Фуко делает два очень важных для нашей темы вывода, а именно: платоновская традиция характеризуется тем, что "забота о себе" в греческой культуре и дальше "обретает свою форму и свое завершение в самопознании" и это самопознание ведет к признанию "божественного начала" в человеке. <Познать самого себя, познать божественное начало, узнать его в себе,- пишет Фуко,- это, я полагаю, является основополагающим в платоновской и неоплатоновской форме "заботы о себе" >^.

Взглянем с точки зрения этих представлений на любовь-страсть и на греческую женщину. Любовь-страсть является внешней, привходящей в том смысле, что не человек приходит к люб-

ви, а любовь к нему, она его охватывает, проникает в него, зажигает. В этом смысле человек не субъект любви-страсти, а ее объект. Идеал же Платона - забота человека о себе, сознательная работа, нацеленная на свое изменение, преобразование, преображение. То есть полная противоположность любви-страсти. Далее, любовь-страсть - это именно страсть, состояние, противоположное разуму, познанию, самопознанию (недаром Афина

^Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос.- М., 1991.- С. 285.

^Там же.- С. 292-293.

Паллада вышла прямо из головы Зевса и неподвластна Афродите и Эроту), в этом состоянии человек все забывает - и себя и богов. Опять же она - полная противоположность идеям Платона о том, что забота о себе, включая, естественно, любовные отношения, обретает свою форму и завершение в самопознании, что самопознание так же, как и любовь, должно привести к открытию, обнаружению в человеке божественного начала. А раз так, любовь-страсть - это не путь к Благу, не забота о себе. Приходится, к сожалению, если следовать концепции заботы о себе, расстаться и с любовью к женщине. Почему? Да ведь именно с этой любовью для античного человека ассоциируется страсть (адюльтер, любовь к гетере или проститутке), а также обыденность, деторождение, семейные проблемы и претензии (любовь к супруге).

И вот Платон начинает удивительное мероприятие - он создает новое понимание, концепцию любви, концепцию, соответствующую идеям "заботы о себе". Для этого, правда, сначала нужно было "подменить" бога любви; столь полюбившийся грекам Эрот, за которым стояла Афродита, явно не годился для целей концепции заботы о себе. В стихотворении "Музы и Киприда", а Платон, как известно, писал и стихи, мы читаем:

Молвила музам Киприда: "О девушки, вы Афродиту
Чтите, не то напущу мигом Эрота на вас!"
Музы в ответ: "Болтовню эту сбереги для Арея,
Нам же не страшен, поверь, мальчик крылатый
ничуть".

В диалоге "Пир" решение этой задачи - смены Эрота - Платон поручает Эриксимаху, Агафону и Диотиме, которые последовательно доказывают, что Эрот пронизывает собой всю природу и людей, внося в них гармонию, порядок, благо, что он добр, рассудителен и, наконец, мудр. Когда Эриксимах указывает, что и в природе, "и в музыке, и во врачевании, и во всех других делах, и человеческих и божественных", присутствует Эрот, что проявляется в благом устройстве всех этих явлений и вещей, он, по сути, намекает, что любовь - это не страсть, а познание,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

занятие наукой, искусством, врачеванием и т.д. Когда Агафон говорит, что "Эрот не обижает ни богов, ни людей", что "насилие Эрота не касается", что "ему в высшей степени свойственна рассудительность", то Платон тем самым переводит "поезд любви" совсем на другой путь - к ясному сознанию, воле и разуму. "Ведь рассудительность,- говорит Агафон,- это, по общему при-

знанию, умение обуздывать свои вожделения и страсти, а нет страсти, которая была бы сильнее Эрота. Но если страсти слабее, чем он,- значит, они должны подчиняться ему, а он - обуздывать их. А если Эрот обуздывает желания и страсти (курсив наш. - В.Р.; не правда ли, с точки зрения любви-страсти Эрот удивительный, прямо-таки Эрот-самоубийца), его нужно признать необыкновенно рассудительным"^. Когда Диотима говорит Сократу, что "мудрость - это одно из самых прекрасных на свете благ, а Эрот - это любовь к прекрасному, поэтому Эрот не может не быть философом"^, то Платон, с одной стороны, продолжает ту же линию - замены Эрота-страсти на Эрота-epimeleia, с другой - видно, позабывшись, приоткрывает свою личную заинтересованность во всем мероприятии. Ведь получается, что Платон ставит на пьедестал не просто Эрота, а бога любви для философов.

Затем Платон переходит от бога к человеку. Он определяет, что такое любовь для человека. На первый взгляд это определение вполне годится и для любви-страсти. "Любовью,- говорит Платон устами Аристофана,- называется жажда целостности и стремление к ней"^. Однако продолжение речи Аристофана и далее речь Диотимы показывают, что и целостность, и стремление к ней Платон понимает не столько как физическое соитие, сколько как стремление к благу, бессмертию, прекрасному, совершенствованию, творчеству. При этом Платон вводит удивительный образ - людей "беременных духовно", разрешающихся духовным бременем в совершенствовании себя и творчестве. Не отбрасывает Платон и обыкновенную любовь, которая совершается, однако, не ради наслаждения, а ради рождения. И все же духовное зачатие и рождение он ставит неизмеримо выше обычного, физического.

Дело в том, Сократ,- говорит Диотима,- что все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не безобразном. Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение. И это дело божественное, ибо зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном (курсив наш.- В.Р.)... Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, обращаются больше к женщинам и служат Эроту именно так, надеясь деторожде-

^Платон. Пир // Соч.: В 3 т.- М., 1970.- Т. 2.- С. 124.

^Там же.- С. 134.

^Там же.- С. 120.

нием приобрести бессмертие и счастье и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно - ведь есть и такие, беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели... Кто смолоду вынашивает духовные качества, храня чистоту и с наступлением возмужалости, но испытывает страстное желание родить, тот, я думаю, тоже ищет везде прекрасное, в котором он мог бы разрешиться от бремени... для такого человека^ он сразу находит слова о добродетели, о том, каким должен быть и чему должен посвятить себя достойный муж, и принимается за его воспитание. Проводя время с таким человеком, он соприкасается с прекрасным и родит на свет то, чем давно беременен. Всегда помня о своем друге, где бы тот ни был - далеко или близко, он сообща с ним растит свое детище, благодаря чему они гораздо ближе друг другу, чем мать и отец, и дружба между ними прочнее, потому что связывающие их дети прекраснее и бессмертнее. Да и каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных^.

Этот диалог интересен во многих отношениях. Во-первых, получается, что Платон ограничивает обычную любовь между мужчиной и женщиной очень небольшой территорией - деторождением; кстати, это оказалось весьма ценным для христианской церкви в следующей культуре - средневековой. Далее, он утверждает, что субъект любви - не тело, а душа; соответственно продукты любви - не страсть и наслаждение, а духовное творчество и забота о себе. В-третьих, естественный объект любви в этом случае - не женщина, а прекрасный юноша. И понятно почему: юноша легко поддается воспитанию, склонен к усвоению прекрасного. Наконец, немаловажное обстоятельство, что, с одной стороны, юноша - не женщина, с которой уже связаны обыденность, физическое деторождение, любовь-страсть, а с другой - он чем-то похож на женщину (красив, пластичен, не загрубел, как взрослый мужчина, и т.д.). Правда, здесь возникает принципиальный вопрос, на который Платон в "Пире" не отвечает: а почему бы вообще не оставить в стороне телесную любовь? Как говорится, Богу - богово, а кесарю - кесарево, душе - духовное творчество и совершенствование, а телу - ласка, вожделение, соитие. Очевидно, Платон не мог помыслить себе подобное полное обособление этих двух сфер; возможно, ему казалось, что источник телесной и духовной любви один - "жажда целостности и стремление к ней". Творчеству Платона, в частности, приписывают следующие стихи:

^Из предыдущего диалога ясно, что речь идет о прекрасных юношах.

^Платон. Цит. соч.- С. 137, 140.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

АГАТОНУ

Душу свою на губах я почувствовал, друга целуя:
Бедная, верно, пришла, чтоб перелиться в него.

Интересен и еще один момент: Платон явно эстетизирует, как бы мы сегодня сказали, духовную деятельность и любовь. Более того, объявляет, что "прекрасное само по себе" наряду с Благом является конечной целью любви.

Кто,- говорит Диотима,- наставляемый на пути любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды,- нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное... И тот кто благодаря правильной любви к юношам поднялся над отдельными разновидностями прекрасного, тот, пожалуй, почти у цели... лишь созерцая прекрасное тем, чем его надлежит созерцать, он сумеет родить не призраки добродетели, а добродетель истинную, потому что постигает он истину, а не призрак. А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он^.

Что же это за странный идеал любви - прекрасное само по себе, вечное, не знающее ни того и ни другого? По сути, это идеал философской жизни, как понимает его Платон: обнаружение в себе божественного начала (оно вечно и не может меняться), позволяющего все понять, жить для Блага, предписывать другим. Путь к этому и способ идти - сливающиеся воедино любовь и духовная работа. Вот какое интересное, можно сказать, эзотерическое представление о любви создал Платон.

Эзотерические представления Платона, очевидно, повлияли и на художников античности (их в Греции называли техниками). Последние прочли Платона по-своему: для обретения бессмертия и блаженной жизни необходимо, считали они, создавать скульптуры богов, писать фрески и картины, строить прекрасные храмы и т.д. Одновременно античные художники и техники выполняли своеобразную культурную миссию: так сказать,

^Платон. Цит. соч.- С. 142-143.

"опускали мир богов на землю", давали возможность античному

человеку почувствовать себя героем, окруженным богами. Дело в том, что античное искусство не только чему-то подражает, но и сохраняет свою архетипическую функцию - сводить человека с духами и богами, предъявляя их глазу и чувству.

Наконец, существенно еще одно обстоятельство: для эзотерика идеалом эзотерической личности является он сам, поскольку именно он открывает путь, ведущий в подлинную реальность. Поэтому Демиург Платона в "Тимее" похож на самого Платона, а Божество Аристотеля в "Метафизике" - на самого Аристотеля. Современные исследования эзотеризма показывают, что подлинная реальность эзотериков (а бог для эзотериков выступает как одно из воплощений или состояний подлинной реальности) - это не что иное, как проекция вовне личности самого эзотерика; эту реальность эзотерик и познает, открывает и одновременно порождает, творит. Суммируем эти парадоксальные характеристики эзотеризма: эзотерик познает подлинную эзотерическую реальность, создавая, творя ее; идеалом эзотерической личности (пусть это будет даже бог) является сам эзотерик.

Появление в Древней Греции замечательной скульптуры и картин - следствие эзотерической ориентации античных техников. Ряд особенностей античной скульптуры и картин, а именно массовая распространенность (богатые античные города-государства в период своего расцвета тратили на "искусство" чуть ли не половину своего бюджета), отрешенность выражения лица (например, невозможно поймать взгляд персонажа античной скульптуры), холодность, неэротичность обнаженного тела богинь и героев, легкость, полетность часто даже масштабных скульптур, наконец, определенная ирреальность их образа - все это можно объяснить только с эзотерических позиций. Действительно, спуская богов с Олимпа на землю, античные техники должны были, однако, сохранить и передать их божественный образ, сакральную суть. И они этого добились, разработав ряд интересных художественных приемов выразительности. Боги-небожители напоминают птиц, этот образ полетности и легкости создавался с помощью развевающихся одежд и особых поз персонажей, изображаемых скульптурой или картиной (опора на землю носком ноги, поза человека, как бы коснувшегося земли при прыжке и т.п.). Боги - это существа иного мира, на которые на ранней стадии античной культуры нельзя было даже взглянуть.

Вспомним миф о несчастном Актеоне, которого Артемида превратила в оленя только за то, что он на миг увидел ее полуобна-

женной. Поздние античные техники охотно изображали богинь обнаженными, но стремились тем не менее удержать их сакральный образ. Для этого они разработали особый прием, не позволяющий глазу зрителя сосредоточиться, собрать в единое целое отдельные впечатления. Достигалось это за счет того, что все

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

выразительные средства работали друг против друга: направление взора скульптуры не совпадало с общим движением ее тела, одежды развевались не совсем в унисон с движениями рук и ног, а как бы сами по себе, голова была повернута часто против хода тела, выражение лица было холодным и отрешенным, отдельные положения рук, ног, корпуса тела не складывались в общее целое и не соответствовали сюжету. В результате глаз зрителя "и видел и не видел", создавался эффект ирреальности, потусторонности, т.е. глаз видит бога, но не простым взором, а, как писали в средние века, "мистическим оком", как положено при созерцании божественной сущности.

Поскольку образцом для эзотерика является он сам, античные боги и богини ничем не отличались от прекрасных юношей и девушек Греции. Но поскольку боги - это само совершенство, идеал красоты, то отбирались и гармонизировались (эстетически упорядочивались, творились) все самые лучшие черты этих молодых людей.

Для нашей темы особо важно отметить неэротичность обнаженного тела, представленного в античной скульптуре или картине. Объяснение этому двоякое. Во-первых, тело богини или бога не могло трактоваться в эротическом плане (хотя, как известно, олимпийские боги были не без греха), за исключением тех богов (Дионис, Пан), которые, так сказать, специализируются на эросе. Во-вторых, для греков еще не было оппозиции - греховного тела и духовного лица. Женщина еще не рассматривалась как сосуд зла, погубившего весь род людской. Эротические переживания связывались не столько с обнажением, сколько с эротической ситуацией и реальностью, возникнувшими в тот момент, когда Эрос поражал влюбленных своими золотыми стрелами. В этом плане в античности не было никакого секса, хотя встречается порок.

Читатель мог заметить, что намеченный Платоном идеал индивидуальности и любви тесно связан с идеями справедливости, блага, даже бога, понимаемого, конечно, философски. Это не означает, что в античности не было и других типов индивидуальности. К закату античной культуры в Риме сложился тип индивидуальности, можно сказать, прямо противоположный пла-

тоновскому. Здесь идея заботы о себе была понята эгоцентрически, как своеволие, как стремление удовлетворить любые свои желания, какими бы странными или даже чудовищными с точки зрения других людей они ни были.

Читая Гая Светония Транквилла "Жизнь двенадцати цезарей", холодеешь: цезари, которых иногда даже величали "божественными", предавали, убивали, отравляли не только чужих, но и своих близких, прелюбодействовали, погружались во все-

возможные, немыслимые формы разврата. Низость, жестокость, коварство, сладострастие, порок, извращенность - все эти и много других крайне отрицательных черт характера были присущи цезарям. Конечно, римских императоров развращала неограниченная власть, но дело не только в этом. Забота о себе действительно могла быть понята не только как путь к справедливости и добру, путь к богу, но и как путь именно к себе, к своим страстям, своим наслаждениям. Если к тому же кто-то начинал ощущать себя богом^, - а почему бы нет, ведь боги так похожи на людей,- то не оставалось уже никаких моральных границ и запретов^. Например, Гай Калигула сначала сделал себя царем, а затем

... начал притязать уже на божеское величие. Он распорядился привезти из Греции изображения богов, прославленные и почитанием и искусством, в их числе даже Зевса Олимпийского,- чтобы снять с них головы и заменить своими... некоторые величали его Юпитером Латинским... в храме он поставил свое изваяние в полный рост и облачил его в собственные одежды. Должность главного жреца отправляли поочередно самые богатые граждане... По ночам, когда сияла полная луна, он неустанно звал ее к себе в объятия и на ложе, а днем разговаривал наедине с Юпитером Капитолийским: иногда шепотом, то наклоняясь к его уху, то подставляя ему свое, а иногда громко и даже сердито. Так, однажды слышали его угрожающие слова:

- Ты подними меня, или же я тебя...- а потом он рассказывал, что бог, наконец, его умилостивил и даже сам пригласил жить вместе с ним"^.

^Другой вариант - терял веру в богов вообще.

^<Когда кто-то сказал в разговоре: "Когда умру, пускай земля огнем горит".- "Нет,- прервал его Нерон.- Пока живу". И этого он достиг. Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консулы ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать> (Гай Светоний Транквилл. - Жизнь двенадцати цезарей).

^Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей.- М., 1966.- С. 112.

В рамках подобной индивидуальности любовь-страсть превратилась в любовь-наслаждение, вырождаясь в пределе (как в случае божественных цезарей) в любовь-извращение. На другом полюсе развивалась платоническая любовь к прекрасным юношам, которая в конце античности была, правда, судя по всему только в тонком слое образованных людей, адаптирована к семье и браку. Именно этот последний идеал платонической любви в отношении к женщине-супруге и обсуждает Плутарх в диалоге "Об Эроте". Утверждая, что благородной женщине не чужда добродетель, любовь к ней не знает осени. Плу-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

тарх формулирует этот новый идеал платонической супружеской любви. В некотором роде такой идеал был античным вариантом (репетицией) романтической супружеской любви. Но подчеркнем еще раз - вряд ли этот идеал оказал серьезное влияние на практику любви. Все же основными в античности были три модели - любовь-страсть, платоническая любовь и любовь-наслаждение.

Если обратиться к концепции Фуко, то можно поставить вопрос о структуре античного диспозитива любви. В этом случае приходиться говорить по меньшей мере о двух диспозитивах. Один задавался религиозно-мифологическим дискурсом (любовь или причастность к божественной любви Афродиты и Эрота) и соответствующей религиозно окрашенной любовной практикой (приношения Эроту и Афродите, любовные обряды и мистерии). Этот диспозитив можно назвать архаическим, поскольку он отсылал к "любовному архе", т.е. тому, что было в прошлом, что завели боги любви в качестве вечного образца.

Второй диспозитив, намеченный Платоном, условно можно назвать эзотерическим. Он задавался дискурсами философии и нарождающегося рационального мышления. Эзотерическому диспозитиву соответствует практика индивидуального строительства самого себя (заботы о себе), в рамках которой платонической любви отводилась важная роль. В определенном смысле именно идея платонической любви скрепила новые отношения между людьми, знаменуя становление нового типа социальности и властных отношений, основанных на индивидуальной свободе и рациональном мышлении.

Интересно, что античное искусство и институт куртизанства (но не адюльтера) работали на оба диспозитива античной любви. Произведения искусства и архитектуры или любовь куртизанок, "поднимающие" античных греков и римлян до богов и героев, укрепляли как власть Эрота и Афродиты, так и образ плато-

нической любви, предполагающий служение красоте и ощущение себя личностью, соизмеримой с небожителями.

Возможно, во всяком случае для поздней античности, имеет смысл говорить о самостоятельном третьем диспозитиве, ориентирующем любовь на чистое наслаждение. Именно этот третий диспозитив любви можно рассматривать как первую репетицию сексуальности, но только в одном отношении - аксиологическом (наслаждение как безусловная ценность любви).

ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ И КУРТУАЗНАЯ ЛЮБОВЬ

Средние века - это христианство, а значит, и другой Бог, и другая индивидуальность. Боги периода древних государств

(Египет, Шумер, Индия), хотя и имели иногда антропоморфный облик, больше понимались как космические силы и само мироздание. Античные боги с их человеческими желаниями, страстями и занятиями мало чем отличались от людей. Старозаветный Бог и Христос, особенно последний, становятся в центр мира и обращаются не только к народу, но и прямо к отдельному человеку, ставят его перед выбором добра или зла, спасения или гибели своей бессмертной души. Вот это напряженно-ценностное, уже почти нравственное отношение между человеком и Христом, человеком и святыми, человеком и Богоматерью - характерная черта христианства в целом и новой индивидуальности. Забота о себе - это теперь любовь к Богу, забота о спасении своей души, это духовная работа по переделке ветхого человека в нового, это борьба со старым в себе за новое. Рассказывая о внутренней борьбе, предшествующей принятию христианства, теолог и епископ Блаженный Августин писал: "Между тем во мне родилась новая воля - служить Тебе с корыстью и наслаждаться Тобою, Боже мой, как единственным источником истинных наслаждений (курсив наш. - В.Р.). Но эта воля была еще так слаба, что не могла победить той воли, которая уже господствовала во мне... Таким образом, две воли боролись во мне, ветхая и новая, плотская и духовная, и в этой борьбе раздиралась душа моя... Но да исчезнут от лица Твоего, Боже, те, которые, видя две воли в борьбе духа нашего, утверждают, что в нем существуют два духовные начала противоположного естества, одно доброе, другое злое... Не тот человек по справедливости называ-

ется добрым, который знает, что такое добро, а тот, который любит"^.

В этих высказываниях обращают на себя внимание три момента: противопоставление античному умозрению (главное - не знать, а верить, любить Бога); противопоставление духа телу, которое, по мнению людей раннего средневековья, уводило человека от Бога, было источником греховных желаний, и, наконец, выдвижение любви к Богу на первый план в ценностном отношении (как единственный источник истинных наслаждений). При таком подходе вопрос об отношении к античной любви решался однозначно: любовь-страсть и любовь-наслаждение прямо уводили человека от Бога, поэтому были недопустимы; платоническая любовь также отрицалась, поскольку исходила не из христианского, а античного понимания Блага, справедливости и божества (все это христианство полностью или частично отвергало).

Крайние сторонники всех этих новых идей отрицали даже брак, как отвлекающий от целей спасения души. Но победила все же более умеренная и реалистическая партия Августина, которая и сформулировала основные каноны христианского бра-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ка: "цель - предотвращение соблазнов и разврата^, предназначение - рождение себе подобных, условия - нерасторжимость, моногамия, публичность, церковное благословение, согласие обеих брачующихся сторон, исключение родственных союзов и т.п. Что касается девственности и безбрачия, то они, хотя и продолжают считаться высшими христианскими добродетелями, все чаще рассматриваются как идеал, достижимый даже не для всех клириков"^. "Средневековая католическая теория брака,- замечает Р.А. Фридман,- не признавала супружеской любви как результата индивидуального полового влечения. В соединении супругов, утверждают средневековые богословы, не должно быть желания, так как греховным является не самый акт совокупления, а сопутствующее ему желание. Андрей Капеллан, утверждавший, что страсть к собственной жене больший грех, чем страстная любовь ко всякой иной женщине, мог подкрепить свое

^Августин. Исповедь // Творения Блаженного Августина епископа Иппонийского.- Киев, 1880.- С. 209, 210, 220, 223.

^Апостол Павел писал, что "лучше вступить в брак, нежели разжигаться".

^Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века.- М., 1991.- С. 34.

заявление ссылкой на целый ряд совершенно несомненных средневековых авторитетов"^.

Итак, в браке, в семье любить было нельзя, ведь соитие без желания - это не любовь. Недаром в средние века супружеская любовь часто понималась как "любовь по принуждению" (amour de dette). Кристина Пизанская, одна из первых, так сказать, феминисток, писала, что "для многих женщин из-за грубости мужей безрадостная жизнь в браке намного тяжелее, чем жизнь рабынь у сарацинов"^. Вне брака, в публичных домах, которых, кстати, в средние века, особенно в некоторые периоды, было очень много, любить тоже было нельзя.

Владельцами публичных домов выступали то общины в целом, то отдельные епископы или аббаты (курсив наш.- В.Р.), то знатные фамилии, то некоторые купцы или королевские чиновники. Общее расширение проституции и снятие преград в создании публичных домов относятся к рубежу XIII-XIV вв. В некоторых местах (в частности, в Дижоне и Тарасконе) на каждые 100-200 жителей приходилось по проститутке... Опираясь на сохранившиеся свидетельские показания, Ж. Росио утверждает, что для неженатых мужчин среднего класса посещение публичных домов представляло в середине XV в. обычное (а не постыдное или хотя бы требующее сокрытия) дело... С женатых, застигнутых у проституток, полагалось взимать штраф, хотя соблюдалось это далеко не всегда, и они также входили в число завсегдатаев публичных домов^.

Любовь за деньги и при отсутствии свободы - это не любовь, а лишь удовлетворение половых влечений, заработок на жизнь или же разврат. Оставалась для любви лишь одна сфера - адюльтер, т.е. любовь к чужой жене, чужому мужу. Можно было, конечно, теоретически любить и девушек, но практически это было сложно: девица должна была сохранить девственность, как правило, за ней строго следили, да и в целом она была ориентирована на предстоящий брак. "Никогда во время праздников рыцари не разговаривают и не беседуют с девицами",- утверждается в известном средневековом романе "Фламенка". "Дама лучше барышни, будь эта последняя даже наилучшей из всех... Было бы безумием надеяться на любовь девушки, из-за которой вы были бы в смятении день и ночь"^.

^Фридман Р.А. "Кодекс" и "законы" куртуазного служения даме в любовной лирике трубадуров // Уч. зап. / Рязанский ГПИ. - М., 1965.- Т. 34- С. 45.

^Бессмертный Ю.Л. Цит. соч.- С. 154.

^Там же. - С. 150-151.

^Фридман Р.А. Цит. соч.- С. 18, 21.

147

И вот в среде рыцарей, а также людей среднего сословия и достатка со второй половины XI века формируется новая, специфически средневековая форма любви и поведения, которая получила название куртуазной. Одновременно складывается и куртуазное искусство - поэзия, музыка, пение. Прежде всего необычен объект куртуазной любви - прекрасная дама. (В античной любви-страсти в центре внимания - сама страсть. В платонической любви - тот, кто любит и совершает духовную работу.) Впервые женщина ставится в центр любовного поведения, и это женщина, о которой христианская мораль не говорит ни одного хорошего слова. "Я хорошо знаю,- писал, например, средневековый автор Э. Дешан,- что сердце ни льва, ни леопарда, ни иного хищника, ни самого религиозного из людей не так верно себе, как верна себе женщина. (Она извечно творит одно и то же.) Женщиной были погублены и царь Соломон, и первый человек, и весь род людской. И нет такого в мире, чего не смогла бы погубить женщина... И многих смелых и достойных людей погубили либо любовь, либо брак"^. А вот что, напротив, о прекрасной даме писали куртуазные поэты^.

Прекрасная дама, когда я смотрю
на вас, мне кажется, что я вижу бога.

Если бы я верил в бога так же

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

преданно, как я люблю вас, я был бы
без сомнения живым вознесен в рай.

Всегда пред госпожою преклоняюсь,
Которая так нежно, без копья, мне
сердце ранила
Одним лишь взглядом нежных глаз
ласковых...
Так в сердце мне, мадонна, вы
желанье заронили
Улыбкой нежной и взглядом простым
незлобливым...

^Бессмертный Ю.Л. Цит. соч.- С. 153.

^Далее в этом разделе мы цитируем стихи и песни по книге
Р.А. Фридман "Любовная лирика трубадуров и ее истолкование" (1986)
и по уже названной ее статье.

Куртуазная любовь - это целый ритуал, довольно сложное
поведение; от куртуазных возлюбленных требуются: и особая честь,
и умение скрывать от посторонних свои чувства и истинные на-
мерения, и куртуазное отношение к искусству, и умение куртуаз-
но держаться с другими людьми и многое другое. Но по порядку.
Сценарий куртуазного поведения можно вычитать в аноним-
ном произведении "Донна, я принадлежу вам":

В любви есть четыре ступени: первая ступень - "таящегося", вторая -
"молящего", третья - "поклонника", на четвертой - он зовется "другом".

Тот, кто чувствует склонность к даме и часто посещает ее, не смея, однако,
убеждать ее, является робким "таящимся". Но если дама выказала ему уваже-
ние и настолько обнадежила его, что он решился высказать ей свою просьбу,
он становится "молящим". Если же уговорами он добился того, что она дарит
его шнуром, поясом или перчаткой, или каким другим имением, малым или боль-
шим, он поднялся на ступень "поклонника". Если же она полюбит своего верно-
го "поклонника" и ей угодно будет, целуя, даровать ему свою любовь и уложить
его с собой под одеяло, он возводится в степень "друга".

Куртуазное поведение предполагает умение красиво и модно оде-
ваться, охотно слушать и запоминать стихи и повести, вести себя
адекватно в разных ситуациях, говорить к месту и говорить курту-
азно. В "Назидании даме" трубадура Гарена ло Брю мы читаем:

Будьте веселы с веселыми
И куртуазны с куртуазными...
Но среди людей серьезных
Вы должны спокойной быть...

Она изящна, весела,

Куртуазна и любезна,
Приятна в обращении со всякими людьми:
Неразумным говорит о суетном,
А невеждам - о невежестве,
Образованным и знающим
Свою высказывает мысль красивыми словами.

Другой поэт пишет так:

Лишь только вспомню прекрасные и ласковые речи,
Слова любезные, что благородно так
сказать сумели мне...
Манеры любезные, куртуазные слова,
Нежный взгляд искоса, любезности,
Что в меру и к месту делает и говорит...

149

Куртуазная любовь предполагает испытания, умение страдать и ждать, без всего этого она неполноценна.

Любовь, коли она чиста и благородна,
Не может с легкостью согласьем одарить...
И через испытания проверить можно,
Кто благороден, кто хитер, а кто корыстен.
Пусть через двадцать или тридцать лет
Ухаживанье будет принято мое,
Я не пожалуюсь на горе и не скажу,
Что медленно мне радость достается.
И от любовного недуга я излечиться не хочу,
Он тем милее мне, чем больше я страдаю.
Пусть любовь меня держит в осаде,
Нападает и ночью и днем -
От ее нападений жестоких
Я покоя нигде не ищу.
И хоть нет исполненья желаньям,
Та, что мучит меня, такова,
Что нет в мире подлунном блаженства
Мне милее страданий моих.

Наконец, куртуазное поведение - это служение своей даме, при этом поэты как всегда перебарщивают:

Я принадлежу ей вплоть до права дарить и продавать.
Сударыня, вы можете меня подарить, продать
или заложить с большим правом, чем если бы вы купили
меня на ярмарке или на рынке.
Поскольку я принадлежу ей, она может меня убить.
Мадонна, за вашу красоту и доблесть я замок мой, и сердце,
И все, что мне принадлежит, вам отдаю;
Если бы я был королем, у вас была б корона золотая.
О дама благородная, где б ни был я, я вам принадлежу,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Куда бы я ни пошел, всегда пред вами я склоняюсь;
И если б я весь мир завоевал,
Я б захотел, чтоб вы им управляли.

Теперь вопрос: а какова награда, чего собственно добивался рыцарь, поэт или дама? На первый взгляд прежде всего чувственной любви, чувственных наслаждений, поцелуев, объятий, обладания телом любимой дамы.

150

Я так жаден и лаком до нее...
Моя госпожа, к которой я чувствую великий голод...
Именем бога прошу у нее лишь один дар:
пусть мои губы, которые постятся, разговеются сладким поцелуем.
Я страстно жажду обладать прекрасной.
Когда гляжу на тело благородное, что так желанно мне.
На прощание вы мне дали нежный поцелуй,
Да нежно так, что душу всю из тела увлекли.
В устах и сейчас я храню поцелуй.
Я нежно целовал
Ее белое стройное тело
При почетном
И сладком Прощании
В полной тайне...

...О госпожа прекрасноглазая, позвольте смиренными просьбами мне добиться свидания в укромном местечке и возлежать с вами, как это делает друг, лаская свою госпожу.

...Я от рая
Согласен отказаться -
Лишь бы под покровом
С вами наслаждаться.
Теперь, я думаю, конец пришел мне
От вспыхнувших во мне желаний,
Коли красавица в опочивальне
Возле себя не приютит,
Чтоб я ее ласкал, и целовал,
И к себе прижимал
Ее белое, полное, гладкое тело.

Может показаться, что только мужчина домогается чувственной любви женщины. Но вот очаровательная кансона знаменитой провансальской поэтессы графини де Диа:

Я пребываю в великой грусти из-за рыцаря, который раньше был у меня, и я хочу, чтобы на вечные времена было известно, как велика была моя любовь к нему. Сейчас я вижу, что я обманута за то, что дала ему своей любви. И от этого я пребываю в смятении, когда я в постели и когда я одета.

Я хотела бы как-нибудь ночью обнимать моего рыцаря нагим так, что-

бы он был счастлив от того, что может перешептываться со мной... Отдаю ему мое сердце и мою любовь, мой разум, мои глаза и мою жизнь. Прекрасный друг, пригожий и добрый, когда будете вы наконец в моей власти, чтобы я могла возлежать с вами и одарить вас нежным поцелуем. Знайте, что у меня было бы великое желание обнимать вас вместо моего мужа, только бы вы пообещали мне поступать так, как я захочу.

151

Итак, белое, полное, гладкое тело, нежный поцелуй, наслаждение под покровом (одеялом). Это на первый взгляд. Но более внимательное чтение показывает, что для куртуазных возлюбленных не менее, а даже более важно не целовать, обнимать и ласкать, а мечтать о нежных поцелуях и любви, страдать, любоваться лицом любимой (любимого).

Я лакомлюсь ею в мечтах,
Придется ль мне, о боже, иначе ею насладиться?
Тотчас же, отправляется мой дух
Прямым путем, мадонна, к вам,
Кого он видеть жаждет.
Совсем как я того хочу,
Ночью и днем, лишь только замечтаюсь,
За вами вволю тут ухаживает он,
Целует, обнимает и ласкает.

...Ночью, когда я усну,
Мой дух отправляется к вам;
Мадонна, тут так счастлив я,
Что, когда только кончится сон,
Я выколоть очи готов,
Что вздумали бодрствовать вдруг;
И я ищу вас на постели
И горько плачу, не найдя.

Пусть прямо, как по ниточке, идут
И пусть изящно будут тонки
На лбу красивом ваши бровки;
Красивый круглый подбородок,
А зубки - мелки и малы,
Красивый нос и пурпурные губки,
Что созданы, чтобы целовать
Того, кого господь сей чести удостоит.
И ласковые светлые глаза, прямые без лукавства.
И светлые глаза, исполненные ласки...
Глаза-обманщики,
Что к вам обращены,
Но чаще смотрят в сторону другую.

Что же собой представляет куртуазная любовь, куртуазное поведение? Как в среде всеобщей ненависти к женщине, к любви, дающей чувственное удовлетворение и наслаждение, вырос

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

этот замечательный цветок? Ведь заметьте, влюбленный рыцарь или поэт называет возлюбленную мадонной, благородной госпо-

жой; даже мечтая о самых приземленных телесных наслаждениях, не забывает говорить о нежности, страданиях, слезах ("И я ищу вас на постели и горько плачу, не найдя"). Более того, куртуазная нравственность предполагает в любви свободу и равенство (и это в атмосфере приниженного положения женщины в семье и обществе, а также "любви по принуждению").

Двое влюбленных в любви благородной
Должны быть равны; но тот из них, кто доблестью выше,
Иль властью сильней, иль телом красивей,
Пусть больше чуть-чуть повинуется чувству смиренья.
И правы искренне влюбленные,
Которые наперекор злоречью скучнейших богачей
Своей любви во власть гордыне не отдают,
Но сердца одного законами живут вдвоем.

А где свобода и равенство, там любовью правит взаимное желание, связь сердец, совпадение, как бы мы сегодня сказали, мироощущений.

Совершенная любовь - это узы, соединяющие
двоих единым желанием, родившимся из познания.
Где двое благородно любящих сопряжены в желаньях,
что любо одному, то примет и другой.

О ничтожное сердце, почто захотело ты,
чтобы померкла столь яркая любовь?...
Ведь не было в мире других двух людей, благородно
влюбленных, что больше бы были согласны во всем.

При таком понимании любви уже не удивляет, что мужчина озабочен честью женщины и даже часто поднимается в любви до настоящего нравственного поступка (он готов отказаться от своих претензий, если почему-либо женщина не хочет или не может его любить). Мантуанец Сордель, например, говорил так:

Ни один рыцарь не может искренне
любить свою даму, если ему не дорога
ее честь наравне с нею самой.
Я забочусь о вашей чести столь же
преданно, сколь искренне люблю вашу
дорогую и нежную особу.
Если любовь когда-либо заставит
меня желать того, чего вы не должны
делать, умоляю вас ни на йоту не
снисходить к моим просьбам.

153

Другой поэт, Гранет, современник Сорделя, вторит ему:

Если моя дама захочет сделать меня счастливым,
соблюдая свою честь, мои печали будут превращены
в радости. Если же она, чтобы соблюсти свою честь,
откажет мне в этом, я приму отказ вместо дара.

А один анонимный поэт идет еще дальше, его не устраивает
в любви даже милосердие, или, как мы сегодня говорим, любовь-жалость, любовь-долг.

Сеньор Беленжер, пусть никогда Милосердие не будет мне подмогой у той, которая убивает меня желанием. Потому что, если она не желает быть со мной любезна из любви, и я не хочу пользоваться представительством Милосердия. Ведь любовь приводит двух любящих к взаимному согласию, Милосердие же - не больше чем силой навязанный долг. А между тем в любви сила не имеет никакого применения. Поэтому я не хочу любовных радостей, насильно навязанных Милосердием.

Размышляя о куртуазной любви, поражаешься ее отличием
и от любви-страсти и от платонической любви, многое в куртуазной любви сходно с идеалами романтической любви. Но как
она возникла, из каких идей? Куртуазная любовь, похоже, сложилась в лоне христианского мироощущения. Да, именно христианского, хотя христианская мораль убивала всякую любовь,
кроме любви к Богу.

Чтобы понять наше заявление, присмотримся внимательнее
к куртуазному мироощущению. В центре куртуазной любви, как
мы уже отмечали, стоит образ прекрасной дамы, благородной
госпожи, мадонны. Конечно, куртуазный поэт не видел в лице
своей дамы буквально Мадонну, но культ Мадонны, расцвет которого приходится как раз на XII-XIII века, во-первых, подготовил мужчину к восприятию и воспеванию женщины, во-вторых, одухотворил ее (обозначив тем самым дистанцию, тайну,
напряженное отношение), в-третьих, через многочисленные иконы воспитал глаз и вкус, способствуя новому визуальному восприятию женского лица (а затем по закону смежности и тела).
Особенность этого нового восприятия - духовное видение женщины, как сотворенной "по образу и подобию", сияющей божественной красоты. В старопровансальских текстах говорится:

Дорогая и прекрасная дама,
Где мог господь найти

154

Такую массу светлой красоты,
Когда он создавал вас несравненной?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сам господь бог, без всякого сомнения,
Создал ее из собственной своей красы.
...Следовало бы думать, что ее красота
снизошла к нам с небес;
она так похожа на творение рая,
что в ее изяществе нет почти ничего земного.

А идеи равенства и свободы в любви? Разве здесь не чувствуется проповедей Христа и святых апостолов?

Дух дышит, где хочет...
Истинно, истинно говорю вам:
раб не больше пославшего его.
(Евангелие от Иоанна)

И явилось на небе великое знамение -
жена, облаченная в солнце,
под ногами ея луна,
и на главе ея венец из двенадцати звезд.
(Откровения святого Иоанна)

Однако, а как же идеи первородного греха, как же куртуазное стремление к чувственным наслаждениям в любви? Но ведь говорил же евангелист Иоанн, что "Бог есть любовь"^. И все же, вряд ли куртуазные трактовки апостолов и евангелистов могли полностью оправдать грех, а именно так приходилось понимать обман мужа, кокетство, чувственную любовь. Но что делать, если образы любимой (любимого) буквально вытесняли даже во время богослужения образы Бога и святых, если дева Мария невольно становилась похожа на Лауру, Маргариту или Матильду. Вспомним чувства и переживания Элоизы, очевидно нередкие в те времена.

^Один марсельский трубадур пытался обойти запрет чувственных наслаждений в любви так:

Господь бог повелел, чтобы Адам и Ева без всякого греха плотски совокуплялись друг с другом. И захотел господь, чтобы все те, кого он от них произвел, знали плотское совокупление.
Поскольку Адам является нашим всеобщим корнем - ведь без корня не цветет ни одно дерево, изысканный возлюбленный и совершенная возлюбленная, совокупляясь, не совершают, как я утверждаю, никакой провинности.

155

Куда бы ни обратилась я, они повсюду являются моим очам и возбуждают во мне желания. Даже во сне не щадят меня эти мечтания. Даже во время торжественного богослужения, когда молитва должна быть особенно чистою, грешные видения этих наслаждений до такой степени овладевают моей несчастной душой, что я более предаюсь этим гнусностям, чем молитве^.

А вот и другое свидетельство.

Я расскажу вам, что происходит со мной из-за вас, которую я люблю больше всего на свете: когда я нахожусь в церкви, где все другие грешники просят о прощении своих грехов, я молюсь вам, закрыв лицо руками, ибо я не могу молиться иначе, и мой ум так занят вами, что, когда я хочу сказать "Отче наш", я говорю: "Дама, я ваш"; вы меня лишили разума до такой степени, что я забываю о боге и о самом себе.

Выход из всего этого находился, с одной стороны, в самой куртуазии, в провозглашении куртуазной любви и поведения как естественных и высших форм жизни, с другой - в особом понимании греха.

В этом понимании выражается свойственное тому времени убеждение в неизбывном несовершенстве человеческой натуры. Будучи изначально грешен, человек может духовно усовершенствоваться лишь ценой напряженнейших интеллектуальных и физических усилий. Мир наполнен соблазнами, частью дьявольскими, частью ниспосланными богом во испытания чистоты праведников, над которыми ведь тоже висит угроза греха. Сложна иерархия этих соблазнов: перед одними способны устоять лишь самые совершенные, преодолеть другие по силам и простецам... Высшие из христианских идеалов предполагали недостижимое для рядового мученика (или даже клирика) исполнение всех горних заветов, другие - менее возвышенные - допускали (или даже извиняли) следование соблазнам грешной плоти... В зависимости "от точки отсчета" в них можно было видеть не только прегрешения, но и, наоборот, свидетельство преодоления худших соблазнов и, следовательно, моральное достижение^.

Как говорится: не согрешишь - не покаешься, не покаешься - не спасешься. Часто куртуазный возлюбленный (возлюбленная) вообще отказывался видеть в куртуазной любви грех, напротив, считал, что любовь - благо и дело богоугодное.

Любовь заставила бога спуститься на землю.
Любовь облагораживает сердца.
Любовь приводит в рай.

^Из второго письма к Абеляру (Абеляр П. История моих бедствий.- М., 1959).

^Бессмертный Ю.Л. Цит. соч.- С. 152.

Имеет смысл отметить еще один момент - роль средневековой культуры и искусства в предельной артикуляции и разработке образа лица (и мужского, и женского). Если тело в средние века всячески третировалось как тленная плоть, как сосуд греха и нечистот, то лицо и все его атрибуты всячески изучались

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

и художественно воплощались (в иконе, скульптуре, фреске, слове). Именно лицо (а не тело, как в античности) выступало теперь в качестве наглядного образца социальной коммуникации. В античности обнаженное тело бога и человека свидетельствовало о божественном происхождении последнего. В средние века только лицо (Бога, обращенного к человеку, человека - к Богу) удостоверяло факт связи человека с Богом и то, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Человеческое тело (особенно женское) было полностью выключено из социальной коммуникации, убрано из поля зрения (заметим, что даже в куртуазной любви последняя ступень - это ласки, но "под одеялом"). Напротив, лицо всячески претворялось и артикулировалось, в нем выявлялись самые разные планы и выражения - любви, скорби, сомнения, гнева и т.д. В духовно-визуальном отношении человек был парадоксально редуцирован до своего лица, но зато оно получило максимальную разработку.

Что собой представлял диспозитив куртуазной любви? Задавался он дискурсами куртуазного искусства и нормами куртуазного поведения, например описанием четырех ступеней приближения к прекрасной даме. Безусловно, не меньше, чем платоническая любовь, любовь куртуазная - это настоящая искусственная конструкция (абстракт), но не интеллектуальная, а скорее символически-художественная. Например, прообраз прекрасной дамы средневековый рыцарь или трубадур сначала "открывал" в иконах богоматери и лишь затем начинал видеть в лице своей сеньоры. Вся логика куртуазной любви строилась по аналогии с идеями служения Богу и путем к нему, только в конце стоял не Христос (дева Мария), а Элоиза или Лаура, или Абеляр. Диспозитив куртуазной любви именно в силу своей искусственности, даже театральности позволял в атмосфере средневекового принижения женщины и неестественных форм любви мужчины к женщине воссоздавать и поддерживать любовное желание и поведение, удовлетворяя при этом, с одной стороны, средневековому христианскому мироощущению, с другой - личности рыцаря или образованного человека. Своеобразный куртуазный театр и карнавал (поведения и чувств) как нельзя лучше ограждал сознание средневекового человека от мрачной прозы и

будней, создавая внутреннюю логику и энергию, поддерживающие как духовные, так и телесные аспекты любви.

Хотя куртуазная любовь уже в XIV - XV веках теряет свое значение и сходит на нет, ее идеи не только не забылись, но оказали большое влияние на теорию и практику любви в эпоху Возрождения. В куртуазной модели любви впервые в истории европейской цивилизации складываются такие ценности, как культ любимой женщины, любовное страдание и переживание, возвышенное любовное отношение, почти нравственный любовный поступок, естественный синтез возвышенных любовных отношений мужчины и женщины с

телесными, включая соитие. Правда, пока все эти отношения и любовь происходили вне брака и предполагали двойную мораль.

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ЛЮБВИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Возникновение в культуре Ренессанса интереса к земной жизни и человеку отнюдь не означало отказа от религии, сохраняется и всеобщая вера в Бога, и многие суеверия (например, именно в эпоху Возрождения охота за ведьмами и деятельность инквизиции достигают особенно широкого размаха)^. Но происходит своеобразная передача эстафетной палочки; божественные функции передаются человеку и природе, поэтому Бог как бы отодвигается на второй план, становится своеобразным фоном. Все, чем раньше обладал Бог, теперь считается принадлежащим человеку: центральное положение в мире, власть над животными и природой, разум и замышление, личность и свобода^. Даже бо-

^<Повальная охота на ведьм, которая охватила Европу с конца XV века, свирепствовала на протяжении XVI и XVII веков и кое-где возобновлялась даже в XVIII и XIX столетиях> (Гуревич А. Проблемы средневековой народной культуры.- М., 1981.- С. 145).

^<Тогда,- пишет итальянский философ эпохи Возрождения Пико делла Мирандола,- принял бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: "...Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь."> (Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики. - М., 1962.- Т. 1.- С. 507-508).

жественные функции творения - достояние ренессансного человека. Как говорит итальянский гуманист неоплатоник Марсилио Фичино, человек способен создать сами светила, если бы имел орудия и небесный материал^.

Возрождение выдвигает лозунги - "Подражание природе" и "Развитие естественных наук". На первый взгляд - это античная культурная традиция, однако что ренессансный человек понимает под природой, подражанием и наукой? Не совсем то, что античный философ, точнее, совсем не то. По сути, происходит синтез, компромисс двух культурных традиций - античной и средневековой - или же создание принципиально новой культурной точки зрения.

С одной стороны, природа - это замышление и творение Бога (средневековая традиция), с другой - бытие, которое можно изучать в науке (античная). Поскольку божественные функции переданы человеку, ренессансный человек считает, что он мо-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жет творить природу и использовать ее в своих целях; необходимое условие этого - познание в науке божественных законов существования природы (закон природы как скрытый процесс, форма и причина). Отсюда ренессансное подражание природе - это не просто познание (т.е. выделение родов бытия, начал и систематизация научных знаний), а одновременно творение "новой природы". Одну сотворил Бог, а другую - человек (инженер, художник), познавший в науке законы природы. Мы не оговорились, ренессансный художник мыслит свое творчество как творение (хотя говорит о подражании) природы на основе научных закономерностей ее изучения.

Инженер и художник теперь - это не просто techt[греч.]^, каким он был в древности и в средние века, это - Творец. В своей деятельности он не просто создает жизненные удобства, он, подобно божественному творцу, творит само бытие: красоту и уродство, смешное и жалкое, и по существу он мог бы сотворить даже и светила... Художник подражает теперь не столько созданиям бога, что, конечно, тоже имеет место, - он подражает самому творчеству бога: в созданиях бога, т.е. природных вещах, он стремится теперь увидеть закон их построения^.

Эпоха Возрождения интересна, однако, еще и тем, что именно в этот период начинается обособление отдельных форм жизни человека: единое, регламентированное церковью бытие средне-

^История эстетики- М., 1962.- Т. 1.- С. 468.

^По-гречески дословно "техник", "специалист".

^Гайденко П. Эволюция понятия науки.- М., 1980.- С. 516.

векового человека постепенно разделяется на жизнь трудовую, общественную, личную, в быту, в искусстве, в общении. Постепенно складывается практика индивидуального воспитания, индивидуального выбора профессии, возможность самостоятельно глядеть на мир, строить свою жизнь, думать, чувствовать, желать. Удовлетворяя общим социальным условиям, участвуя в разделении труда и общественных ритуалах, отдельный человек одновременно получает возможность, пока еще незначительную, личного бытия. Начиная с Возрождения и особенно далее в XVII-XVIII веках формируется социальный институт личности и сама личность человека в современном понимании^. Институт личности - это система культурных и правовых норм, правил и обычаев, закрепляющая самостоятельное поведение человека в обществе, его роли и функции, преимущественную ориентацию на других людей (и лишь во вторую очередь на Бога и церковь). В психологическом плане все эти моменты обеспечиваются особой организацией поведения и сознания человека, т.е. собственно личностью. Человек теперь идентифицируется не столько с различными религиозными персонажами (Богом, святыми, священника-

ми), сколько, во-первых, с самим собой (центрирует жизнь на своем Я), во-вторых, с себе подобными.

Итак, что же стремился реализовать, выразить ренессансный человек в своей жизнедеятельности? Во-первых, значимость самого Я (как центра мира и жизни), во-вторых, интерес к другим и внешнему миру, в-третьих, убежденность, что видимый мир подчиняется природным закономерностям (выражаемым в знании и познании), в-четвертых, что в человеке и природе просматриваются (проступают) божественная печать, гармония и тайна.

Каждое из этих устремлений было в той или иной степени осуществлено в новом понимании любви. Вот, например, известные <Комментарии на "Пир" Платона> Марсилио Фичино. При первом чтении рассуждения великого гуманиста о любви отдают средневековой схоластикой.

И справедливо, кто любит - умирает... Умирает же всякий, кто любит, ибо его сознание, забыв в себе самом, всегда обращается к любовнику. Если он не размышляет о себе, то, конечно, не мыслит о себе самом. Поэтому охваченный любовью дух не действует в себе самом. А кто не действует в себе самом, тот и не пребывает в себе... Если он не находится

^Речь идет не об уникальных, своеобразных чертах субъекта, а о типе человека, отвечающего типу культуры Нового времени.

в себе, то также и не живет в самом себе. А кто не живет - тот мертв. А потому всякий, кто любит, умирает для себя в себе. Живет ли он по крайней мере в другом? Разумеется... Когда же любимый отвечает на любовь, то любящий по крайней мере живет в нем... душа любящего становится зеркалом, в котором отражается облик любимого^.

Не правда ли, странные рассуждения. Однако они становятся понятными, если вспомнить, что ренессансный человек все центрирует на себе, на своей персоне; тогда любовь для него действительно выглядит, с одной стороны, как уход от себя, как потеря себя, как смерть своего Я, а с другой - как жизнь в другом, как отражение своей души в "зеркале" другого. Понятно также, почему действовать, быть и жить для Фичино - это значит мыслить, сознавать. Здесь проявляется другая установка ренессансной культуры - на познание, знание, науку^. Третья установка - видеть во всем второй божественный план - просматривается в следующей трактовке любви. "Что, однако, же,- спрашивает Фичино,- ищут люди, когда взаимно любят друг друга? Они ищут красоту. Красота же есть некое сияние, влекущее человеческую душу... красота есть некая прелесть (gratia), живая и духовная, влитая сияющим лучом бога сначала в Ангела, затем в души людей, в формы тел и звуки, которая посредством разума, зрения и слуха движет и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

услаждает наши души, услаждая, влечет и, увлекая, воспламеняет горящей любовью"^.

Известно, что в эпоху Возрождения человек стремится наверстать упущенное, в том числе и в любви. В этом смысле античность давала богатые образцы. Культивируется и платоническая любовь, к которой были склонны особенно философы и представители нового искусства, и любовь-наслаждение. Заново открывается человеческое тело (как писал в трактате "О наслаждении" итальянский гуманист Лоренцо Балла, нужно изображать не только лицо, но и другие части грешного тела, "чтобы наслаждаться, взирая друг на друга"), причем не только открывается, а остро переживается и насыщается сакральными смыслами. Большую роль в этом сыграли художники, искавшие прототипы для изображения Христа и святых.

^Фичино М. Комментарий на "Пир" Платона // Мир и Эрос.- М., 1991.- С. 66-67.

^То есть закладывается понимание заботы о себе как мышления, что вылилось в Новое время в принцип "мыслю, значит, существую".

^Фичино М. Цит. соч.- С. 68.

С одной стороны, теоретики искусства той эпохи трактуют красоту и прекрасное как нечто бестелесное и в этом смысле невидимое глазом, постигаемое скорее мистически. Эту точку зрения, например, отчетливо выражает Марсилио Фичино и Аньоло Фиренцуола.

Как я часто повторял,- пишет Марсилио Фичино,- блеск и красота лица божия в ангеле, душе или материальном мире должны быть названы всеобщей красотой, а всеобщее устремление к этой красоте должно быть названо любовью. Мы не сомневаемся, что эта красота повсюду бестелесна, ибо ни для кого нет сомнения, что в ангеле и душе нет ничего телесного, и в телах она также нетелесна... Что же такое, Наконец, красота тела? Деятельность (actus), жизненность (vivacitas) и некая прелесть (gratia), блистающие в нем от вливающейся в него идеи^.

В трактате итальянского писателя Аньоло Фиренцуолы "О красотах женщин" одна из участниц диалога называет воображаемую красавицу, которую ведущий дискуссию по античному образцу предлагает при написании картины составлять из изображений прекрасных частей тела других женщин, попросту "химерой". В ответ ведущий восклицает: "Вы не могли сказать лучше, чем сказав: химера, ибо подобно тому, как химера воображается, но не встречается, так и та красавица, которую мы собираемся создать, будет воображаться, но не будет встречаться, мы увидим скорее то, что требуется иметь, чтобы быть красивой, чем то, что имеется"^. Итак, красота бестелесна и химе-

рична, это отблеск идеи, божественного сияния, идеал красоты. Подобную сущность можно схватить, вероятно, не глазом, а духовным органом, наблюдая не за природой, а постигая замыслы Бога. Однако великий Леонардо пишет: "Разве не видишь ты, что глаз обнимает красоту всего мира?" И рекомендации Леона Баттиста Альберти предполагают изучение именно природы.

Как же совместить эти два противоположных понимания красоты? Может быть, исходя из распространенной в период Возрождения идеи, что "Бог проявляется в вещах"? Как писал Джордано Бруно, "...мудрецы знали, что Бог находится в вещах и что божественность, скрытая в природе,... приобщает ее предметы к своему бытию, разуму, жизни"^.

^Фичино М. Комментарий на "Пир" Платона // История эстетики.- М., 1962.- Т. 1.- С. 502, 505.

^Фиренцуола А. О красотах женщин // История эстетики.- М., 1962.- Т. 1.- С. 565.

^Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя.- СПб., 1914.- С. 164.

Но есть еще одна странность в эстетических воззрениях той эпохи. Хотя художники Возрождения чаще всего писали о подражании и изображении, но понимали они свое творчество прежде всего как творение. "Если живописец,- писал Леонардо,- пожелает увидеть прекрасные вещи, внушающие ему любовь, то в его власти породить их, а если он пожелает видеть уродливые вещи, которые устрашают, или шутовские или смешные, то и над ними он властелин и бог" (курсив наш.- В.Р.)^. Иначе говоря, художник эпохи Возрождения ощущает себя Творцом. В предыдущих культурах (античной и средневековой) Творец - только Бог, все, о чем можно помыслить, уже создано Богом; художник, выделывая свои произведения, только подражает Творцу, он всего лишь выявляет в материале творения Бога.

По-другому мыслит художник Возрождения. Он не просто подражает и изображает, но и создает, воплощает, творит! Не слишком ли много для простого человека? Но в том-то и дело, что художник Возрождения не ощущал себя обычным человеком и в культурном отношении не был простым человеком. Он был тем, кого мы сегодня называем эзотериком. Эзотерическое мироощущение эпохи Возрождения наиболее отчетливо сформулировал Пико делла Мирандола в "Речи о достоинстве человека". Однако эта речь не только манифест итальянского гуманизма, но и манифест эстетический и эзотерический. Ведь в нем Пико делла Мирандола утверждает не больше не меньше чем следующее: человек стоит в центре мира, где в средние века стоял Бог, и он должен уподобиться если и не самому Творцу, то уж во всяком случае херувимам (ангелам), чтобы стать столь же

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

прекрасным и совершенным, как они.

Но ведь, если необходимо,- пишет Мирандола,-строить нашу жизнь по образцу херувимов, то нужно видеть, как они живут и что делают. Но так как нам, плотским и имеющим вкус с мирскими вещами, невозможно это достичь, то обратимся к древним отцам, которые могут дать нам многочисленные верные свидетельства о подобных делах, так как они им близки и родственны. Посоветуемся с апостолом Павлом, ибо когда он был вознесен на третье небо, то увидел, что делало войско херувимов. Он ответит нам, что они очищаются, затем наполняются светом и, наконец, достигают совершенства, как передает Дионисий. Так и мы, подражая на земле жизни херувимов, подавляя наукой о морали порыв страстей и рассеивая спорами тьму разума, очищаем душу, смывая грязь невежества и пороков, чтобы страсти не бушевали необдуманно и не безумствовал иногда бес-

^Леонардо да Винчи. Книга о живописи // История эстетики.- М., 1962.- Т. 1.-С. 543.

стыдный разум. Тогда мы наполним очищенную и хорошо приведенную в порядок душу светом естественной философии, чтобы затем совершенствовать ее познанием божественных вещей^.

Мы подчеркивали, что эзотерическая личность не просто открывает, описывает подлинную реальность, но и творит ее вполне в соответствии с божественными прерогативами. При этом она опирается на знание законов, знание устройства подлинной реальности. Отсюда ренессансная идея "естественного мага", который, с одной стороны, творит, создает чудеса, с другой - изучает природу и ее законы, используя эти знания в процессе творения.

Посмотрим теперь, как художники Возрождения творили и изображали божественный мир, сводя человека с событиями, отраженными в Старом и Новом заветах. Они брали за образец природу и человека, но не обычных, а, так сказать, эзотерически и научно претворенных. Образцом человека (как прообраза Бога и святых) выступает сам художник-эзотерик, поэтому, например, не случайно, что мадонны и святые у Леонардо похожи на него.

Кроме того, художники создавали настоящую иллюзию видения иного мира - божественного, мистического. Какими свойствами в представлении художника того времени должен был обладать этот горний мир? Населяющие его "небожители" (Бог и святые) должны быть совершенными, излучать Свет, не иметь веса или просто летать, не восприниматься обычными глазами (в то же время их как-то нужно было видеть) и, наоборот, восприниматься мистически и космически. Например, эффект иного, мистического мира создается за счет художественных приемов, не позволяющих осуществить то, что можно назвать "визу-

альной сборкой". Если вы захотите поймать взгляд лица, представленного на картине или в скульптуре того времени, в подавляющем большинстве случаев это сделать не удастся. Не собираются в целостную систему и отдельные визуальные образы, они все друг другу противоречат: мизансцены, группы лиц, направление взгляда персонажа, выражение его лица, его мимика, жестикуляция рук, позы и движения тела, фоновые "виды" - все это не связано друг с другом, существует (и тематически и визуально) само по себе. За счет этого создается странный эффект. Мы видим происходящее на картине и в то же время не видим,

^Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики.- М., 1982.- Т. 1.- С. 509.

наш глаз не может собрать разные образы, он как бы наталкивается на невидимую преграду. Но в результате и создается эффект иного, мистического мира, отчасти усиленный условностью поз и движений, а также отсутствием индивидуальности в изображении лиц (вспомним идею химеры).

Важно отметить, что системность человеческого сознания приводит к тому, что эти же живописные приемы используются художниками и скульпторами Возрождения при создании вполне обыденных нерелигиозных сюжетов. В частности, и при изображении женского тела, а также любовных сцен. Теперь не только лицо, но и обнаженное тело сияет красотой и гармонией, излучает божественный свет.

Перенос образцов тела и лица происходит не только в одну сторону - от обычных людей к небожителям (Христу, Мадонне и святым), но и в противоположном направлении. Воспитанный в искусстве глаз и в обычном теле начинает видеть божественную прелесть и красоту. Однако возрождение и реабилитация человеческого обнаженного тела не шла безболезненно. Скрытое много веков от глаз и понимаемое как греховное и грязное (тленное) обнаженное тело вызывало у человека ренессансной культуры острое, противоречивое переживание. С одной стороны, оно влекло, притягивало своей красотой и божественной гармонией, с другой - отталкивало греховностью, от которой сознание не могло враз отделаться.

Долгое время ренессансный человек не мог также совместить видение тела и лица. Первое было еще не познано, не освоено, второе, напротив, предельно проработано и детализировано. И вот прежде всего в искусстве (живописи, скульптуре и литературе) начинает происходить освоение тела... с помощью "модели лица". Обнаженное тело, мы это видим на картинах ренессансных художников, приближается к глазу зрителя (размещается на первом плане, занимает в поле картины все больше места) и, главное, разбивается на отдельные зоны (грудь, живот, лоно,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ноги, руки, шея), каждая из которых под влиянием "модели лица" разрабатывается самостоятельно, гармонизируется, наделяется красотой, драматизируется. Все эти части тела "смотрят" на зрителя, имеют самостоятельное выражение, притягивают прелестью и тайной греховностью, от которой человек Нового времени еще долго не может освободиться.

В сюжетном плане этот сложный процесс находит свое решение в приемах художественного сопоставления женщины одетой и обнаженной, в разработке многочисленных Мадонн и Ве-

нер, в постоянно усиливающемся интересе к изображению и разработке женского тела. При этом художник Нового времени периодически пытался оградить себя и зрителя от соблазна (греховности), который ему мерещится и наяву и во сне. Например, весьма вольную и эротическую (с современной точки зрения) картину "Венера и Амур" (1509 г.) автор Лукас Кранах Старший сопроводил следующей надписью: "Всеми силами гони купидоново сладострастие. Иначе твоей ослепленной душой овладеет Венера". Эта надпись Лукаса Кранаха выдает, что купидоново сладострастие было весьма нередкой гостьей для человека Нового времени.

Что же с этой точки зрения представляет собой ренессансный диспозитив любви? Задавался он дискурсами нового искусства и философии, синтезировавшими на новой основе античные и средневековые представления о любви. Основной практикой при этом выступала практика индивидуальной свободной любви, в которой чувственная сторона дополнялась визуально-духовной. Ренессансная любовь - это любовь, протекающая в равной мере под влиянием как христианских воззрений, так и новой философии и искусства, выражавших становление новоевропейской личности.

НОВОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЛЮБВИ

В эпоху Возрождения новоевропейская личность еще только формировалась, человек еще понимал себя в значительной мере по аналогии с Творцом, дыхание которого он продолжает чувствовать за своей спиной. Поэтому и любовь он трактует двояко: и платонически, и куртуазно, и как божественное дело, и как страсть. По сути, только в XVII-XVIII веках складывается современная новоевропейская личность, за которой уже не стоит Бог, которая мыслит и себя и мир в рациональном ключе (даже веря в Бога, к которому она поворачивается лицом и общается, так сказать, на равных). Новоевропейская личность не только отсчитывает все от себя, от своего Я, своего внутреннего мира, но и ощущает себя источником собственной жизни, желаний, неповторимых свойств и качеств.

Внутренний мир. Я!? Эти вещи были незнакомы среднему человеку эпохи античности. Только в средние века внутренняя жизнь человека (но понимаемая иначе - как борьба темных и светлых сил в душе) была открыта. С верой, пишет П. Гайденко,

человек сразу оказывается далеко за пределами всего природно-космического: он непосредственно связан живыми личными узами с творцом всего природного... личный бог предполагает и личное же к себе отношение; а отсюда изменившееся значение внутренней жизни человека: она становится теперь предметом глубокого внимания, приобретает первостепенную религиозную ценность^.

Человек - источник жизни, желаний и воли?! Ничего подобного, ответил бы древний человек,- источником жизни, воли и желаний является не человек, а боги, демоны или ангелы. Когда древний вавилонянин, пишет С.Н. Крамер, "чувствует себя прекрасно, полон жизни, наслаждается богатством и душевным покоем, он объясняет это завидное состояние ума и тела присутствием сверхъестественных сил, которые либо наполняют его тело, либо охраняют. Наоборот, всякого рода несчастья, болезни и неудачи объясняются отсутствием такой защиты"^. Во всех культурах, кроме культуры Нового времени, и воля, и ум, и желания, да и сама жизнь считались в большей или меньшей степени привходящими, они овладевали душой человека независимо от его усилий. Сам человек мог лишь способствовать или сопротивляться этим силам, не более того. Однако в Новое время существовать, жить действительно понимается в связи с познанием, научным объяснением, рациональным постижением законов природы, на знании которых, как говорил Ф. Бэкон, основывается могущество человека. Есть лишь один закон, сказал бы древний, античный или средневековый человек,- божественный или космический, ему и должен подчиняться человек, из того же проистекает не его могущество, а всего лишь уверенность в завтрашнем дне.

Пытаясь понять, как в Новое время складывались гуманитарные науки, М. Фуко пришел к выводу, что в основании нашей культуры и, в частности, индивидуальности человека лежат такие фундаментальные процедуры и отношения, как "осмотр", "дисциплина" (тогда как в античной культуре лежало отношение "мера"; в средневековой - "опрос-дознание").

Но параллельно формулировалось требование уважать и всячески развивать разум, индивидуальность и личность чело-

^Гайденко П. Цит. соч.- С. 409.

^Крамер С. Мифология Шумера и Аккада // Мифология древнего мира.- М., 1977.- С. 203.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

века. В этой связи характерен один из подзаголовков "Великой дидактики" - известного произведения первого крупного теоретика педагогики Нового времени Яна Амоса Коменского ("Есть три цели: человек должен быть: 1) одаренным разумом среди всех; 2) владыкой над собой и 3) радостью для бога")^ или параграф книги педагога Ф.Г. Гербарта "Индивидуальность питомца как исходная точка воспитания"^. Уважать и развивать разум означало не просто его культивировать, но дать ему пищу, работу, сделать человека, по выражению Коменского, "знающим все вещи, искусства и языки".

С требованием уважать человека, индивидуальность, личность тесно сочеталась идея самостоятельности человека, убеждение, что он может управлять и собой и другими.

Быть владыкой всех созданий,- читаем мы в "Великой дидактике",- это значит, приспособляя к надлежащему назначению все вещи, употреблять их с пользой для своих выгод, везде среди созданий вести себя царственно, т.е. с достоинством и святостью... Не служить никакому созданию, даже собственной плоти; свободно пользоваться всем для собственных услуг: хорошо знать, где, когда, каким образом и до какого предела благоразумно пользоваться каждой вещью, где, когда, каким образом и до какого предела признавать право плоти, где, когда, каким образом и до какого предела нужно уступать ближнему,- словом, быть в состоянии разумно управлять движениями и действиями внешними и внутренними, своими и чужими^.

Как же формирование новоевропейской личности сказалось на понимании любви? Весьма существенно. Во-первых, складывается индивидуальный опыт любовного поведения и переживания, который часто декларируется и манифестируется как норма, как природа любви. Так, если одни индивиды возвышают любовь, то другие принижают, одни считают несовместимыми брак и любовь, другие высказываются за их союз, одни выключают из "настоящей любви" половое влечение, другие считают, что без него любовь не существует, и т.д. Во-вторых, любовь в культуре Нового времени - это своеобразный объект изучения, предмет знаний и размышлений. А раз так, то любви приписываются определенные свойства и характеристики, вытекающие из рассуждений о любви. Любовь соотносится в

^Коменский Я. Великая дидактика // Хрестоматия по истории зарубежной педагогики.- М., 1971.- С. 97.

^Гербарт Ф.Г. Общая педагогика, выведенная из целей воспитания // Там же.- С. 379.

^Коменский Я. Цит. соч.- С. 97.

мысли с другими явлениями и характеристиками человека. Став предметом познания, любовь превращается в идеальный объект мышления. В-третьих, любовь психологизируется, это связано с новоевропейским пониманием любви как определенной формы поведения и качеств новоевропейской личности. Ни Афродита, ни христианский Бог больше не ответственны за любовь, только сам человек, его характер, убеждения, темперамент, склонности, потребности.

Если попытаться понять, какие основные причины кроме названных повлияли на представления о любви, начиная с XVII века, то нужно указать две: кризис религиозных представлений (уход их на второй или третий план) и построение любовного поведения исходя из рациональных соображений. При этом необходимо различать два этапа: один, примерно до XIX века, когда еще не сложились основные буржуазные институты (буржуазная семья, государство, современная школа, медицина, право, наука, искусство, инженерия, индустриальное производство), и другой (XIX - первая половина XX века), когда эти институты в основном сложились и на историческую сцену вышла технология в разных ее вариантах (социальная, в рамках названных институтов, техническая, семиотическая).

Первый этап интересен тем, что не только формируются новые ценностные ориентиры поведения человека, новые способы решения им жизненных задач, но и продолжают воспроизводиться традиционные и сословные схемы и стереотипы жизни. В этой ситуации отдельный человек действует исходя из рациональных соображений, которые выстраиваются им чисто умственно. Но в результате в рамках традиционного общества он чаще всего терпит поражение или сталкивается с проблемами, которые не может решить.

Действительно, вспомним классическую романтическую модель любви (например, "Ромео и Джульетта" Шекспира, "Красное и черное" Стендаля или "Евгений Онегин" Пушкина). Во всех случаях, с одной стороны, страсть, одухотворение любимого (любимой), переживания и страдания, препятствия и их преодоление, но с другой - трагический конец и обрыв. Романтическая любовь, как правило, заканчивается трагедией и совершенно не вписывается в нормальную жизнь, не переходит в брак. Спрашивается: почему? Не потому ли, что влюбленные разрывают с традицией, ориентируются не на обычай или религиозные устои, а на идеи, образцы литературы (вспомним волну самоубийств, прокатившихся по Европе после выхода в свет "Страданий юного Вертера"), свой разум

и ощущение свободной личности. В подобной рациональной и индивидуалистической реальности, еще не укоренившейся в социальной жизни и ее институтах, можно любить только в простран-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

стве символическом, искусственном, не совпадающем с прозой обычной жизни. Очевидно поэтому романтическая любовь так много заимствует от куртуазной любви (или переоткрывает ее заново), а также от искусства (литературы, философии, живописи).

Другой вариант развития событий в этот период вызревания буржуазной жизни - Дон Жуан. Это модель влюбленного, и не верящего, и действующего по разуму. Естественное развитие событий в такой ситуации - погоня за наслаждениями, быстрое пресыщение (так как физическое влечение не может долго поддерживать интерес личности) и смена партнеров, чтобы в новизне обрести новое желание. Таков и Казанова. Однако только век спустя после "Дон Жуана" Мольера появляется произведение Шадерло де Лакло "Опасные связи", где данное мироощущение отливается в законченную форму.

Если мольеровский Дон Жуан действует еще, так сказать, простодушно, не рефлексируя особенно в отношении своих поступков и ощущений, то донжуаны де Лакло (маркиза де Мертей и виконт де Вальмон) изощрены в своей "профессии" и опираются на целую философию. Основные ее положения следующие.

- Цель любви - наслаждение и только наслаждение, а также победа в любовном поединке. Форма - состояние обновления и смена партнеров.

"Будем же откровенны,- пишет виконт де Вальмон маркизе де Мертей,- в наших связях, столь же холодных, сколь и мимолетных, то, что мы именуем счастьем,- всего лишь удовольствие"^. В одном из ответных писем де Мертей рассказывает о формировании своих взглядов на жизнь: "Именно там я убедилась, что любовь, которую расхваливают как источник наслаждения, самое большее - лишь повод для них"^. И в другом: "Неужели вы еще не уразумели, что наслаждения, действительно являющегося единственным толчком для соединения двух полов, все же не достаточно для того, чтобы между ними возникла связь, и что если ему предшествует сближающее их желание, то после него наступает отталкивающее их друг от друга пресыщение?"^.

^Лакло Ш. де. Опасные связи.- М., 1992.- С. 19.

^Там же.-С. 157.

^Там же.-С. 279. Характерна, однако, следующая фраза: "Таков закон природы, и нарушать его властна только любовь".

- Любовь должна быть свободна от морали и нравственных переживаний. В этой сфере скорее действуют противоположные принципы: грех и распутство - отличное горючее для любовного огня.

Объясняя мотивы своих действий в письме к маркизе де Мертей, Вальмон пишет: "Эта женщина станет моей, я отниму ее у мужа, он только оскверняет ее, я дерзнул бы отнять ее у самого бога, которого она так возлюбила. Какое наслаждение то вызывать в ней угрызения совести, то побеждать их. Я не помышляю о том, чтобы сокрушить смущающие ее предрассудки! Они только увеличат мое счастье и мою славу. Пусть она верит в добродетель, но пусть пожертвует ею ради меня. Пусть грех ужасает ее, будучи не в силах сдержать, и пусть, все время, находясь во власти страха, она забывает, преодолевает его только в моих объятьях"^. А вот одна фраза из письма маркизы де Мертей, рассказывающей Вальмону о своем становлении как женщины: "Но добрый священник объявил мой грех столь великим, что я сообразила, как же велико должно быть наслаждение, и желание знать, что оно такое, сменилось жаждой вкусить его"^.

•Рефлексия и самонаблюдение являются необходимыми условиями и любви, и наслаждения. Они помогают сделать любовный поединок и наслаждение острыми и контролируемыми. Собственно говоря, вся книга "Опасные связи" представляет собой удачно найденную автором форму (письма героев) рефлексии и самонаблюдения любовных событий и переживаний, что не в последнюю очередь способствовало популярности этого романа в письмах и у его современников, и в наше время.

- Любовь предполагает настоящее искусство (искусство обольщения), включающее игру и лицемерие, возведенные в норму и образ жизни.

Рассказывая о себе, маркиза де Мертей пишет:
Я была еще очень молода и почти не привлекала к себе внимания, мне принадлежали только мои мысли, и меня возмущало, что можно уловить их, овладеть ими вопреки моей воле. Получив в руки это первое оружие, я стала его испытывать... С этого времени мой истинный образ мыслей стал лишь моим личным достоянием, людям же я показывала лишь то, что мне было выгодно... Я искала даже у самых суровых моралистов, что они от нас требуют, и, таким образом, достоверно узнала, что можно делать, что следует думать, какой надо казаться... мне хотелось не испытывать чувст-

^Лакло Ш. де. Цит. соч.- С. 19.

^Там же.- С. 157.

во любви, а внушать его и изображать. Напрасно твердили мне,- и я читала об этом,- что чувство это нельзя подделать. Я отлично видела, что для этого нужно сочетать ум писателя с талантом комедианта^.

Как мы видим, философия и искусство обольщения достаточно целостны и последовательны. И понятно, что они произросли на

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

почве кризиса религии и отсутствия путеводных ценностных ориентиров в открывшихся просторах свободы. Человек Нового времени не только реабилитировал любовное наслаждение, но и все больше подпадал под его магическое воздействие.

В этот период становления буржуазного общества можно говорить о еще одном направлении, где нащупывалась связь романтической любви и брака. Это, с одной стороны, как мы выше отмечали, американская модель любви, с другой - европейская. Формирование последней можно рассмотреть на примере интересной книги американского философа и писателя Ральфа У. Эмерсона "Любовь" (кстати, в этой книге мы можем найти все три особенности новоевропейского понимания любви - воплощение индивидуального опыта любви, размышление о любви, психологические аспекты).

Читая ее, нетрудно увидеть априорные пристрастия Эмерсона, проистекающие из его собственного понимания жизни и личного опыта любви. Для Эмерсона любовь - это прекрасное, возвышенное чувство, преображающее юное человеческое существо; любовь органически связана с браком, который соединяет личность с человечеством^. Описывая эволюцию взаимоотношений юных возлюбленных, Эмерсон пишет: "От обмена взглядами они приходят к обмену любезностями, к ухаживанию, потом к пламенной страсти, клятвам верности и, наконец, к супружеству. Совершеннейшее единство являет собой человек в минуты страсти. Душа проницает плоть, а плоть душу"^.

^Лакло Ш. де. Цит. соч.- С. 156, 158.

^В романе "Анна Каренина" Л.Н. Толстой устами Левина заявляет, что правильная любовь всегда подчинена семье и браку. "Любовь к женщине,- размышляет Левин после неудачного сватовства к Кити,- он не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для Левина это было главным делом, от которого зависело все его счастье" (Толстой Л.Н. Анна Каренина // Собр. соч. В 12 т.- М., 1981- С. 109).

^Эмерсон Р.У. Любовь // Мир и Эрос - М., 1991.- С. 188.

Хотя юношеская любовь проходит ("как и всех людей, возлюбленных ждут тяжелые испытания, горе и боль"), возвышенная душа "облачается в доспехи, чтобы посвятить себя служению целям великим и беспредельным". "Проходит время, - пишет Эмерсон,- и становится ясно, что совместная жизнь - это бесконечная цепь самых разнообразных положений и комбинаций, во всей полноте раскрывающих обоим супругам их

возможности, их сильные и слабые стороны. Ведь смысл и назначение такого союза - олицетворять друг для друга человечество"^. Здесь мы видим как наблюдения над жизнью, познание ее хода, так и возвышенные идеалы любви и супружества самого Эмерсона, которые он, однако, приписывает любви как таковой.

Приписывает Эмерсон любви и такое фундаментальное качество, как стремление к красоте, а также к иной, трансцендентальной реальности. А, раз приписав, извлекает отсюда (по законам мышления) массу следствий: гармонизацию впечатлений, идеализацию и возвышение и т.д.

Давайте же попытаемся постичь природу той силы, что имеет такую власть над юностью. Красота, явление которой человеку мы сейчас славим, всегда желанная, как солнце, где бы она ни сияла, всем несущая радость созерцания и преображения, сама себе довлеет. Воображение юноши никогда не рисует любимую бедной и одинокой. Подобно цветущему дереву, нежная, едва распустившаяся, упоительная прелесть создает вокруг себя целый мир... Древние называли красоту цветущей добродетелью. Можем ли мы объяснить, чем завораживает нас то или иное лицо или иной предмет? Мы умиляемся и ликуем, но нам неведом источник этого восхитительного чувства, этого изливающегося на нас света... Мы задаем этот вопрос, ибо ощущаем, что любим в любимой не то, что в ее власти, но нечто высшее. Не ее, но ее сияние. То, чего она в себе не знает и никогда не узнает. Все это сливается с той высокой философией Красоты, в которой находили усладу древние; ибо они говорили, что человеческая душа, облекшись плотью, мечется в поисках утраченного ею мира, но ослепленная блеском земного светила уже не различает ничего, кроме окружающих ее предметов, представляющих собой лишь тени реальных вещей. Поэтому божество посылает душе лучезарную юность как напоминание о небесной чистоте и благости; юноша, видя прекрасную девушку, тянется к ней и находит высшее счастье в созерцании ее лица, ее движений, ее души, ибо он приближается к тому, что лежит в основе красоты, к источнику красоты^.

^Эмерсон Р.У. Цит. соч.- С. 189.

^Там же.- С. 186-187.

Вот это тесное переплетение личного опыта жизни и любви, идеалов и устремлений, рассуждений о любви, наконец, оценок ее и даже рекомендаций характеризует новоевропейский подход к любви. Помимо общекультурного мироощущения и субкультурной ориентации в культуре Нового времени сложились еще две координаты (две степени свободы) - личность и научно-ориентированное мышление. Конечно, Платон в некотором смысле тоже был личностью, но, тем не менее, он выразил в "Пире" общекультурную модель любви, т.е. определенный культурный, а не только личный опыт любви. В Новое же время складывает-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ся разнообразный личный опыт любви, который декларируется и описывается. В определенном смысле новоевропейская личность соизмерима со всей культурой, в форме знания и осознания она ассимилирует культуру, ее историю, включая разнообразный опыт и образцы любовного поведения. Как соизмеримая и частично независимая от культуры, новоевропейская личность воспроизвела и развила, доведя до предела, все бывшие в истории культуры модели любовного поведения. Но, естественно, переосмыслив их на свой лад, на другой культурной почве. И не только развила разные модели любви, но и скрестила их между собой. Так, из скрещивания любви-страсти, платонической и куртуазной любви и переосмысления их возникла модель романтической любви.

Можно ли говорить о целостном диспозитиве любви Нового времени? Очевидно, нет. Но имеет смысл считать, что общим для разных моделей любви Нового времени являются рациональные дискурсы, и дискурсы искусства, индивидуальный опыт любовного поведения, тесная связь с браком и другими буржуазными институтами (прежде всего с правом, государством, образованием).

ФОРМИРОВАНИЕ СЕКСА

Мишель Фуко относит этот процесс к XVIII-XIX векам и связывает со становлением социальных институтов религиозной исповеди, образования, медицинского контроля и лечения, правосудия в отношении половых отклонений. Во всех этих случаях он намечает единую схему объяснения, которую я попытаюсь отредактировать и изложить.

Первый шаг - появление в рамках определенного социального института (церкви, школы, медицинского учреждения, су-

да) задачи отслеживать отклонения от нормального поведения своих клиентов и подопечных с целью возвращения их в лоно нормы (возвращение к Богу, выздоровление, исправление и наказание). При этом, естественно, подразумевалось, что существует норма и отклонение от нее (патология поведения). На самом же деле граница между нормой и патологией проводилась как раз в рамках социального института.

Почему считалось, что патологии нужно отслеживать и минимизировать? Ведь многие века до этого никто не обращал внимания, скажем, на сексуальные грешки верующих, сомнительные забавы детей (например, мастурбацию или ранние половые связи), многие половые извращения (за них не судили), женскую истерию на почве беременности или ревности (ее не лечили). А потому, что начиная с XVIII века под влиянием науки и вменения социальным институтам заботы о будущем (о душевном со-

стоянии человека, представшего перед Богом, о здоровье населения, здоровье взрослого, который вырастет из ребенка, об исправлении правонарушителя) стали прогнозировать многочисленные негативные последствия девиантного (отклоняющегося) сексуального поведения. Например, в медицинской науке считалось, что мастурбация ведет к слабоумию и к будущей половой импотенции (правда, позже выяснилось, что это не так). Теологи уверяли, что если верующий не признается на исповеди во всех своих сексуальных желаниях и прегрешениях, то его душа погибнет и попадет в ад. В юриспруденции победили взгляды, что гомосексуализм, совращение малолетних, жизнь с трупами или зоофилия и тому подобные формы сексуального поведения представляют собой нарушение закона (который тут же и формулировался), поскольку вредно влияют на все общество в целом, подрывая его основы.

Второй шаг - развитие под воздействием этих идей различных практик контроля и подавления (лечения, исправления). В школах насаждается институт тьюторов, надзирателей, классных дам, которым предписано следить и наказывать. В медицинских учреждениях разрабатываются техники обследования, контроля и лечения. В пенитенциарных учреждениях сочиняются многочисленные правила и запрещения, за строгим исполнением которых следят надзиратели и т.д. Причем содержанием всех этих практик являются формы поведения, относящиеся к интимной, половой стороне жизни человека, ранее не замечавшиеся, а теперь понимаемые как сексуальные нарушения.

Третий шаг - реакция индивида на воздействие новых практик контроля и подавления. Все, что с ними связано, начинает

рассматриваться со вниманием и толкуется как запретное и от того часто как притягательное. Индивид, особенно под влиянием науки (физиологии и психологии), ищет и находит причину и источник своих проблем и девиантного поведения. Это и есть секс. Под "власть" народившегося и быстро окрепшего секса постепенно переходят интимные органы и формы поведения человека: гениталии, все привлекательные и притягательные части тела, над которыми в течение трех-четырех веков основательно потрудилось искусство Нового времени (грудь, живот, ноги, шея и т.д.), кокетство, эротика и т.д. Фуко пишет:

Понятие секса позволило, во-первых, перегруппировать в соответствии с некоторым искусственным единством анатомические элементы, биологические функции поведения, ощущения и удовольствия, а во-вторых - позволило этому фиктивному единству функционировать в качестве каузального принципа, вездесущего смысла, повсюду требующей обнаружения тайны: секс, таким образом, смог функционировать как единственное означающее и как универсальное означаемое. И кроме того, подавая себя единообразно - и как анатомию и как недостаток, как функцию и как латентность, как инстинкт и как смысл,- секс смог обозначить линию контак-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

та между знанием о человеческой сексуальности и биологическими науками о воспроизведении рода, таким образом, это знание, ничего реально у этих наук не позаимствовав - за исключением разве что нескольких сомнительных аналогий и нескольких пересаженных понятий, - получило благодаря привилегии такого соседства некую гарантию квазинаучности; но благодаря этому же соседству некоторые положения биологии и физиологии выступили в качестве принципа нормальности для человеческой сексуальности.^

Существенную роль в формировании секса сыграли формы рефлексии, сначала в искусстве, затем - в науке. Многие писатели романтизировали и поэтизировали не только возвышенные формы любви, но и простое любовное наслаждение. При этом они уловили, что наслаждение или сладострастие в любви может выделяться в самостоятельный процесс. Особенно чуток в этом отношении был Мопассан. В рассказе "Ласки" мы читаем:

Это ловушка, гнусная ловушка, скажете вы? Пускай, я это знаю, я готов попасть в нее, я этому рад. Природа научила нас ласкам, чтобы скрыть свою хитрость, чтобы заставить поневоле, без конца плодить новые поколения. Так давайте похитим у нее сладострастие, присвоим его, преобразим, сделаем утонченным, идеальным, если хотите! Обманем в свою очередь эту обманщицу Природу! Сделаем больше, чем она хотела, больше того, чему она могла или осмелилась нас научить. Сладострастие - словно необработанный драгоценный камень, добытый в недрах земли:

^Фуко М. Воля к истине.- М., 1996.- С. 262.

возьмем его и станем шлифовать, чтобы придать ему красоту, не заботясь о первоначальных намерениях, о тайной воле того, кого вы зовете богом. И так как мысль все может сделать поэтичным - опоэтизируем сладострастие, сударыня, даже самые грубые его проявления, самые некрасивые его формы, самые чудовищные его выдумки!

Будем любить сладострастие, как пьянящее вино, как зрелый плод, благоухающий во рту, как все, что переполняет нас счастьем. Будем любить тело, потому что оно красиво, бело и упруго, округло и нежно, сладостно для губ и для рук...

О сударыня! Пусть моралисты проповедуют стыдливость, а врачи - осторожности; пусть поэты, эти обманщики, всегда обманывающие самих себя, воспевают чистое слияние душ и беспредельное счастье; пусть некрасивые женщины помнят о своем долге, а рассудительные люди - о своих бесполезных делах; пусть теоретики останутся со своими теориями, а священники - со своими заповедями,- мы же будем любить сладострастие, которое пьянит, сводит с ума, обессиливает, доводит до изнеможения и вновь воскрешает! Оно нежнее благоухания, легче ветерка, острее боли; оно стремительно, ненасытно, заставляет молиться, совершать преступления и подвиги.

Будем любить сладострастие, но не спокойное, обычное, разрешен-

ное законом, а яростное, буйное, исступленное! Будем искать его, как ищут золото и алмазы, ибо оно дороже, оно неоценимо, хотя и мимолетно. Будем гнаться за ним, умирать за него или от него!^

Заметьте, чем Мопассан кончает,- истолкованием сладострастия не как нормы, а скорее, как отклонения от нее.

Второй по значимости шаг в направлении к сексу сделали ученые, особенно Фрейд. Именно последний объявил сексуальное влечение и энергию источником и причиной не только и не столько полового влечения, сколько развития всей личности человека. При одном направлении развития либидо личность тяготеет к творчеству, при другом - к психическому заболеванию, при третьем - имеют место оговорки, юмор, сексуально окрашенные сновидения. Психоанализ с его почти детективными процедурами выявления блокированных бессознательных сексуальных влечений сделал сексуальность тайной, подлежащей раскрытию, и тем, что определяет саму личность. Поэтому уже не удивляют заявления Фуко, приписывающего сексу роль последней инстанции в человеке и одновременно тайны.

Секс, эта инстанция, господствующая, как нам представляется, над нами; эта тайна, которая кажется нам лежащей подо всем, чем мы являемся; эта точка, завораживающая нас властью, которую она проявляет, и смыс-

^Мопассан Г. Ласки. // Собр. соч.: В 12 т.- М., 1958.- Т. 10.- с. 346-347.

лом, который она утаивает; точка, у которой мы просим открыть нам, что мы такое, и освободить нас от того, что нас определяет,- секс есть, несомненно, лишь некая идеальная точка, которую сделали необходимой диспозитив сексуальности и его функционирование...

Можно было бы добавить, что "секс" выполняет и еще одну функцию, которая пронизывает первые и их поддерживает. Роль на этот раз более практическая, чем теоретическая. В самом деле: именно через секс - эту воображаемую точку, закрепленную диспозитивом сексуальности,- и должен пройти каждый, дабы получить доступ к своей собственной интеллигибельности (поскольку он, этот секс, является одновременно и потаенным элементом, и первоначалом, производящим смысл), к целостности своего тела (поскольку он является реальной и угрожаемой частью этого тела и символически конституирует его как целое), к своей идентичности (поскольку к силе импульса секс присоединяет единичность некой истории). И вот в результате переворачивания, которое подспудно, без сомнения, началось отнюдь не вчера, но уже в эпоху христианского пастырства плоти, мы сегодня дошли до того, что стали испрашивать нашу интеллигибельность у того, что на протяжении стольких веков считалось безумием, полноту нашего тела-у того, что долгое время было его клеймом и как бы раной, свою идентичность - у того, что воспринималось как темный напор без имени. Отсюда то значение, которое мы ему

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

придаем, тот благоговейный трепет, которым мы его окружаем, то усердие, которое мы вкладываем в его познание. Отсюда же тот факт, что он стал в перспективе столетий чем-то более важным, нежели наша душа, разве что не более важным, чем наша жизнь; и отсюда же - что все загадки мира кажутся нам такими легковесными в сопоставлении с этой тайной, в каждом из нас - мелкой, плотность которой, однако, делает ее более весомой, чем что бы то ни было другое...

Создав такой воображаемый элемент, каковым является "секс", диспозитив сексуальности породил один из главнейших принципов своего функционирования: желание секса - желание его иметь, желание получить к нему доступ, его открывать, его освобождать, артикулировать его в дискурсе, формулировать его в виде истины. Самый "секс" он конституировал как нечто желаемое. И именно эта желаемость секса и связывает каждого из нас с предписанием его познавать, раскрывать его закон...

Пусть как особая историческая фигура опыт сексуальности и отличается от христианского опыта "плоти", все же, кажется, оба они подчинены принципу: "человек желающий". Во всяком случае, трудно было анализировать образование и развитие опыта сексуальности начиная с XVIII века, не проделывая по отношению к желанию и желающему субъекту исторической и критической работы... чтобы понять, как современный индивид мог получать опыт самого себя как субъекта "сексуальности", необходимо было выявить сначала, каким образом западный человек в течение веков приводился к тому, чтобы признавать себя как субъект желания^.

^Фуко М. Цит. соч.- С. 265, 273-274.

Здесь, с нашей точки зрения, Фуко точно указывает на первоначальный исток сексуальности - свободу человека в отношении своих желаний. Вспомним "Речь о достоинстве человека" Пико делла Мирандолы: "О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!" Второй по значимости момент (на него Фуко тоже обращает внимание, но меньше) - рациональные формы осмысления, трактовка человека в естественно-научной онтологии, приписывание природе человека конечных причин, объединяющих все его желания и поведение.

Итак, диспозитив сексуальности сформирован по Фуко репрессивными дискурсами и практиками, особыми техниками власти, характерными для современных социальных институтов^. Получается, что секс в отличие от любви всегда запретен и патологичен. Вряд ли. Помимо той линии формирования, которую гениально проанализировал М. Фуко, можно указать две области факторов, определивших становление секса.

Первая область - действие СМИ, рекламы, дизайна, искусства, пропагандирующих секс, обнаженное тело, сексуализированные формы жизни и общения. За всем этим стоят вполне

практичные интересы (т.е. опять-таки особые практики): заставить купить, приобрести предметы и атрибуты, необходимые и для секса и для любви, повлиять на стандарты поведения, расширить зону удовольствий и наслаждений, повысить интерес к интимной жизни и т.п. Известно, что действие и влияние индустрии секса и любви в нашей культуре значительны и постоянно расширяются.

Особенно велика здесь была (и есть) роль таких видов искусства, как кино и телевидение, а также рекламы. Кинооператоры и сценаристы, подхватив достижения живописи в культивировании и разработке тела, сделали в этом направлении очередной

^"Механизм власти, преследующий все эти отклонения, собирается элиминировать их путем придания им статуса объекта анализа, постоянно присутствующего и доступного наблюдению; власть погружает отклонения в тела их носителей, пронизывает ими все их поведение, превращает отклонения в принцип классификации и осмысления, конституирует их как основание бытия и естественный порядок беспорядка... В отличие от запретов старых времен эта форма власти для своего осуществления требует постоянного присутствия извращений" (Фуко М. История сексуальности // Жизнь и власть в работах Мишеля Фуко.- М.: ИНИОН РАН, 1997.- С. 61).

прорыв. Техники "наплыва", "крупного плана", "перебивки планов", сама возможность изобразить "движение тела" позволили наделить интересом и сексуальной энергией буквально каждый значимый элемент тела, многие до того вполне невинные его движения. Когда же кинематограф стал изображать соитие и шагнул в область порнографии, последние преграды пали и зритель оказался в реальности, которую кроме как сексуальной и действительно патологической не назовешь. Если для Н. Бердяева именно лицо любимой (любимого) символизирует любовь, то для известного режиссера и кинооператора Тинто Брасса, одного из создателей "Калигулы", секс символизирует "женская попка". Вот выдержка из его интервью в газете "Сегодня".

- Как вы выбираете актрис на главные роли?
- Я исхожу из попок. Это мистический, волшебный процесс, и я стараюсь поддержать высокую культуру женской попки. Лицо может выражать целую гамму чувств, попка может быть или веселой, или грустной.
- Как относится к вашему творчеству мировая кинокритика?
- С большим подозрением. Это в лучшем случае. Ну как объяснить им, что эротика - наиболее доходчивое художественное средство кино? Культура испачкала и омертвила секс. Кто изобрел сексуальные табу: природа или культура? Чем культурнее человек, тем труднее ему выражаться в сексе. За ним тащится чудовищный хвост запретов и предрассудков, которые наслаивались веками. Зрители любят мои фильмы, а "интеллектуалы" воротят от них нос. Они не считают секс достаточно интеллектуальной темой...

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Фильм "Так поступают все женщины" основан на письмах женщин в журналы и газеты. Эти синьоры очень любят своих мужей и являются примерными матерями, но если им предоставляется случай прилечь с кем-то еще, они не видят здесь большой беды. Девственность давно перестала быть ценностью, но ведь и верность - свойство, противоречащее природе.

Но даже Тинто Брасс далек от настоящего "поэта секса"- современного американского писателя Генри Миллера. Рискнем процитировать из его знаменитого романа только одно не самое сильное, но весьма характерное место, где герой рассказывает о проститутке Жермен.

Через пять минут мы уже были на улице Амено в пятифранковой комнатушке со спущенными шторами и отвернутым одеялом. Жермен не торопилась. Она сидела на биде, подмываясь мылом, и болтала со мной на разные приятные темы. Ей очень нравились мои штаны для гольфа. "Очень шикарно",- говорила она. Когда-то штаны были действительно шикарными, но износились сзади до дыр; к счастью, фалды пиджака прикрывали мой зад. Жермен встала, чтобы вытереться, все еще болтала, но внезапно сбросила полотенце и, подойдя ко мне, начала ласково гладить меня меж-

ду ног обеими руками, точно это была драгоценная парча, которой она нежно касалась. Было что-то незабываемое в ее красноречивых движениях, когда она приблизила свой розовый куст к моему носу. Она говорила о нем, как о чем-то прекрасном и постороннем, о чем-то, что она приобрела за большую цену, что возросло потом в цене много раз и что сейчас для нее дороже всего на свете. Эти слова придавали ее действиям особый аромат, и казалось, это уже не просто то, что есть у всех женщин, а какое-то сокровище, созданное волшебным образом и данное Богом - и ничуть не обесцененное тем, что она продавала его каждый день много раз за несколько серебренников... Она мне так понравилась, что после обеда мы опять пошли в ту же гостиницу и попробовали еще раз. Теперь уже - "по любви". И опять этот большой пушистый куст произвел на меня магическое впечатление. Для меня он тоже стал вдруг чем-то самостоятельным. Тут была Жермен, и тут был ее розовый куст. Мне они нравились по отдельности. И мне они нравились вместе.^

Конечно, сторонники возвышенной любви могут возмутиться: "Разве можно воспевать и поэтизировать даже не лоно женщины, а ее гениталии". В ответ на это адепты секса, вероятно, возразили бы следующее: "Вовсе не гениталии, а Это, и почему вам можно на все лады воспевать женское лицо, тайно получая наслаждение от Этого, а нам честно нельзя рассказать о своих переживаниях и кумирах".

Вторая область факторов, определяющих формирование секса, уже нормального, там, где он рассматривается, с одной стороны, как источник удовольствий и наслаждений, с другой - как условие психического здоровья и телесной гигиены.

Это направление сексуальности поддерживается как СМИ, так и специальными практиками (психологические группы и тренинги, участники которых делятся своим сексуальным опытом и неудачами, консультации психологов и сексологов, образовательные курсы полового воспитания и пр.). Цель подобных практик - нормальное развитие сексуальных желаний, правильное использование секса в семье и во взаимоотношениях, смягчение коллизий и конфликтов, складывающихся в интимной жизни, и т.п.

Если учитывать эти две области, то в целом можно говорить об амбивалентной природе современного секса. С одной стороны, секс воспринимается как тайна, патология и интимная сущность человека, с другой - как обычная техника ("технология любви"), норма и всего лишь как один из планов жизни челове-

^Миллер Г. Тропик Рака.- СПб., 1992.- С. 44-46.

ка, где он может получать удовольствие и поддерживать свое физическое и психическое здоровье.

Любовь и секс не только противоположны (первая ориентирована на сложные формы жизни - духовные, нравственные, на общение и родственность, включая, естественно, и интимные отношения, второй - только на наслаждение), но и связаны друг с другом. Секс постоянно "крадет" у любви, использует ее ауру, эксплуатирует ее разнообразные жизненные формы. Любовь пользуется более скромными плодами: заимствует, и то в своих пределах, технологию секса и связанные с сексуальностью внешние формы.

Поэтому, вероятно, имеет смысл различать сексуальность в узком смысле, т.е. как технику (технологию любви), и в широком, как самостоятельную форму поведения (самостоятельный диспозитив). Имеет также смысл обсудить отношения, складывающиеся между, условно говоря, духовным планом любви, технологией любви (т.е. сексуальностью в узком смысле) и половым влечением.

ПСИХИКА И ТЕЛЕСНОСТЬ

Материал предыдущих глав со всей убедительностью свидетельствует - главное, ведущее начало в любви вовсе не половое влечение, не либидо, а любовное поведение, идея, концепция любви. Они могут как соединяться с телесностью, так и отсоединяться от нее. Можно даже высказать более сильное предположение: именно любовное поведение, идея, концепция любви, про-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ецируясь на избранную телесность, формируют, лепят ее.

Что такое телесность в отличие от тела? Говоря о теле, мы имеем в виду или естественно-научный взгляд (тело как биологический и физиологический организм), или эстетический, или, наконец, практический (обыденное понимание тела). В психологии рассматривается не само тело, а определенные изменения сознания, связанного с телом, например нарушение схемы, границ или ощущений тела.

Категория телесности стала вводиться в психологию, с одной стороны, под влиянием культурологии и семиотики, где обнаружили, что в разных культурах тело понимается и ощущается по-разному, с другой стороны, в результате нового понимания понятий "болезнь", "боль", "организм" и др. (оказалось, что это не столько естественные состояния тела, сколько присваиваемые (формируемые) и переживаемые человеком культурные и ментальные концепции). Все эти исследования заставляют развести понятия тела и телесности, связав с последней психические процессы, понимаемые в культурно-семиотическом и психо-

техническом залоге. Телесность - это новообразование, вызванное новой формой поведения, то, без чего это поведение не могло бы состояться, это реализация определенной культурной и семиотической схемы (концепта), наконец, это именно телесность, т.е. модус тела. Чтобы сделать понятным данное утверждение, рассмотрим одну иллюстрацию - формирование в рамках романтической концепции любви поцелуя.

Сначала заметим, что с обычной точки зрения поцелуй - это реализация желания, мотива. Однако с культурологической точки зрения поцелуй представляет собой загадку, он формируется только в некоторых культурах, имеет в разных обществах и эпохах разные социальное и личностное значения, при этом совершенно не ясна его функция и роль. Сказать, что влюбленные начинают целоваться, потому что возникает естественное желание, - не сказать ничего. Спрашивается, откуда взялось это желание, зачем оно?

Естественно предположить, что роль поцелуя нужно искать во взаимоотношении полов и в контексте любви. При этом можно обнаружить одну интересную особенность: историческое и культурное развитие человека вело к образованию особого механизма взаимодействия людей разного пола. Устанавливались запреты на обнаженное тело, правила бракосочетания, общения, разные модели воспитания для женщины и мужчины и т.д. Одна из особенностей этого взаимодействия - дистанцирование, различие полов, придание противоположному полу качества закрытости (иногда тайны)^. Другая - культивирование у существа другого пола притягательности

(например, красота и обаяние у женщины, сила, ум и мужественность у мужчины и т.п.).

Но параллельно формировался другой культурный механизм: сближение полов, преодоление дистанции, разделяющей влюбленных, стремление к соединению и слиянию двух существ противоположного пола. Как же снимается, особенно на первых этапах любви, дистанция, разделяющая мужчину и женщину, просто двух людей, как делаются первые шаги к сближению при условии воспитанной закрытости, тайны и своеобразной "запретности" существа противоположного пола? Известно как: сначала

^Вспомним культ прекрасной дамы, сближение в эпоху Возрождения женщины с ангелом и мадонной, романтический культ женщины в Новое время.

общение на расстоянии, возникновение симпатии, взгляды, руки, наконец, поцелуй.

Но почему поцелуй? Ведь рот, губы, язык - органы питания и речи. Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание на то, что поцелуй не является естественным атрибутом тела или поведения человека. Это явно культурное изобретение, не менее гениальное в своей области, чем, скажем, изобретение колеса или книги^. Далее, поцелую нужно научиться, и здесь есть свои учителя, правда, не в виде школьного дидакта, а в виде изустной или письменной культуры (рассказы о любви, книги, картины и т.д.), а также наблюдений за другими людьми. Но чему, спрашивается, мы здесь учимся? Не только "технике поцелуя", кстати, отличной от техники питания и речи.

Осваивая поцелуй, влюбленный прежде всего строит новые взаимоотношения: преодолевает свой страх, вызванный запретом и тайной существа другого пола, учится делать первые шаги по сближению и слиянию с ним, давать и отдавать, разрешать и запрещать, пропускать в себя или нет, если пропускать, то до какого предела, вести любовную игру (уступать и отступать, разрешать и запрещать, мучить и неожиданно одаривать и т.д.). Но почему все-таки поцелуй? А потому что все остальное пока еще запрещено, находится в недоступной зоне. Потому что рот - не только орган питания, он несет важную символическую нагрузку: это граница между внешним и внутренним (между нашим Я и миром; недаром дети проходят период, когда все познают ртом, все в него тащат). Целуя, человек как бы вводит другого внутрь себя, позволяет ему слиться с собой. Потому также, что рот (язык) - орган речи и общения, а в поцелуе человек учится "говорить" без слов, одними движениями губ, лица, языка. Наконец, возможно, рот, губы, язык еще "помнят" самый первый опыт соединения и слияния двух самых близких людей, а именно - матери и ребенка.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Продумаем теперь рассмотренный здесь материал. Единицей анализа в данном случае является формирование и развитие. Складывается новая психическая структура (процесс), а имен-

^Описывая ритуал ухаживания на Триобриандских островах (Новая Гвинея), Лев-Старович пишет: "Поцелуи неизвестны им, они трутся носами. Постепенно температура чувства накаляется, растет возбуждение, они сосут друг другу губы до крови, резко гладят волосы, травмы часто являются сексуальным стимулом, например отгрызание ресниц" (Секс в культурах мира.- М., 1991.- С. 123).

но - желание и его удовлетворение, и новый орган - собственно поцелуй. Если исключить из рассмотрения открытие поцелуя как формы телесности и встать на традиционно психологические рельсы, то объяснить возникновение новой психической структуры будет совершенно невозможно. Дело в том, что поцелуй как желание, т.е. мотив, не может развиться из пищевой и речевой функций. Появление поцелуя было обусловлено по меньшей мере четырьмя обстоятельствами: социокультурной ситуацией (культурно-историческое разделение полов, механизмы дистанцирования и преодоления дистанции и т.д.); наличием в культуре определенных концепций и образцов (концепция романтической любви, изустные, письменные и визуальные примеры любви и т.п.); психотехнической работой (освоение техники поцелуя, овладение новыми взаимоотношениями); наконец, открытием новой единицы телесности (формы, органа). Важно подчеркнуть, что отсутствие любого из перечисленных четырех обстоятельств сделали бы невозможным формирование новой психической структуры.

Здесь, естественно, может возникнуть подозрение: можно ли так обобщать? Не эксплуатирует ли автор всего один тощий пример? Действительно, если, предположим, желание поцелуя вряд ли могло бы состояться без открытия поцелуя как "гештальта телесности", то можно ли то же самое утверждать относительно, например, мышления или памяти? А почему нет?

Вспомним выражения, которыми мы стимулируем себя или других для мышления или воспоминания. Мы говорим: сосредоточься, напряги память, размышляй, ищи, рассуждай, покопайся в своей памяти, активно думай, запоминай и т.д. Не выдают ли подобные выражения именно телесной работы, действия единиц телесности, не требуют ли мышление и память (запоминание и воспоминание) пространственных перемещений (имитируемых образно, а часто и реально на бумаге), а также реальных телесных действий (энергетического напряжения, "отодвигания" в сторону мешающих мыслей, образов и переживаний, телесных переживаний)? Мы привыкли к тому, что мысль и воспоминание осуществляются внутри нас, так ска-

зать, таинственно рождаются из нашего сокровенного Я. Не иллюзия ли это? Напротив, интересные реконструкции мышления и памяти все время обнаруживают, что новая мысль или, скажем, новое запоминание не состоялись бы без открытия форм телесности. В одном случае для запоминания нужно было в определенном порядке расставить слова, в другом связать их с

образами, в одном случае для открытия нового научного положения нужно было расщеплять исходную задачу на подзадачи, увязать в непротиворечивую конструкцию все аргументы и доказательства, в другом - имитировать различные природные явления с помощью технических конструкций. И во всех случаях работа мышления и памяти требует сосредоточения, энергетического усилия, изоляции от других, мешающих желаний и процессов, определенной динамики тела (иногда нужно сидеть, иногда встать и походить, иногда временно сменить образ действий, переключиться на другую работу и т.п.). Конечно, все эти аргументы лишь намек, обещание более строгого анализа, в частности необходимости соответствующей культурно-исторической и онтогенетической реконструкции мышления и памяти.

Возвращаясь к сделанным обобщениям, заметим еще, что если наша гипотеза верна, то в отличие от тела, которое лишь растет и затем стареет, телесность претерпевает самые необычные изменения. Органы телесности могут в течение жизни рождаться и отмирать (в соответствии со сменой и жизнью психических структур и функций), пространственно они могут накладываться друг на друга и проникать друг в друга (например, рот как телесная основа для поцелуя, речи, питания и как элемент эстетического образа лица). У человека могут складываться (рождаться, жить и отмирать) и более крупные образования телесности - тела, например "тело любви", "тело мышления", "тело общения", "эмоциональное тело", "тело летчика", "тело композитора", "тело каратиста", "тело танцора" и т.д. В этом смысле уже не кажутся неправдоподобными и такие выражения, как "ментальное тело", "эфирное тело", "астральное тело". Вероятно, и духовная, эзотерическая практика предполагает открытие соответствующих "тел", включающее изобретение, реализацию эзотерической идеи, концепции, а также психотехническую работу, направленную на выращивание соответствующих тел.

Что же следует из всего сказанного в отношении любви и сексуальности? Прежде всего то, что любовное поведение и сексуальность (как технология, как форма телесности) - две стороны одной монеты. Формирование в культуре новых форм любовного поведения невозможно без выращивания и открытия новых форм сексуальности. Рассмотрим теперь внимательнее структуру сексуальности именно как форму телесности.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Первое, и это естественно бросается в глаза каждому,- в сек-

суальность делает вклад половое влечение. Более того, Фрейд утверждал, что сексуальность целиком основана на половом влечении (энергии либидо). С этим, однако, трудно согласиться. Да, естественной, природной, т.е. биологической основой сексуальности является половое влечение, но культурной - не только оно. Например, Платон указал на работу глаза (созерцающего прекрасное тело, прекрасное вообще), работу воображения, мысли, на воспитание и общение (все это позволяет человеку стать совершенным). Куртуазная любовь связала сексуальность с любованием лицом любимой, со страданием, томлением, ожиданием, бурным воображением. Христианская любовь ввела в сексуальность греховность и запрет. Романтическая - идеализацию.

Здесь можно еще раз вернуться к вопросу: а может ли существовать любовное поведение, вовсе оторванное от полового влечения? Безусловно, и культура все время демонстрирует нам этот феномен. Всего два примера: любовная культура арапешей и любовь-жалость русской женщины, о которой писал Георгий Гачев. Так как будущие жены арапешей воспитываются в семье мужа, в частности и самим мужем, судя по всему, они впоследствии практически не имеют полового влечения к своему супругу. Вспомним наблюдения М. Мид: "женщины арапешей не получают в половом общении даже простой релаксации и описывали свои ощущения после полового акта как некую неопределенную теплоту и чувство облегчения". Естественно, по другим причинам любят своих мужей, но не испытывают к ним полового влечения некоторые русские (да и не только русские) женщины. Наблюдения показывают, что любовное поведение, не основанное на половом влечении, имеет другую структуру. Оно менее процессуально, не содержит резких кульминаций и спадов, а главное, питается совсем из других источников (и энергетически и психически).

Но и половое влечение не обязательно реализуется в рамках любовного поведения. Когда оно только созревает, то не реализуется нигде; отсюда беспокойство подростка, обнаружившего в себе непонятные силы и напряжения. Далее половое влечение может быть реализовано не в любовном поведении, а в других типах поведения, одни из которых просто снимают напряжение и дают разрядку, а другие несут и удовлетворение (наслаждение). Речь идет, например, о мастурбации или о сексе в том случае, когда партнеры не вкладывают в соитие и не извлекают из "любви" никаких чувств, кроме

телесных наслаждений^. В принципе, половое влечение может быть реализовано в любом поведении, даже таком, как садизм или убийство.

Особый случай эксплуатации полового влечения вне контекста обычного любовного поведения мы имеем в эзотерических практиках, например в даосизме^.

По даосизму сексуальное сближение укрепляет ян и инь обоих полов. В этот момент мужчина собирает из уст и грудей женщины выделяемую ею энергию инь. Во время оргазма поток энергии протекает из глубины тела женщины к половому органу мужчины, а из тела мужчины во влагалище женщины, результатом оргазма является полный обмен энергией между любовниками, а инь и ян становятся едиными, объединяются. Это соединение обеспечивает жизнеспособность и долговечность... Сексуальная жизнь является необходимым элементом медитации... К познанию дао приходят путем сосредоточенного размышления о своем внутреннем духовном мире. Целью медитации является соединение внутреннего и внешнего. Человек преодолевает границу между ними и становится бессмертным... Потребность в сборе (в процессе медитации) как можно большего количества энергии инь и ян приводит к тому, что тот, кто желает быть совершенным, стремится вызвать и продлить оргазм как можно у большего числа партнеров, стараясь одновременно сохранить собственную энергию, т.е. сдержать свой оргазм^.

Если бы дело происходило на европейской почве, то в даосистской любви мы могли бы усмотреть аналогии и с платонической любовью^, и с любовью-наслаждением, и с сексом, а в целом

^Вспомним тонкое замечание К. Льюиса: <Как неудачна фраза: "Ему нужна женщина". Строго говоря, именно женщина "ему" не нужна. Ему нужно удовольствие, мало возможное без женщины. О том, как он ее ценит, можно судить по его поведению через пять минут. Влюбленному же нужна даже не женщина вообще, а именно эта женщина. Ему нужна его возлюбленная, а не наслаждение, которое она может дать. Никто не прикидывает в уме, что объятия любимой женщины приятнее всех прочих... Я знаю только одного человека, совершавшего такой подсчет,- Лукреция, и влюблен он при этом не был. А ответил он так: влюбленность мешает наслаждению, чувства отвлекают, трудно со знанием дела смаковать удовольствие (поэт он хороший, но, Господи, что же эти римляне были за люди!)> (Льюис К. Любовь // Мир и Эрос.- М., 1991.- С. 209).

^Даосизм - эзотерическое и религиозное учение в Китае. Следуя "дао" (буквально - пути), мудрец постигает сущее. Отказываясь от целеполагающей активности, он достигает единства с природой и совершенства.

^Лев-Старович З. Цит. соч.- С. 152.

^Например, позиция "осенние дни" (мужчина полулежит, а женщина сидит на нем) облегчает медитацию, в этой позиции партнеры не смотрят друг на Друга, они погружены в мистическое созерцание (Лев-Старович З. Цит. соч.- С. 154).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

189

мы здесь имеем дело с использованием полового влечения для эзотерических целей.

Но вернемся к нашей теме. Все-таки чаще в здоровом обществе и культуре половое влечение, как правило, реализуется именно в любовном поведении.

Но здесь мы должны вспомнить, во-первых, что любовное поведение может быть весьма различным, во-вторых, что любовное поведение и половое влечение весьма несходны. Половое влечение есть биологический периодический процесс, имеющий свое начало и конец, сопровождающийся концентрацией энергии и ее разрядкой, а также рядом более или менее приятных ощущений. Любовное же поведение в той или иной степени затрагивает человека целиком, предполагает моменты общения, воображения, мышления: оно связано с кристаллизацией довольно сложных желаний - видеть, общаться, любить, находиться вместе, жить с любимым (любимой) и т.п. В общем виде можно говорить, что любовное поведение не процессуально, точнее, содержит в себе много разных процессов; это именно поведение, жизнедеятельность, реализация разных по природе психических структур. Как же половое влечение становится телесностью для любовного поведения? И не прав ли здесь Фрейд, утверждавший, что половое влечение, как только оно удовлетворено, по сути расстается с любовным поведением, как бы отрицает, гасит его?

Наблюдение Фрейда верное, особенно если речь идет о сексе, но он сам отмечал, что в культуре есть механизм, постоянно "подающий кислород для любовного огня". Таким механизмом, как мы уже говорили, является дистанцирование (различие) полов: чтобы осуществлять совместную деятельность, а также реализовать другие культурные нормы и правила (некоторые из них мы уже рассмотрели на примере архаической, античной и средневековой культуры), люди разных полов получают разное воспитание (мужское и женское), тело скрывается одеждой, устанавливаются различные запреты и табу (брачные, моральные, а также в сфере общения и поведения). В рамках этого механизма складываются чувство стыда, стремление оградить свою личную территорию, защитить от посторонних взглядов свой внутренний мир и определенные части тела. Именно дистанцирование полов определяет необходимость противоположного культурного поведения - преодоление дистанции, осуществление шагов, ведущих к интимной близости или образованию семьи; любовное поведение возникает, собственно, из решения этой задачи.

190

Чем более сложные препятствия приходится преодолевать

влюбленному, тем больше любовных событий он при этом переживает, тем сильнее его желание. В любви, особенно возвышенной, 99,9% держится на тайне, границах, дистанции, противоположности. Любовное поведение открывает человеку целый мир. Будущие влюбленные знакомятся, узнают друг друга, общаются, поверяют свои тайны и мысли, осваивают любовную игру, постепенно сокращают дистанцию, получают душевное и чувственное удовлетворение, выращивают в своей телесности новые органы любви (ласка, поцелуй, нежные чувства, соитие и т.п.) и много чего еще, у каждого свое. Этот мир любви и события, в нем происходящие, настолько захватывают культурного человека, что он стремится повторить все вновь и вновь. Но именно в этом пункте его подстерегает серьезная опасность.

Когда любовная цель достигнута и все начинает повторяться вновь и вновь, когда дистанция, противоположность (инаковость), границы и тайна исчезают, исчезают и условия для любовного поведения, а следовательно, снижается сексуальное влечение.

Легко доказать,- пишет З. Фрейд,- что психическая ценность любовной потребности понижается тотчас же, как только удовлетворение становится слишком доступным^. Чтобы увеличить возбуждение либидо, необходимо препятствие; и там, где естественные сопротивления удовлетворению оказываются недостаточными, там люди всех времен создавали условные препятствия, чтобы быть в состоянии наслаждаться любовью. Это относится как к отдельным индивидам, так и к народам. Во времена, когда удовлетворение любви не встречало затруднений, как, например, в период падения античной культуры, любовь была обесценена, жизнь пуста. Нужны были сильные "реактивные образования", чтобы создать необходимые эффективные ценности. Все это дает основание утверждать, что аскетические течения христианства дали любви психическую ценность, которой ей никогда не могла дать языческая древность. Наивысшего значения любовь достигла у аскетических монахов, вся жизнь которых была наполнена исключительно борьбой с либидинозными искушениями^.

Но дело, собственно, не в самом падении сопротивления, а, как мы сказали, в исчезновении условий для разворачивания полноценного любовного поведения, особенно в рамках романтической концепции любви, пришедшей на смену средневековым и возрожденческим идеалам любви. Романтическая концеп-

^Психотерапевт из Калифорнии Натаниэль Бренден с этим решительно не согласен, он считает, что подобное утверждение грешит "чрезвычайной слепотой или безразличием к опыту других".

^Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности.- М., 1989.- С. 72.

ция любви в современном ее варианте (и американском и европейском) не только интегрировала в себя на новой основе куртуазную, чувственную и возвышенную любовь, но и связала лю-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

бовь с браком и личными индивидуальными началами супругов. Как говорит Н. Бренден: "Любить человека - это значит любить его (или ее) личность". Однако именно личность и семья (брак) в наше время часто лишают любовное поведение условий для реализации, поскольку брак создает рутину, ведет к снижению идеальных начал, столь необходимых для возвышенной любви, а личности супругов, как правило, в семье не совпадают и поэтому супруги часто конфликтуют друг с другом.

В рамках романтической любви и христианской традиции, которые долгое время не могли состыковаться, разворачивалась и линия философского осмысления сексуальности. Основные противоречия, возникшие в таком осмыслении, зафиксировал Н. Бердяев. Бердяев прав, утверждая, что "пол есть стихия, разлитая во всем существе человека, а не дифференцированная его функция", что "любовь есть сила, преобразующая мир", что в любви нет никаких "естественных норм" (нормы всегда "сверхъестественны"), что "без мистического влечения к женственности, без влюбленности в вечную женственность мужчина ничего не сотворил бы в истории мира, не было бы мировой культуры"^. И одновременно трудно согласиться с Бердяевым, что человек (мужчина и женщина) не целостен, что он всего лишь половинка, ищущая для восстановления целостности другую свою половину, что с пола начинает "тлеть и распадаться личность человека, отыматься от вечности", что "нельзя быть личностью в сексуальном акте", что в этом акте "нет ничего индивидуального, нет ничего даже специфически человеческого"^.

Если половое влечение, владеющее человеком, рассматривать как чисто биологический процесс (введем на время такую идеализацию), то он дробен, периодичен и, реализуясь в половом акте, на время полностью исчезает. В этом своем качестве он, действительно, служит лишь продолжению рода, о чем и пишет

^Бердяев Н.А. Эрос и личность (Философия пола и любви).- М., 1989.- С. 62, 48, 44, 39.

^Там же.- С. 70. Правда, в другом месте, на с. 133, мы читаем следующее: "Есть третья точка зрения: смысл полового соединения в соединении с любимым, в достижении полноты от этого соединения. Это смысл личный и единственно допустимый, морально и духовно оправданный, и он предполагает одухотворение пола".

Бердяев. Но половое влечение, включенное в любовь и взаимоотношения людей, столько же биологический процесс, сколько и психический. А как психический процесс, любовное поведение, о чем мы уже говорили, это довольно сложная и в ряде случаев духовная форма жизни, не один психологический процесс, а много разных. Здесь и сладострастное томление, о чем пишет Бердяев, и мистическая влюбленность в женский образ (Богородицу, Ма-

рию, Софию), и желание давно ушедшей материнской любви и помощи, и стремление найти понимающую тебя душу и многое другое. Когда Бердяев говорит, что человек не целостен, то он прав, но не прав, сводя эту нецелостность только к половой недостаточности, человек нецелостен по самой своей социальной природе: он нецелостен без семьи, без любви, без понимания, без поддержки, без возможности заботиться о другом и т.д.

Итак, половое влечение у культурного человека - это много разных процессов и желаний. Даже телесная подоснова у них не одна: помимо собственно полового влечения любовь предполагает работу почти всех телесных компонентов человека. Уже в архаической модели (где брачные отношения отождествлялись с охотой) любовное поведение черпало не только из полового влечения, но также из ритуалов (сакральные пляски, пение и т.д.), направленных на поддержание жизни племени. В античной любви-страсти Афродита и Эрот были вполне равноправными партнерами. Платоническая любовь подключалась к почти бесконечному источнику энергии, сил - работе мышления, воображения, очищения (делания) себя; это, как мы уже отмечали, привело к смене гештальта телесности, им вместо женщины стал прекрасный юноша. В куртуазной любви на женщину падал божественный свет Мадонны, и мужчина любил их обеих. Короче, любовное поведение всегда, во всех культурах телесно основывается не только на половом влечении.

Дискретный, конечный характер сексуального акта может, конечно, приходить в противоречие со сложной психической природой любви и личности человека, но лишь в том случае, если любовь и взаимоотношения мужчины и женщины отождествляются с половым актом, а сам сексуальный акт фетишизируется. Хотя окончание сексуального акта приводит к резкому падению психической и телесной энергии, а также исчезновению на время полового желания (здесь Фрейд прав), другие процессы любви и общения (эстетические, эмпатии, благодарности, родственной близости и т.д.) этим не заканчиваются, а, напротив, иногда только набирают силу. Именно эти процессы создают тот мощ-

ный напор и поток энергии, который несет влюбленных (любящих). И именно здесь одна из проблем интимной жизни: как добиться слияния полового влечения с любовью, со взаимоотношениями любящих друг друга мужчины и женщины, как сделать, чтобы эти взаимоотношения, имеющие не дискретный, а скорее, непрерывный и часто идеальный характер, гармонизировались с дискретным и капризным или грубым половым влечением^.

И другая проблема - как сложный психический процесс любви и взаимоотношений воплощать, концентрировать в своей кульминации - сексуальном акте. "Даже высшая форма люб-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ви,- писал Бердяев,- не есть любовь бесполая, бесплотная, не есть высушенный долг и моральная отвлеченность, в основе ее лежит мистическая чувственность, непосредственная радость касания и соединения" (курсив наш. - В.Р.). Чисто телесное половое влечение и сексуальный акт бессознательны, но они должны слиться в своем процессе и кульминации с сознательными и разными по природе психическими процессами - с переживанием чувств родственности, благодарности, красоты, радости, с общением и т.д. В свою очередь эти процессы должны в сфере интимной жизни слиться с половым переживанием, структурироваться в соответствии с его напряженностью, ритмом и кульминацией, в идеале сделаться бессознательными, так сказать, полететь на волне либидо. Именно в этом случае реализация всех желаний синхронизируется, гармонизируется, а все процессы сольются в один поток - катарсис любви, по природе одновременно телесной и духовной. "Бессознательность сознательной активности" переживается при этом как ощущение растворения Я, как погружение в телесную стихию, в которой уже почти невозможно различать себя и ее (его).

^Говоря о теле, К. Льюис заметил, что "на таком громоздком инструменте не сыграешь небесной мелодии, но мы можем обыграть и полюбить саму его громоздкость. Высшее не стоит без низшего. Конечно, бывают минуты, когда и тело исполнено поэзии, но непоэтичного в нем гораздо больше. Лучше взглянуть на это прямо, как на комическую интермедию, чем делать вид, что мы этого не замечаем. Интермедия нужна нам. Наслаждение, доведенное до предела, мучительно, как боль. От счастливой любви плачут, как от горя. Страсть не всегда приходит в таком обличье, но часто бывает так, и поэтому мы не должны забывать о смехе" (Льюис К. Цит. соч.- С. 211).

И все-таки, подчеркнем еще раз, половое влечение - лишь одна из форм телесности в любви. Любовь-идеал, любовь как замысел должна высветить, преобразить также и все другие формы телесности, несущие умную, духовную любовь. В умной любви человек получает энергию и духовную силу не только от непосредственного слияния с любимым, но не меньше от его лица (Бердяев не переставал подчеркивать, что "на своей вершине любовь всегда есть видение лица любимого в Боге"), от его присутствия, от самой атмосферы, ауры, которая его сопровождает и окружает, вообще от того, что он живет с любимым.

ЛОВУШКА ДЛЯ "БЕДНЫХ КУЛЬТУР"

Зигмунд Фрейд прав, говоря, что когда естественные сексуальные влечения ослабевают, люди создают, чаще всего не осознавая того, искусственные условия, чтобы наслаждаться любовью. Какие это будут условия, зависит и от случайных обстоятельств, и от воспитания, и от той концепции любви, на кото-

рую человек ориентируется.

Вот один из характерных для нашей современной культуры сценариев развития событий. Ребенка воспитывают не в том поле, в котором он родился. Бехтерев в одной из своих работ описывает ситуацию, когда мать хотела девочку, а родила мальчика. Не в силах с этим смириться, она стала воспитывать сына как дочь: наряжала в платья, приучала играть с куклами, сводила в игре только с девочками и т.д. В результате ее сын полностью освоил женское поведение, включая ожидание мужской любви. Дальше достаточно было только подвернуться случаю (а он, как правило, всегда подворачивается), чтобы подросший юноша физически почувствовал себя девушкой и вскоре вступил в гомосексуальную связь в роли женщины.

А вот другой, не менее редкий сценарий. Молодые муж и жена или просто возлюбленные, пытаясь реанимировать угасающее чувство, ищут новые "объекты" для любовного поведения. Если они ориентированы на современную молодежную культуру и секс, то их поиск ограничен прежде всего пределами тела любимого человека, его внешней красотой, теми чувственными удовольствиями, которые оно сулит (именно это рекламируют журналы, эстрада, телевидение, мода). Но тело уже освоено, за исключением... запретных зон, охраняемых чувствами стыда, застенчивости, сознанием запрещенности (современные эквивален-

ты табу). Но тем интереснее и притягательнее эти места, тем больше их хочется разглядеть, ощупать, освоить в сексуальном отношении. Молодые супруги или возлюбленные открывают новые ощущения, правда, слегка или не слегка патологические, и какое-то время поддерживают любовное поведение, преодолевая при этом стыд, застенчивость, ощущение греховности, запрещенности. Следующий шаг требует уже куда большей изобретательности и изощренности, здесь на помощь приходят эротические фильмы, журналы, книги о технике секса и т.п. Однако опять через какое-то время чувство угасает, а идти уже некуда.

Но есть другой потенциальный партнер, который может стать любовником или любовницей, есть порнофильмы, есть проститутки, есть любовь к людям своего пола, есть всевозможные необычные условия и т.д. В США, например, людей, оказавшихся на этом пути, не так уж мало -от 6 до 10 процентов населения. Как наркоманы не могут жить без иглы и травки, так эти мужчины и женщины не в силах обходиться без секса - они готовы пожертвовать всем, потерять все в жизни, лишь бы любым способом удовлетворить чувственное желание. Таким образом, во всех этих случаях происходит, так сказать, дрейф телесной основы любви.

Кстати, о сексуальной революции в нашей стране. К каким

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

последствиям может привести культивирование секса и создание индустрии сексуальных удовольствий? Ну, во-первых, к дальнейшему кризису и разрушению романтической концепции любви, которая и так уже серьезно пострадала от современного быта и низкой личной культуры супругов. Во-вторых, что не менее и даже более важно, к провоцированию разнообразных сексуальных отклонений, к расшатыванию естественной связи психического, любовного поведения с его телесной основой, в конечном счете к снижению сексуальных потенций населения. Нужно заметить, что сама концепция любви-секса, поддержанная средствами массовой коммуникации, деформирует естественные связи любовного поведения с телесностью. Содержание и образы сексуальных фильмов, произведений, изображений построены так, чтобы разрушать нормальные культурные сценарии любовного поведения. В погоне за острыми ощущениями и переживаниями отрицаются любые границы, запреты, тайны, т.е. убивается сама культурная основа любви, любовного поведения. Есть в концепции любви-секса и демоническое начало. Культивирование (разглядывание) гениталий, а также эксперименты с ними и телом только ради острых чувственных ощущений рано или позд-

но вступают в противоречие и конфликт с духовностью и нравственностью человека.

Нужно учесть и то обстоятельство, что пол и тело человека наряду с нравственностью, семьей, личностью являются универсалиями, определившими развитие человеческого духа и культуры. Как универсалии они не могут быть существенно трансформированы или тем более элиминированы. Сегодня, однако, наблюдается опасная тенденция экспериментирования с этими универсалиями (генная инженерия, эксперименты в области пола и секса, эксперименты с психикой и т.п.). Разрушение универсалий может привести (как один из возможных сценариев), например, к появлению людей-монстров и даже гибели нашей духовности и цивилизации. В этой связи вряд ли те элементы положительного сексуального образования, которые есть в нашей сексуальной революции, перевешивают указанные здесь негативные тенденции. Вероятно, сегодня необходимы не призывы к свободе в области пола и сексуальных потребностей, а серьезная политика в сфере сексуальной, а точнее любовной культуры. Именно культуры. И в России здесь есть своя традиция. Достаточно вспомнить нашу литературу и поэзию (от Пушкина до Пастернака), работы наших философов и начала века и современных, обсуждавших тему любви и русского эроса.

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЮБВИ

Вернемся к казуистическим вопросам И. Канта и к метаниям Н. Бердяева. Все-таки можно или нельзя любить женщину, если у нее нет желания? Как относиться к половому акту, раз-

рушает он личность или, напротив, позволяет прорвать обыденность? Ну, во-первых, в разных культурах на эти и подобные им вопросы ответили бы по-разному, а где-то сами эти вопросы были бы неосмысленны. Казуистические вопросы Канта из нашей европейской культуры, и ответы могут быть даны только здесь и сейчас.

Делать вид, что между любовным поведением (особенно в линии платонической, религиозной и, отчасти, даже романтической любви) и половым влечением, половым актом нет противоречий, вряд ли имеет смысл. Их природа различна, различны в общем случае и цели. Цель любовного поведения - или страсть, или наслаждение, или духовный рост человека, или общение, или то и другое вместе (в соответствии с разными концепциями

и моделями любви). Цель же полового влечения - продолжение рода, снятие психического напряжения, аспект гигиены и здоровья. Но ведь человек не имеет дело с чистым половым влечением, он имеет дело с половым чувством, а это уже телесный аспект любви. И здесь никаких противоречий нет, а если почему-то человеку претит его собственный половой акт (так же, как, кстати, другие проявления телесности - раздражение, потение, бессилие, естественные отправления и т.д.), то, значит, речь идет прежде всего о его сознании, о своеобразном расщеплении его личности.

Мы как-то не отдаем себе отчета, что буквально все наши психические функции - от низших до высших (от физического голода до духовного творчества) - телесны, что, например, духовный экстаз основывается в телесном плане на вполне определенных и вполне земных действиях, энергиях, соматических отправлениях. И когда поэт Джон Донн замечает:

О буре в крови говорит
Красноречивый жар ее ланит,
И кажется, что мыслью плоть кипит,

он и не подозревает, как близок к истине. И плоть кипит мыслью, воображением, и любые мысли и переживания не могли бы состояться без кипения плоти. Другое дело, что в бедных культурах любовное поведение весьма часто ограничивает себя половым чувством. Скользя по этой плоскости, любовное поведение обретает и особую сверхцель - наслаждение. По сути Бердяев борется не с половым актом, а с концепцией и практикой любви-наслаждения. А она действительно противоположна другой концепции - платонически-христианской. Однако, что имеет в виду Бердяев, когда говорит о преображении пола и полового влечения? Одно дело, если речь идет об одухотворении любовного поведения, другое - о мистическом акте, наподобие воскрешения отцов и дедов, предлагаемого Федоровым. Одухотворение

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

любовного поведения началось с Платона и проходит через всю европейскую историю, воскрешение же в иной плоти еще никому, кроме Христа, не удавалось.

Теперь вопросы Канта. Можно ли, например, что-либо возразить А.С. Пушкину, сказавшему:

О люди! Все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,

Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу.
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не в рай.

Как часто мы любим без желания (по привычке или из жалости) и как часто нас влекут чужие жены! И то и другое особенно актуально в наше время. Мода, искусство, телевидение, широкое общение, свобода нравов, эгоизм, тяжелый быт, монотонность городской жизни и многие Другие факторы способствуют "знаковой усталости", убивающей любовь, превращающей в обыденность даже интимные отношения. Как мы отмечали выше, обыденности противостоят сама любовь, наш образ жизни, ее ценности, степень нашей духовности, богатство впечатлений, умение реализовать себя. Конечно, нельзя впадать и в противоположную крайность - подчинять любовь целям духовного развития, превращать ее всего лишь в средство совершенствования своей личности. В этом случае любовь вырождается, становится искусственной, неживой. Духовное развитие - это духовное развитие, а любовь - это любовь. В частности, любовь - это и гигиена, и удовольствие, и наслаждение. Однако только к гигиене, удовольствию и наслаждению любовь не сводится. За ней стоит личность и духовное развитие человека. Это означает, что, сталкиваясь с проблемами в области любви, человек их должен решать именно как человек, следя за тем, чтобы человеческое начало в нем не страдало, а возвышалось.

Предположим, я хочу любить, а она нет. Человеческое решение - найти в себе силы и отказаться, сдержать свои чувства. Предположим и другое развитие событий: жалея меня, она любит (любовь-жалость, весьма нередкая в наше время), но я это вижу, чувствую. Думаю, и в этом случае лучше сдержать свои чувства, отказаться. Лучше... для нашей любви, для наших взаимоотношений. Но так намерен поступать я, а другой может не найти в себе в данный момент силы. И в этом случае можно все же остаться человеком, компенсировав свою слабость нежностью, ощущением своей вины, да мало ли еще как. Отношения в любви - это всегда творчество, неожиданность, поступок, испытание нас на прочность, на человечность, на умение чувствовать

свою вину. Никогда не известно, справимся ли мы, не соскользнем ли в яму. И никогда заранее не ясно, что нас ждет завтра или послезавтра. В любви нет гарантий, любовь - это всегда неизвестность и испытание.

199

Весьма серьезной этической проблемой является также отношение к отклоняющимся формам любовного поведения. Хотя интуитивно чувствуется, что в смене пола или лесбиянстве есть что-то неестественное, аргументировано показать это трудно. Ну почему, спрашивается, женщине не сменить пол на противоположный, если она чувствует себя мужчиной? К тому же, как правило, она не виновата в этом, чаще всего ее так воспитали или на нее так повлияли (друзья, среда, улица). Ведь исправляются же генетические нарушения или порок сердца. Да, труднейшая операция, но ведь еще труднее жить, ощущая себя существом другого пола. Сходные соображения можно выдвинуть и в случае потенциальных гомосексуалистов, лесбиянок, людей, склонных к трансвестизму (переодеванию в одежду людей противоположного пола) и т.д. А аргументы от морали здесь не проходят: ведь неясно, почему любить мужчине женщину нравственно, а мужчине мужчину - нет, почему безнравственно сменить пол, если чувствуешь себя в другом, противоположном поле. Что против всего этого можно возразить?

Ну, во-первых, вряд ли можно заменить природу, сделать лучше, чем она это сделала за миллионы лет эволюции. Меняя пол, человек обрекает себя на тяжелые последствия ("женщины" не могут рожать, "мужчины" не всегда полноценны в половом отношении, операция дает последствия и рецидивы и т.д.). И все же, главное возражение в другом. Все ли наши желания естественны и допустимы? Одно дело мужчина чувствует влечение к мужчинам, женщина к женщинам. Совсем другое - захотеть сменить свой пол. Здесь тонкая грань, перейдя которую, оказываешься в другом мире. Когда человек доходит до такой идеи, он, не замечая того, попадает совершенно в другую категорию. А именно, становится своеобразным эзотериком. Такой человек больше верит в свою идею, чем в обычный мир, он решает свою идею реализовать во что бы то ни стало, даже против своей природы. И почему бы нет, ведь современный человек все время идет против природы; он ее изменяет, разрушает, улучшает, вместо одной природы создает другую. Пойдя на изменение своего пола, человек становится в ряд с инженерами, мистиками, собственно эзотериками, которые изменяют свое существо под эзотерическое учение.

А что в этом плохого, может спросить нас читатель. Есть инженеры в технике, инженеры человеческих душ, генные инженеры, ну и, наконец, будут секс-инженеры, инженеры пола. А плохо, точнее опасно здесь то, что рано или поздно эзотерическая

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

инженерия создает такого человека, с такими желаниями и образом жизни, который выпадает из обычной культуры. Его развитие определяется теперь прежде всего идеями; оно не сдерживается и не ограничивается жизненными реалиями, природой, культурными требованиями. Желание женщины стать мужчиной - это именно такая идея, ничем не сдерживаемая, и ничем не ограничиваемая. И самое опасное, что эту идею, так же как и многие другие (стать бессмертным, сверхчеловеком, святым), можно осуществить в одном случае с помощью медицины, в других - эзотерического образа жизни и различных психотехник.

Что предлагает эзотеризм? Или идеальную культуру, или отказ от культуры вообще. Эзотерические учения - это восстание против существующей обычной жизни, стремление полностью разрушить реальность Я (эго), взорвать привычные представления о смерти, поставить на их место... А что, собственно, поставить на их место, кроме отрицания существующей культуры и ориентации на Благо, Свет, Дух? Жизнь, вероятно, тогда не страдает, не превращается в свою противоположность - нежизненность, когда самосознание и знание не только определяют активность и чувственность человека, но и следуют за ними.

В эзотерических системах активность и чувственность человека полностью перестраиваются под идеальные образы и схемы. В результате разрываются связи данной отдельной жизни с другими, теряется ощущение и понимание жизни других и всего целого. И хотя данная отдельная жизнь реализует полную свободу духа, полностью отвечает идеалу, в рамках этого идеала совершенна, в целом жизнь и дух ослабевают. Вероятно, совершенствовать свою жизнь для блага людей можно лишь в культуре, лишь повернувшись лицом к другим людям, укрепляя с ними духовную связь.

Как ни отличаются секс-инженеры и люди, меняющие пол, от эзотериков, тем не менее все, что мы здесь сказали, справедливо и относительно этой категории людей. Желание сменить свой пол в общем случае ничем не проще и не безопасней, чем, скажем, желание попасть в другую реальность или слиться с Космосом. У них одна природа - вера в свою идею, как в истинную реальность, стремление переделать себя, чтобы оказаться в этой реальности.

К этим проблемам относятся и современные споры о половом воспитании. Но это, конечно, тема более широкая, требующая специальных исследований. В данном случае мы ограничиваемся только постановкой вопроса.

ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Вернемся снова к анализу международного проекта "Половое воспитание российских школьников", о котором мы говорили во введении. Это типичное решение, подменяющее вопрос о половом воспитании информацией о возможных сексуальных отклонениях. Эксперты З.В. Любимова и Г.И. Рожкова правильно пишут, что путаница начинается уже с терминологии. Термин "половое воспитание" подразумевает регулирование отношений человека и общества в вопросах пола, а "секс" и "сексуальность" - термины, определяющие интимные взаимоотношения полов. Все основные положения проекта могут быть обозначены вторым термином и не имеют отношения к половому воспитанию.

При обсуждении этого проекта в Российской академии образования (РАО) директор Института развития личности, академик РАО В.С. Мухина говорила, что в России своя культура и ментальность, а безопасного секса не бывает. Сама установка на секс в раннем возрасте - это растление не только физическое, но и духовное. Секс в раннем возрасте должен быть табуирован.

Со всем этим можно согласиться, так же как и с тем, что после бурного обсуждения этот проект был приостановлен. Однако не думаю, что многие педагоги понимают, чем все-таки любовь отличается от секса и почему опасно давать в школе информацию, предупреждающую сексуальные нарушения.

Сначала имеет смысл обсудить более общий вопрос: может быть, курс полового воспитания в школе вообще не нужен? Понятно, что такой, который мы рассмотрели во введении, даже вреден. Вреден любой курс, подменяющий освоение культурной нормы предупреждением патологий, а любовь - сексом. Но дело не только в этом. Что такое половое воспитание? Именно воспитание, образование формы поведения, присвоение определенных ценностей, выработка правильного отношения к представителю другого пола, формирование определенного мироощущения. Можно ли этому обучить, усваивая знания и навыки? Сомнительно. К сожалению, многие наши ученые и педагоги уверены в обратном.

Но если половому поведению нельзя обучать, то что же можно? Ведь как-то школа должна противостоять СМИ, рекламе, пропагандирующим секс, агрессивной сексуальной атмосфере

последних лет. Попробуем сначала понять, какие у полового воспитания могут быть цели, а затем уже обсудим средства их достижения.

Наиболее общая цель полового воспитания - формирование

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

личности, правильно ориентированной в своем поле, способной любить, имеющей иммунитет к сексуальным экспериментам и соблазнам. Однако что мы видим сегодня в России? Эстрада, журналы, театр, кино демонстрируют тип героя (мужчины или женщины) как бы неопределенного пола, публично однополая любовь теперь не осуждается, более того, подогревается интерес ко всякого рода сексуальному творчеству.

А какую модель любви может усвоить наша молодежь, ориентированная на СМИ и современную массовую культуру? Инфантильный, сексуальный герой, ценящий деньги, силу, успех, в уши которого воткнут плейер, а в рот жевательная резинка. Нет, конечно, есть и другая, серьезная молодежь, но, к сожалению, не она задает тон.

Без иммунитета против современного секса, с его конвейером наслаждения, сегодня не обойтись. При этом, опять же к сожалению, простые запреты и мораль здесь не проходят. В начале века Л.Н. Толстой, озабоченный сходными проблемами, писал следующее: "Наряды, чтение, зрелища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, от картинок на коробках до романов и повестей и поэм, еще больше разжигают эту чувственность, и вследствие этого самые разные половые пороки и болезни делаются обычными условиями вырастания детей обоего пола и часто остаются и в зрелом возрасте. И я полагаю, что это нехорошо. Вывод же, который можно сделать из этого, тот, что... для воспитания людских детей поставить себе другие цели, кроме красивого, выхоленного тела"^.

Как известно, попытки Л.Н. Толстого распространить в России правильную мораль мало что дали.

Но у полового воспитания есть еще одна цель - осмысление (сообразно возрасту) явлений любовной и сексуальной жизни, с которыми ребенок, подросток или юноша сталкивается как во вне, так и в себе. Совершенно неправильно вместо мифа (сказки) об аисте и капусте давать пятилетнему ребенку медицинское объяснение механики рождения детей. Его сознание ориентировано

^Толстой Л.Н. Послесловие к "Крейцеровой сонате" // Собр. соч.: В 12 т.- М., 1982.- Т. 12.- С. 200.

именно на игру и сказку, а не на научное знание. Научное объяснение он и не поймет (все равно переделает в детский миф), но момент механистичности в его сознании будет заложен.

Труднее объяснить подростку, почему он занялся мастурбацией и что это такое или что с ним вообще происходит в этом возрасте. Здесь, вероятно, важно различать два плана - личную гигиену и формирующиеся предпосылки любовного поведения.

Гигиена есть гигиена, к ней ребенка нужно приучать в семье, в более сложных случаях (начало менструации, полюции и т.п.) на помощь могут прийти школьный врач и психолог.

А вот складывающееся любовное поведение требует специального внимания. По сути нужно тактично помочь подростку понять, что все эти новые для него события, ощущения и переживания - необходимое условие его становления как полноценного мужчины (женщины) и личности. Мужчины, женщины и личности, а не инструментов для опасного или безопасного секса. Предполагает половое воспитание и выработку правильного отношения к наслаждениям: от трактовок его как греха, если ребенок воспитывается в семье верующих, до понимания, что наслаждение, если оно берет верх, уводит человека от его духовной природы и назначения. В половое воспитание обязательно входит и формирование ответственности, во-первых, за чужую жизнь (как святыню, которую не только нельзя поломать, например, переспав с кем-то, не предохраняясь или ради удовольствия, а, напротив, нужно лелеять и всячески поддерживать), во-вторых, за свою собственную (ее также нельзя испортить ради минутного наслаждения или милого друга).

От всего этого нужно отличать половые отклонения - болезнь роста, например, мастурбацию или ранние половые контакты. Известно, что в начале века обе эти формы, чаще всего первая, оценивались крайне негативно, как патология развития. Сегодня, напротив, они считаются чуть ли не полезными для здоровья. Все же кажется более осмысленным рассматривать их как болезнь роста, а следовательно, не пугать подростка будущими негативными последствиями (в принципе, они не исключены), но и не поощрять в этих занятиях. Вероятно, правильное решение - погружать ребенка (подростка, юношу) в такую реальность и атмосферу, которые бы снижали значение удовольствий, получаемых от таких занятий, открывали бы ему другие пути и перспективы жизни и развития. То есть опять - не предупреждение сексуальных отклонений, а создание условий для более нормального развития личности. Другое дело, что

если ребенку понадобится душевный или интимный разговор, то школьный психолог или врач (или, если есть доверие, родители и учитель) должны быть наготове, чтобы обсудить проблемы, которые подростка волнуют.

Теперь вопрос о том, как же все это подавать в школе. Ясно, что не в обучении и не через изложение знания и информирование. В каком-то смысле половое воспитание для ребенка должно быть незаметным. Что-то он узнает на уроках биологии, что-то в курсе психологии (если таковой читается в школе), но не специально, а как фрагменты общей картины. Главное же другая сфера: обсуждение на уроках и вне их книг, кинофильмов, случаев

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

из жизни, некоторых телевизионных передач, формирование в школе духовной атмосферы. В этих обсуждениях наряду с другими моментами должны акцентироваться и анализироваться с целью выработки правильного отношения и понимания основные формы и модели любви и отношений между полами. Причем опять же не изолированно от других сторон жизни и развития личности, а внутри их.

Требует ли такой подход специальных средств и методов? Вероятно, да, ведь ребенок в своем развитии проходит разные ступени и сталкивается с разными проблемами. Очевидно, нужны соответствующие материалы для классного и внеклассного чтения и обсуждения, могут быть и специальные курсы "полового воспитания" для педагогов, психологов и родителей. И все же главное в другом: в том, чтобы половое воспитание было частью, моментом общего воспитания и образования человека, задачи которых в наше тревожное время достаточно сложны и, может быть, даже необычны. В идеале образованный человек видится таким, который в той или иной степени озабочен проблемами выживания и спасения человечества, работает над своим духовным обликом, может находить свое счастье и назначение в помощи другим и полноценной реализации себя. Вставленное в такую оправу, половое воспитание, уверен, обретет в школе и семье твердую почву.